

№ 5 РЕМ 2004

ЧЕ ШАН

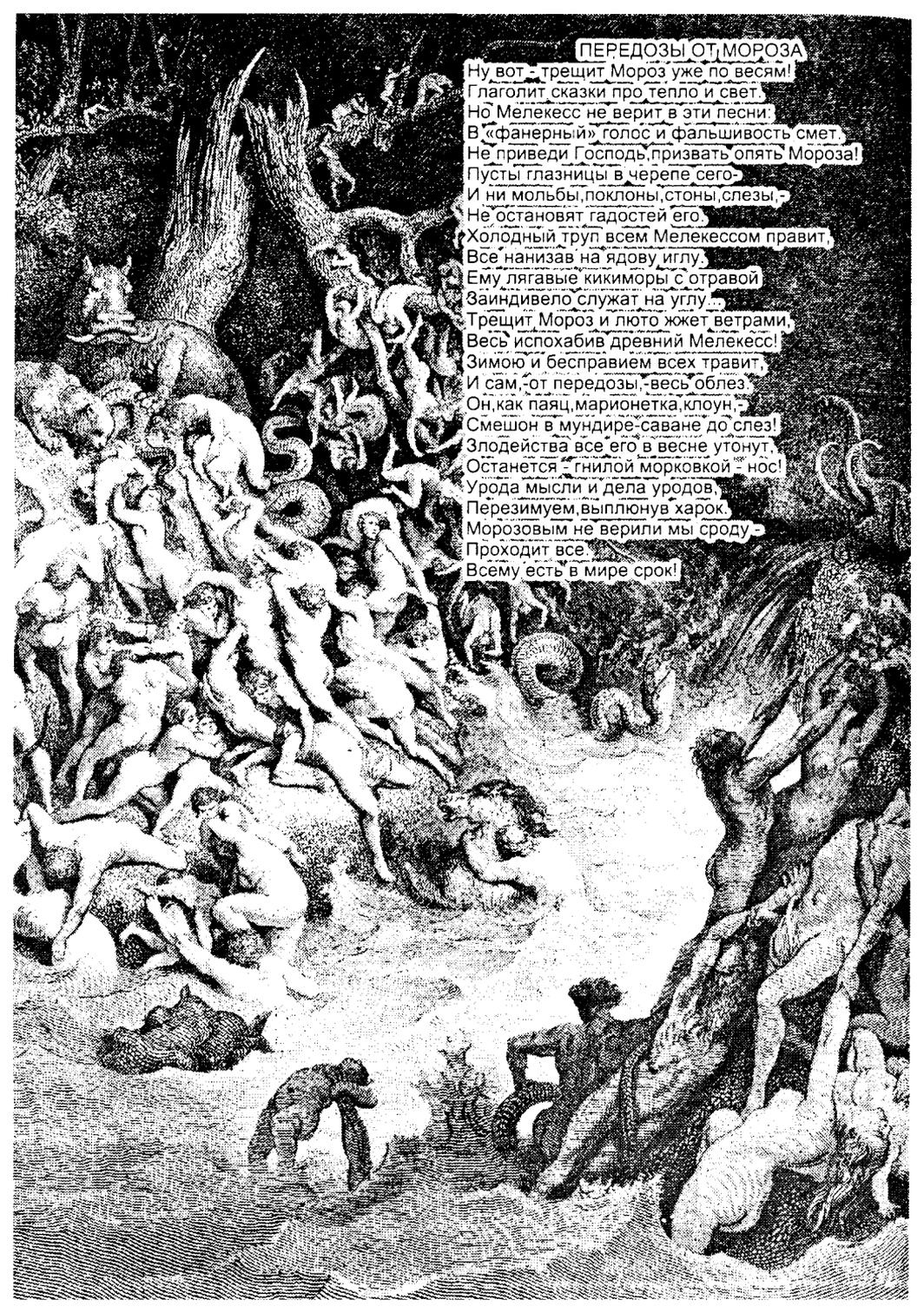
Литературно-художественный и краеведческий журнал

ЗУМЫШЬ

СЕЗОН

ПЕРЕДОЗЫ ОТ МОРОЗА

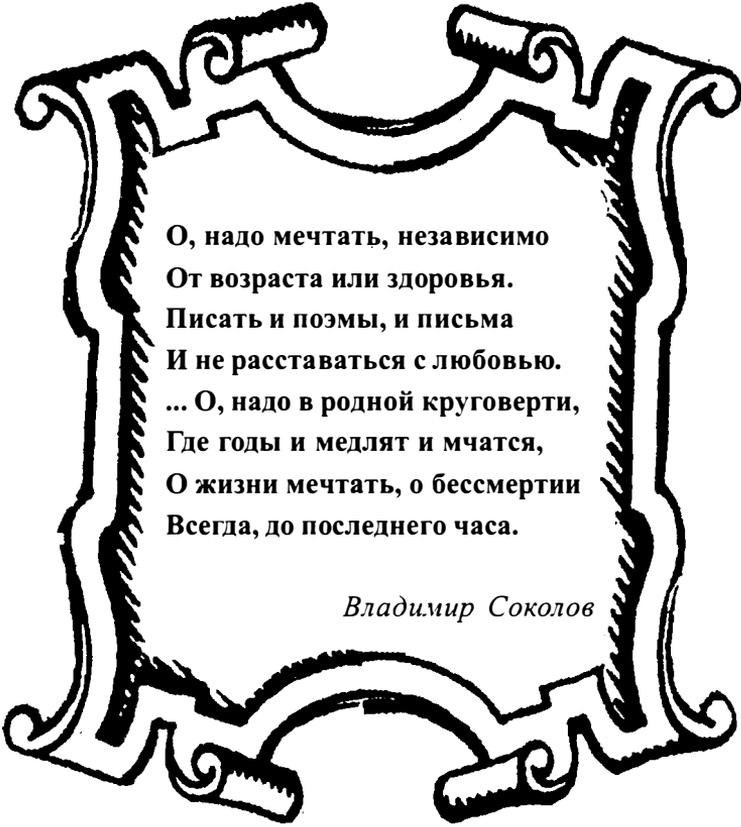
Ну вот – трещит Мороз уже по весям!
Глаголит сказки про тепло и свет,
Но Мелекесс не верит в эти песни!
В «фанерный» голос и фальшивость смет,
Не приведи Господь, призвать опять Мороза!
Пусты глазницы в черепе сего,
И ни мольбы, поклоны, стоны, слезы,
Не остановят гадостей его,
Холодный труп всем Мелекессом правит,
Все нанизав на ядову иглу,
Ему лягавые кикиморы с отравой
Заиндивело служат на углу ...
Трещит Мороз и люто жжет ветрами,
Весь испохабив древний Мелекесс!
Зимой и бесправием всех травит,
И сам, -от передозы, -весь облез,
Он, как паяц, марионетка, клоун,
Смешон в мундире-саване до слез!
Злодейства все его в весне утонут,
Останется - гнилой морковкой - нос!
Урода мысли и дела уродов,
Перезимуем, выплюнув харок,
Морозовым не верили мы сроду -
Проходит все,
Всему есть в мире срок!

№ 5

ЧЕРЕМШАН

2004 г.

Литературно-художественный и краеведческий журнал
Димитровградского отделения Ульяновской областной
писательской организации Союза писателей России
(Издается с сентября 1998 г.)

О, надо мечтать, независимо
От возраста или здоровья.
Писать и поэмы, и письма
И не расставаться с любовью.
... О, надо в родной круговерти,
Где годы и медлят и мчатся,
О жизни мечтать, о бессмертии
Всегда, до последнего часа.

Владимир Соколов

Редактор журнала Валерий Гордеев

Над номером работали:
Фотохудожник: - **В.Зиновьев**
Дизайн и верстка - **А. Миронова**
Корректор - **Р.Соколова**
Компьютерная обработка снимков - **В.Стрючкова**

Редакция извещает о том, что с согласия авторов их произведения временно публикуются на безгонорарной основе.

Спонсором нового проекта журнала "Черемшан" выступает ОАО "Димитровградский рынок". Мы выражаем глубокую благодарность лично генеральному директору акционерного общества **Б.Д. Борисову**.

Лицензия: ЛР № 030267 от 7.05.97 г. Литфонда России

© "Черемшан" 2004
ISBN 5-85658-028-1

Материалы журнала "Черемшан" размещены на страницах тольяттинского сервера в Интернете: "Toline". На сайте: www.catalog.toline.ru.

Адрес редакции: 433510, Ульяновская обл., г. Димитровград,
ул. Юнг Северного флота, 107.

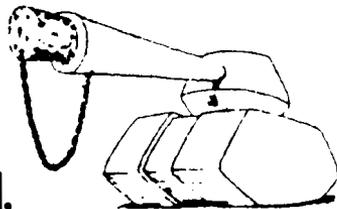
Сдано в набор 9.10.04. Подписано в печать 9.11.04. Формат 60x90/16. Печ. л. 9,0.

Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ № 8174. Цена свободная.

Отпечатано в Димитровградской типографии: ул. Юнг Северного флота, 107.

Российская трагедия
(акт- 1995)

Да воздастся каждому, по делам его...

Зима не зима, а холод... Снега в полях с гулькин хвост, на асфальте же наледь такая, что кажется, дорога идет на полюс. Бесконечное однообразие, вымершей на зиму южной природы. Серость испачканного снега, чернота подмерзшей в кювете грязи. А посреди этого, пугающая гулом дизелей округу, веревница камуфляжного брезента, арочных колес, длинных капотов, и зеленых цистерн.

- Везет ведомым...

- Что?

- Говорю, везет тем, кто за нами. Вот, ты Андрюха, едешь - все время начеку, того глядишь заскользишь. А они за нами по разбитому гололеду, как по Красной площади...

- Хм-м. Салага... Ты думаешь, наши покрышки могут что-то сделать этому льду? Да тут до нас сотни «Уралов» да «Камазов» прошли. И все равно, один фига - скользим. Вот если бы танки...

- Не-е. Им сзади в се равно иди легче. Тянутся за нами, как нитка за иголкой. Где мы скользнем - они притормозят.

- Не притормозят - скользнут следом. И вообще, кончай каркать! Идем медленно, бочки под завязку. Прём как бульдозера. Так что, отдыхай, Серега, любуйся ландшафтом. Говорят, по весне тут все цветет, и на каждом дереве апельсины с персиками висят.

- Ага. Только летом. Как раз, когда нас здесь уже не будет...

Сергей переложил автомат на колени и, уже было прислонился к двери, подремать, как задребезжавшее стекло ударило по уху пронзительным визгом.

- Ого?!

- Это еще что?! - если бы, крутящий баранку Андрей мог, он бы, наверное, вылез сквозь «лобовуху», чтобы посмотреть, что там проносится над машиной.

- Ё...! Гробанемся!

- Держись!

Дорога под колесами дрогнула и пошла волнами. Стройная колонна автозаправщиков распалась. Одни истерично взвизгнули тормозами, кто крепче нервами, да побогаче опытом - поддал газу. Хвост «молодняка» накатил на голову «дембелей». Но скрежета сминаемого металла и срывающихся на мате

голосов - никто не услышал, обрушившийся с небес грохот поглотил все.

Машина Андрея, поддетая бампером соседа, пошла юзом и нырнула передком в кювет. Но прежде, чем это случилось, распахнулась водительская дверь и Андрей кубарем покатился по заснеженному склону.

К счастью, все обошлось. Артналет окончился так же внезапно, как и начался. Произошло очередное, из столь частых на войне чудес. Ни один снаряд, ни единый осколок не задел бензовозы. И после того, как огненный вихрь сошел на нет, экипажи вернулись к своим почти целехоньким машинам.

- Серега, ты что, дурак?

- ...?

- Машину охраняешь?!

- Да. Не-е. А что?

- Какого лешего, ты остался в кабине? А если бы полыхнуло?

- Полыхнуло? - словно, не осознавая о чем именно речь, отрешенно повторил Сережа. - А что,- могло?

- Еще как! В следующий раз, сигай оперд меня - не сиди и не жди пока машина остановится...

Прокуренный голос командира боролся с гулом машин и их экипажей, сзывая всех к себ:

- Убитые, раненные есть...?! Машины, какие разбиты?!

- Да нет вроде...

- Тогда по машинам. Вытягивайте застрявших. И вперед!

- Куда вперед?!

- Вот так и будем без охранения идти?

- Спокойно! Спокойно! Это наши, - все тем же, резким и охрипшим голосом объяснил случившееся командир автобата. - «Грады» тренируются. Заодно и вас тренируют.

- Ну ни хрена себе...! Они же могли...!

- Не могли!

- Предупреждать надо. А кувыркнулся бы кто?

- Прекратить ныть! Вы что, думали это вам прогулки? Считайте это главным своим учением. Все максимально по-боевому. Не расслабляться. И одеть всем шапки! Менингитники мне не нужны...

Рассыпавшаяся колонна ожила. Подали голос натужно ревущие дизеля. Запели тросы, вытягивая застрявших. Водители, и солдаты; окунувшись в работу, на время забыли о случившемся, и уже через пятнадцать минут вереница бензовозов двинулась дальше. Но в души людей, проезжавших мимо стоящей на обочине БРДМки, вновь вползала тревога, нагоняемая доносившимся из открытого люка хрипа командира:

«Кто у вас там командует?! Я в квадрате бэ-семь... Да по карте! По той самой карте! Что значит, здесь нет «Градов». А по мне кто работал...?!»

Время шло к ночи. Зажглись фары. Окружающий мир вскоре сократился до размеров освещенной части полотна. Завьюжил снег. Андрей, выкинув бычок,

закрыл форточку и, как мог, затянул попсовую песенку.

- Может быть радио включим?

- Что не нравится? Слуха что ли нет?

- Голоса, - ответил «охранявший» бензовоз Сергей, и потянулся, к врезанному в бордачок, радио.

- Умный, умный! Только - ничего не поделаешь. Там сейчас только президент, с депутатами. Оправдываются за наш поход и поздравляют с наступающим...

- Дудаева тоже поздравляют? Хм-м.

- Его в первую очередь. Можешь не крутить. Оставь динамик в покое... - Да нет, не может быть. Сейчас часто крутят новенькую звездульку. Говорят из нашего города девчонка.

- Из Саратова что ли?

- Саранска. Училась, чуть ли не со мной.

- Да ну?

- Да-да, в соседней школе.

- А-а. И наверное лет на пять раньше...

Сигареты, шутки и отвлеченные разговоры сняли напряжение. К тому же казалось, ночь надежно укрыла колонну от посторонних глаз да внезапных обстрелов, и до утра можно ехать спокойно.

- Интересно, долго еще колесить будем? Как бы пацаны за рулем дремать не начали. Почти все всякого обстрела будет.

- Да. Что-то едем-едем, а никак не приедем. Я раньше думал, что Чечня это, что-то такое маленькое, типа нашего пригорода - проезжаешь и не замечаешь.

- Угу.

- Кстати, это мое первое путешествие.

- Что?

- Говорю, что я за всю жизнь никуда из города и не выезжал.

Первый раз. Понимаешь?

- А что - к бабушкам в село, или дяде - в Москву?

- Нет. Они у меня все в Саранске живут.

- Ну, тем более, скинулись бы на общак родственничку, чтоб съездил на море здоровьице подтянул. Дембельнешся, - так и предложи, дескать, скидывайтесь герою-чеченцу на излечение.

- Да не-е, этим летом мать обещала за окончание технаря отправить на море.

- Так надо было тем летом ехать. Как кончил технар, так сразу в вагон, в поезд.

- Угу, только по всем делам окончить его я должен был этим летом.

- Что? Выгнали что ли?

- Нет, ускорили выпуск. Чтобы в армию успели. Вместо апрельской сдачи устроили сентябрьскую. А там октябрь, военкомат и пехота.

- Понятно. Ну, ничего. Я так думаю, вы здесь надолго заквартируете. Успеете персиков поесть...

- Да ладно. Что тут квартировать? Разгоним шайку, да сдадим место ОМОНу с ментами.

- Тоже может быть, - затаившись долгой зевотой, согласился Андрей. - А мне вот, даже если и не сменят, - не судьба персиков попробовать.
- Дембель?
- Ага. Скоро дни считать начну.
- Меняю свои персики на твой дембель!
- Ну, уж нет. Ешь сам свои персики! Хотя, может быть, и я успею. Говорят, тут уже в феврале все цветет и бухнет?

Андрей надавил на газ. Дизель огрызнулся громким рыком, нарушив ночную монотонность. Колонна, чуть сбавив скорость, втянулась в затяжной подъем. Сергей полчаса как спал. Прислонившись к двери, он словно игрушку обнимал автомат и посапывал.

«Охранник, блин, - чуть ли не с завистью поглядывая на своего пассажира, сокрушался Андрей. - Интересно в других машинах, молодежь тоже спит или все еще трепится. Так и придется радио включить...»

Андрей нагнулся, пытаясь дотянуться до ручек радио. Щелкнул резистор, загорелась шкала настройки и, в следующий момент, куда громче зашипевшего в кабине динамика, лопнуло лобовое стекло! Раз, второй. Третьим стал звон рвущегося металла двери. Андрей, еще не понимая, что происходит, разогнулся и первым делом почувствовал обдавший его холод, сквозивший в дыры пробитой лобовухи.

- Ч-черт! - ноги заработали в бешеном ритме, пройдя по педалям, как пальцы пианиста по клавишам. - Тормоз! Нет! Газ! Нет....

Пули били уже по бочке, барабана по ушам глухими ударами.

- Мать твою! - машина покатила по дороге от обочины к обочине, грозя в любой миг встать на два колеса и перевернуться.

Выстрелов уже не было слышно, но по тому, как в зеркалах заплясали фары ведомых, было понятно, что обстрел теперь переместился на них.

- А?! Что?! Скользим?! Прыгать?!

В блуждающем по полотну свете фар что-то промелькнуло.

- Ё...! Это что?!

- Тормози! Это человек!

В очередном «вираже» фары вновь осветили препятствие. Сергей был прав, в свете фар действительно был человек. Стоя во весь рост, держа что-то такое на плече, он явно не собирался уходить с пути несущегося «Урала».

- Собьем! Поворачивай! Тормози!

Человек вновь пропал в темноте, которая тут же растворилась в яркой вспышке огненного факела. Ни Андрей, ни Сергей не увидели, как мимо пронеслась, едва не скользнувшая по машине, граната.

- Ё...!

- Какого...!

- Стреляй! Стреляй давай!

Но стрелять было уже поздно. В следующую секунду безумец был смят ударом бампера. И хоть Андрей и поднял автомат стрелять из него он не мог. Стекло на двери не опускалось, да и предохранитель на оружии в горячке снят

не был.

- Вот это да! - лишь только «Урал» остановился, подал голбс Сергей.

- Чего да?! Из машины! Живо! - последние слова уже летели вдогонку Сергею, катящемуся в кювет.

Над полотном дороги стоял грохот канонады. Ливень трассеров бил в ночь по видимой цели. Огромный факел разметанного взрывом топлива, освещал лишь пустоту полей и грел зимнюю ночь. Казалось, огня было целое море. Даже лежа, более чем в ста метрах от взорвавшегося заправщика, Андрей боком чувствовал припекающий жар гудевшего пламени.

- А ведь могли быть и мы...

- Могли!

- Повезло.

- А Игорьку не повезло.

- Друг?

- Друг не друг, какая разница? Служили вместе с самой учебки,- держась подальше от огня Андрей, еще не докурив одной сигареты, уже тянулся за другой. - С ним и из ваших кто был?

- Кто-то был. Но кто- не знаю, нас собрали из разных рот, батальонов.

Командир колонны, как и вся колонна, остался по ту сторону пожарища. Их фигуры, огненными языками окрашенные в алый цвет, металсь у развороченного «Урала». Бьющие по глазам, фары машин колыхнулись в мареве огненного жара и подались назад - подальше от огня.

«Надо бы и нам откатить подальше. Рванет еще бочка... Вон, как печет...»

Уже начинало светать, а колона все еще стояла на месте пожарища. Тлеет черный остов машины. Сизый дымок струился над ним, разнося по округе запах бензина и запекшегося мяса.

- Что, Санек, ничего от Игорька не нашли? - «без наводки» определив того, кому было приказано копошиться в углях, спросил Андрей.

- Вон,- все, что осталось!

На расстеленном брезенте лежали черные как уголь каски, развороченная коробка автомата, да какие-то оплавившиеся побрякушки.

- Значки что-ли?

- Не знаю.

- И что с этим делать будешь?

- Комбат сказал - грузить в БРДЭмку...

- Угу. Грузи. Как погрузишь, подходи ко мне.

- Зачем?

- Телогрейку дам. Бушлат заблевал - смотреть жутко.

- Помочь не хочешь?

- ...Извини, Санек... Приходи за телогрейкой.

Прошло еще какое-то время, прежде чем водители начали выстраивать машины в колонну. Во главе ее теперь встал не Андрей, а командир на своей БРДМке.

«Что он делает? Думает своей броней прикрыть, что ли? Вот упрямся в него и, вместо помятого бампера,- всю рожу расквасим...» - но решение командира было неоспоримо. Да и спорить никто особо не хотел - после всего случившегося, идти в «голове» желающих не было.

Не спеша, с прощальным гудком проходили машины мимо развороченного топливозаправщика, отдавая последние почести погибшим. Несколько минут, сменяя друг друга, гудели клаксоны. А когда они смолкли, за спиной послышался тоненький писк, выкатившей из-за хвоста, пары УАЗиков.

Шли они - как на парад! Первый УАЗ, крытый брезентом,- должно быть, с начальством, следом,- открытый, с парадно сидящими бойцами, и колыхающим на ветру развернутым знаменем. «Легковушки» поравнялись, с БРДМкой комбата. Их двери синхронно распахнулись, и на асфальт высыпал десяток крепких ребят в черных беретах, плюс один генерал в почти парадной шинели.

- О, начальство пожаловало!

- Полковник, что ли какой?

- Ты что, Серег, погон не видишь? Генерал.

- А я что, разбираюсь? Нам- старше капитана никого и не показывали. И погон, как раньше в школе, не преподавали.

- Хм. Как же ты служить- то будешь? В нашей армии знать: «ху из ху» главное, чем уметь стрелять и трешку пробегать. Ну, да ладно, по дороге объясню.

Меж тем, разговор у комбата с генералом явно не ладился. Стоя у БРДМки, они о чем-то громко спорили, причем настолько громко, что если прислушаться, можно было бы даже понять в чем конфликт. Но после суток за рулем и ночи тревог, было не до этого. На сознание наваливалась дремота. Так что, вдруг случившийся перекур с остановкой, нужно было использовать по- полной... Андрей откинулся назад- и тут же уснул. Вслед за ним, позевав немного, уснул и Серега. И все для того, чтобы через пять минут быть разбуженными стуком в дверцу.

- Подъем! Строиться!

- А? Что? Ты что, сдурел?

- Вылезай, вылезай! Генерал строит!

- Б.., чтоб его! Серега подъем! Идем генерала смотреть!

Автобат, с приданной ему пехотой, с явной неохотой двигал вялыми ногами, кое-как строясь перед генералом. Так они и стояли друг против друга - уставшие, «распоясанные» солдатики и - вымуштрованные бойцы генеральской охраны. Контраст был столь сильным, что никто не сомневался в цели построения.

- Сейчас будет разнос...

- Угу.... Где ваша выправка? Где достоинство?..

- А еще: «Вы же солдаты, а не свиньи...», - перешептывались за спиной Андрея.

Андрей в этом также не сомневался. Но ни он, ни стоявшие за его спиной, оказались неправы. Пройдя вдоль строя, генерал внимательно осмотрел бойцов, не спеша вернулся в центр и, глотнув морозного воздуха, захрипел:

-Бойцы! Поздравляю вас с наступившим Новым годом! - генерал сделал паузу, словно ожидая ответного «Ура!», но лишь только кто-то из пехоты подал голос, он поспешил продолжить. - Я понимаю, что после такой ночи не до поздравлений. Враг - бандиты Дудаева- оказали нам сопротивление. И ночью вы также столкнулись с этим... И даже более - понесли потери. То, что произошло у вас, в еще больших масштабах происходит сейчас и впереди. Сейчас там-солдаты ведут бой и ждут поддержки. А поддержка стоит под Грозным - ждет топлива! Так что, давайте сынки! На вас вся надежда. Вперед, и только вперед...

- Охранения бы надо. Не довезем так ничего...

- Довезете! Вы у меня вон, - какие молодцы. Комбат, список всех,кто сегодня ночью шел в колонне - к награждению! Ребятки, бандиты они же, как шакалы - по ночам, да изподтишка... Днем, в чистое поле они не выйдут. Так что вперед! Как все кончится,- все поедете в отпуска. Давайте сынки...

И генерал, хлопнув дверью УАЗика, вместе с охраной и развивающимся знаменем, умчались вперед.

- Все слышали? Что я могу еще добавить? - выйдя на место, с которого вещал генерал, спросил капитан. - По машинам!

Колеса гремели по полотну дороги, отмеряя последний десяток километров до Грозного. Все чаще на глаза попадались искореженные останки автомашин. Бесперебойно гудели над головой вертушки. Поля больше не походили на пустынные просторы . Их плотно «заселяли» пехота, артиллерия, кухни, палатки. А впереди, там, куда уходила лента дороги,- дрожал, малиновый от зарева, небосвод.

- Это уже не разборки с бандитами. Это что-то посерьезней. А, Сергей?

- Война настоящая! Как- в кино. А вот- и наш генерал!

Комбатовская БРДМка, резко отвернула в сторону, выскочила на встречную полосу и обошла разбитый УАЗ, стоящий посреди полосы. Вслед за ней, не останавливаясь, прогремели и заправщики.

- Эх, остановиться бы! Спасем генерала - героями будем.

- Это- не генерал. Это- его охрана. У генерала машина крытая, а эта с открытым верхом. Генерал вперед укатил...

- Без охраны- то?

- Судя по всему,- его охране уже машина не нужна!

- Думаешь, все полегли?

- Не знаю...

- Все равно, надо было остановиться. Вдруг- кто живой?

- Да не переживай ты. Генерал со знаменем уже далеко. Наверное, «сынков» в атаку поднимает. А ты и так- уже герой... Готовь дырку под медаль или орден.

- Да ладно!?

- Что ладно? Бандюгана задавили? Задавили. Армии помогли?

Помогли. Значит герои...

Откуда-то сбоку, если вообще не со всех боков,- ударили автоматы. БРДМка развернула свою башню, огрызнулась из пулемета и, не останавливаясь, увлекла за собой колонну...

- Газуй, Андрюха! Сзади кто-то завалился - смотри в зеркалах!

Понять,- кто это, было невозможно. В трясущиеся зеркала разглядеть - кто идет за тобой, было трудно, а уж о том, кто пылал в кювете, можно было только гадать.

- Неужто, попали?

- Да попали, точно я тебе говорю, попали! Я сам видел, как грузовик полыхнул. Мотать отсюда надо! Пока не замочили!

- Куда мотать?! - увидев как Сергей потянулся к дверной ручке, заорал Андрей. - Сидеть, придурок!

- В поле! Бежать. Подальше от машин...

- Ага! В поле! На стволы- прямиком?! Остановимся,- точно замочат! Отстреливайся лучше. Е..., охрана мне тоже. Герой-спаситель! Давай стреляй!

Сергей стал отстреливаться и, одно уже это, прогнало пугающие его мысли.

- У тебя что- стекло не опускается?!

- Как видишь!

- Тогда я его выбью, - и Сергей замахнулся автоматом.

- Я те- выбью! Мне эту машину еще сдавать, - окриком остановил его Андрей.

- Выбью? Выбивай!

Куда и в кого стрелял Сергей, осталось на его совести. Но по окончании обстрела оба его магазина оказались пусты.

- Все,- патроны кончились...

- Что? Как кончились?

- Так, раздали всего по два рожка на брата. Сказали, что и этого много будет. И еще,- остановиться надо...

- Зачем?!

- Отлить... и гильзы собрать для отчета.

Андрей с Сергеем закатились смехом. И, словно вторя ему, машина закачалась вправо, влево... успокоившись только вместе с водителем.

А вот-и танки!

Танкисты, завидев колонну заправщиков, повыскакивали навстречу. Кто, встречая долгожданное топливо, размахивал шлемофоном, кто радушным жестом предлагал подъезжать к своей машине, указывая на заранее открытые горловины баков.

- Наконец-то...

- Приехали...

- Теперь и мы поедем...

Работа ладилась. И было от чего ладиться. В глазах танкистов - водители бензовозов были просто героями. Без охранения, с бочками залитыми под

завязку, прорвались! Довезли.

Но стоило только заработать насосам, и топливу политься в баки, как все сразу же изменилось.

- Э-э! Э! Это, что? Что это?!

- Ты что льешь?! Выключай насос!

- Какого ... вы тут привезли?! Это же- бензин!

- Ну да, бензин, - лишь только заглох последний насос, вмешался в разрастающийся скандал капитан. - А что?!

- Так танки на бензине не ездят!

- Это почему это! Я сам заливал... И сам видел... Ездят. Еще как ездят!

- На учениях?

- Что?

- На учениях видел?

- Да.

- Так то- на учениях! А это- война... Одна искра- и полыхнет ваш бензин - за ним снаряды. И конец танку! - подскочил на крики комбат танкистов. - Прекратить заправку!

- Ну, не знаю! Разбирайтесь со штабом. Нам было приказано привезти и мы привезли..

Патовая ситуация никак не разрешалась. Связи со штабом не было. Эфир был забит просьбами, требованиями, запросами, но только не ответами штаба. Кто- просил огня, кто- забрать раненных, кто- топлива с боеприпасами - но- все впустую. Никакой реакции.

- Что будем делать, а танкисты? - стоя с капитаном танкистов у его танка, спросил капитан «автобатчик» .

- Не знаю. Но бензин заливать я не буду. У меня пацаны...

- А у меня кто, бабы?! Что ж ты их так? Ты знаешь, через что им пришлось пройти за ночь, чтоб твои - их посылали и крыли?

Машину здесь вести, это не за броней сидеть...

- Не кричи! Я тоже ночью экипаж потерял! Но без приказа, я бензин не залью.

- Да?

- Да. Ну, а за «идиотов» и что- другое, извини. Нервы!

Из раций продолжали литься мат и призывы о помощи. И, на их фоне , стоящие без движения танки, казались просто издевательством или, больше того, преступлением. Тем более, что рядом стояли машины с топливом.

И как того можно было ожидать, разрешение ситуации пришло со стороны грохочущего Грозного. Уже потрепанный, местами пробитый, с потрескавшимися стеклами УАЗик, завизжав тормозами, остановился в центре танкового батальона.

- Почему стоим! Почему не выдвигаемся?! Где командир?!

- Здесь я, товарищ генерал. Капитан Сорокин.

- Почему стоим, Сорокин?

- Машины заправлять нечем.

- Как нечем? А это что?! - генерал показал на топливозаправщики. Капитан Сорокин, это что?!

- Это бензин, товарищ генерал.

- Как бензин?!

- Да бензин, - подскочив к генералу, подтвердил командир колонны. - Капитан Игнатъев, вот бумаги с предписанием доставить бензин танковому батальону номер...

- Что за чушь! Дай сюда, - генерал выхватил из рук Игнатъева бумаги, полистал их и метнул в сторону. - Полна страна говна кусков! Игнатъев и что во всех машинах бензин?

- Да товарищ генерал.

- А в баках?

- Дизтопливо.

- Сливай свои баки, в баки танков!

- Товарищ генерал, пощадите. Им этой солярки все равно не хватит.

А мне еще назад колонну вести, заправляться - и вновь сюда. Я ведь на бензине ездить не могу. У меня «Уралы», а не танки.

- Д-да. - на секунду задумался генерал, и не выходя из задумчивости, с явным нежеланием, произнес для танкиста, - Придется тебе, капитан, бензином заправляться.

- Но, товарищ генерал. Есть устав, инструкции, регламент...

- Да какие к черту инструкции! Там люди гибнут, потому что им твоих пушек не хватает! Заправляйся и не бойся ты! Что тебе эти бандиты, пусть и с пулеметами делают? Броню же не пробьют.

- Я вижу, какие там пулеметы...

- Разговорчики, капитан! Я приказываю заправляться! И в бой!

- Так пожгут же...

- Ваши танки сейчас там нужны, как воздух. Заправляйся капитан. Другого топлива нет, - словно с мольбой о помощи, окончил «разговор» генерал, после чего оглядел технику и добавил:

- Расчехляйте пушки! Парад окончен!

Вновь были раскатаны рукава. Загудели насосы. Топливо с гулом и грохотом полилось в баки. Меж тем экипажи расчехляли стволы пушек, пулеметов, прогревали двигатели. И вот уже первые «восьмидесятки» поползли по дороге в город.

- Товарищ генерал, разрешите? - буквально поймав захлопывающуюся дверь УАЗа, обратился командир колонны.

- Да, капитан?

- Вы просили список на награждения.

- Кого?

- Отличившихся, этой ночью.

- Ты что капитан? Как отличившихся? Бензин сюда привезших?

- При чем тут бензин? Бензин не они выписывали. Не они распоряжались, -

доставая из нагрудного кармана список, вступился за своих капитан. - К примеру, вот, рядовой Андрей Камеровский, не испугавшись наведенного на него гранатомета, направил машину на врага и раздавил его. С ним в машине...

- Хорошо капитан. Давай сюда список. После войны разберусь. Лично встречу и награжу. Передашь своим героям благодарности и - по сто грамм на привале. Скажешь я разрешил... - дверь машины хлопнула и, уже из-за разбитого стекла донеслось:

- Сейчас же возвращайтесь назад. Нам нужно будет еще много топлива...

Двое оставшихся в охране генерала бойцов, хлопнули своими дверями, и УАЗик покотил вместе с танками в сторону Грозного.

- Это зачем же мы возвращаемся? Опять за бензином? - будучи не единственным свидетелем разговора, спросил Саня, глядя в зеркало как удаляется пылающий город. - Он же ни кому не нужен!

- А я, почему знаю! Сам слышал - приказ.

- Но так быть не должно. Выходит, почему зря сами рискуем и танкистов подставляем...

- Есть в мире армия, самая геройская, самая непобедимая... Потому что - российская. А какая армия, Санек, такие у нее и герои, таковы и их подвиги...

- Да ты философ, брат.

- Не философ - «дед...»

Грозный горел и гремел стрельбой еще долгие десять дней. Столько же раз, колонна автозаправщиков возвращалась в его пригороды, заливая в баки то, что удавалось достать: бензин, керосин, солярку... Оставляя на пути следования покореженные, сгоревшие машины, теряя людей. А уже - под конец штурма, командование осмелилось ввести машины в сам Грозный, в котором и был потерян последний бензовоз. «Неточный» удар минометов поджог машину Андрея и Саши. Уже через час их, бездыханных и обгоревших, доставили на вокзал. И вот парадокс - обещанная встреча состоялась! На одном перроне, в одном ряду, бок о бок с ними лежали, генерал в изодранном, прострелянном бушлате и обгоревшие до неузнаваемости, капитан-танкист со своим экипажем.

ПОСЛЕДНИЙ ВЫСТРЕЛ СОЛТМУРАДА

(повесть из цикла
«Кавказский разлом»)

1.

Полковник ичкерийской армии Солтмурад сидел за дощатым столом, наскоро сколоченным из неструганых сосновых досок, устало подпирая свою отяжелевшую голову черными от пороховой гари руками и размышлял о превратностях и поворотах своей жизни. А мысли его ворочались в голове, словно валуны в стремительной горной реке - нехотя и лениво.

Там, наверху, гремел бой, который продолжался почти без перерыва целую неделю. Ему не надо было выходить на поверхность, чтобы знать, что происходит, за долгие годы войны с федеральными войсками - он научился безошибочно определять, где, откуда, кто и из какого оружия стреляет: вот утробно гудит мина полкового миномета, через некоторое время пукает танковая пушка, а вот - что-то клекает крупнокалиберный пулемет Калашникова. Танковая пушка пукает оттого, что федералы открывают люки во время стрельбы, чтобы избыточное давление внутри башни при попадании в нее снаряда или гранаты не размазало экипаж по стенке. Этим иногда пользовались чеченские ополченцы, стараясь забросить внутрь гранату, - иногда это получалось.

Да, превратности судьбы и жизни... Еще неделю назад он чувствовал себя орлом, стоял на скале и обозревая в мощный цейсовский бинокль свое родовое гнездо, ютившееся у выхода из ущелья, и с нетерпением ждал того часа, когда он снова очутится в родном селении, где сорок два года назад его покойный отец выхватил новорожденного из рук повивальной бабки, поднял сына над краем утеса, у которого стояла их старая сакля, и закричал на весь свет:

- Сы-ы-ын! Айт, люди хорошие, у меня родился сын! Я приглашаю всех в гости, на той! Приходите, добрые люди, разделите со мной мою великую радость!

Эхо катилось по горным теснинам, ущельям и лесам, разнося радостную весть до соседних селений. А уже вечером за стенами их полуразвалившейся сакли слышались радостные возгласы мужчин и женщин, которые пришли поздравить счастливую супружескую чету с рождением нового горца. Женщины бежали со двора в дом, из дома во двор, где в больших казанах томилась баранина и плов, подносили гостям угощение, а потом и сами садились попировать

на женской половине. Угощение было скудным, несколько караваев хлеба и лепешек, испеченных из овсяной муки пополам с лебедой и отрубями, сушеный сыр, толченые орехи с постным маслом, и если бы не помощь колхозного председателя, который выделил одного барана и две плошки риса, праздник походил бы на поминальный ужин.

Ну что особенного - человек родился. Каждый день и час, каждую минуту и секунду в этом мире рождаются сотни и тысячи детей. Но это событие было примечательно тем, что здесь, в маленькой горной стране, появился человек, впервые рожденный после сталинской депортации целого народа, когда разбросанный по самым дальним краям и весям необъятной России большой и влиятельный тейп впервые собрался на исторической родине. Люди возвращались в родные места, и слезам их не было конца, когда они подсчитывали свои потери: лишь каждый третий остался жить после страшной мясорубки, которая день и ночь работала на просторах Советского Союза.

Но в этот же день случилось и горе: пока праздновали день рождения Солтмурада, не выдержав тяжелых родов и истощения, умерла его мать. Правду говорят в народе, что веселье от печали ничего не отделяет, только веселье - это начало жизни, а печаль - ее конец. Уже в этот же день родительницу похоронили.

Отец Солтмурада был безутешен, он не выходил из дома почти месяц. Жена его была еще очень молодой, ко дню кончины ей не исполнилось и восемнадцати. Рассказывали, что отец увидел ее первый раз, когда она собирала на склоне горы хворост. И хотя ему в тот год было уже около пятидесяти и у него до этого было две жены и четыре дочери, при виде красавицы у мужчины закипела кровь, и он, как настоящий горный орел, не упустил добычу. И сватовство, и женитьба, и зачатие Солтмурада, по всей видимости, произошли в один день, потому что у невесты из родных никого не осталось и она жила совсем одна в выкопанной на скалах землянке. А кормила Солтмурада грудью родная сестра, у которой несколько месяцев назад тоже родился ребенок.

После похорож о матери, кроме ее мужа, никто не сожалел: видно, так хотел Аллах. Женщина совершила самое святое из предназначенного ей на этой земле - подарила мужу и свободным горам нового свободного горца, и только за это Аллах должен принять ее в свои райские сады. А там, на небесах, всегда лучше, чем на грешной и грязной от людских помыслов и поступков земле.

Через несколько лет жизнь постепенно наладилась. Отец построил большой добротный дом, приобрел кое-какую мебель, развел живность: корову, лошадь, баранов. После смерти жены больше не женился, жил вместе с младшими дочерьми и своим любимым, ненаглядным сыном, в котором он души не чаял. А когда Солтмураду исполнилось двенадцать, неожиданно умер прямо на пороге своего нового жилища.

В тот день Солтмурад впервые почувствовал себя мужчиной, он вдруг понял, что остался единственным кормильцем и единственной опорой семьи. Муж старшей сестры, которая его выкормила и которую мальчишка почитал больше матери, все больше пропадал на базарах и водился с сомнительными друзьями и, в конце концов, угодил в тюрьму за поножовщину. И Солтмурад остался единственным мужчиной в семье. Ведь не будут же женщины пасти баранов, косить сено, вспахивать землю, сажать яблони и виноград.

Здесь, в горах, жизнь текла по совсем другим, чем на равнине, законам. Как говорили горцы, они ближе, чем другие, к Аллаху, и Аллах дарует им свободу и чистоту помыслов. Советская власть здесь была номинальна: да, был здесь аулсовет, председатель, к которому все бежали за справками с печатью, раза два

в месяц наезжал участковый, который считал баранов, коз и коров, а потом неделю пьянствовал, переползая от дома к дому. А так все жители жили не по законам власти, а по законам шариата, которые ниспослал им сам Аллах, жили-выполняя наказания старейшин и муллы.

Когда Солтмурад попадал в город, он, как дитя неизреченной, перво-бытной природы, с искренним изумлением и дрожащей внутри него злостью наблюдал, как в предгорьях и на равнине чужие люди - русские, украинцы, молдаване - строили города, заводы и ковыряли машинами землю, чтобы достать из нее зловонную нефть, переработать ее в еще более зловонные и ядовитые бензин и солянку, чтобы машины в свою очередь двигались и загрязняли чистойшей горный, настоящий на свежайших снегах, цветочных запахах и изумительной красоте, воздух.

Он не любил русских за то, что они постоянно сквернословили, упоминая при этом нехорошими словами Бога, которому молились, и мать, самое святое, что есть у человека на земле, без разбору пьянствовали в будни и праздники и спаивали его соплеменников. Он не любил их за то, что они развязно вели себя с горскими женщинами, но еще больше он ненавидел самих горских женщин, которые готовы были кинуться на шею неверному, предав древние обычаи предков и законы шариата.

Однажды, когда Солтмурад был в Грозном, он увидел, как совсем юная девушка-чеченка сидит на скамейке в парке, что-то шепчет на ухо русскому, позволяя ему обнимать себя и прикасаться губами к щекам. Солтмурад остановился и зло бросил ей на чеченском языке:

- Ты позоришь весь свой тейп, когда позволяешь этой неверной собаке прикасаться к себе! Ты позоришь своих родителей и всех чеченов! Разве среди них ты не можешь найти настоящего мужчину?

Юноша, не понимая чеченского языка, спросил девушку:

- О чем он говорит? Он что, твой знакомый?

Нисколько не смутившись, девушка ответила:

- Не обращай внимания, это мой дальний родственник.

Она улыбалась, ее волнение выдавали лишь расцветшие на смуглых щеках розочки. Она спокойно встала, подошла к Солтмураду и, не повышая голоса, ответила на родном языке:

- Ты не в горах, а в цивилизованном городе, и не тебе давать советы. Иди, чабан, к себе в горы, паси своих баранов и не суй кнутовище в свой собственный зад. Понял?

Девушка подошла к парню, взяла его под руку, и они удалились. Кровь брызнула по всей коже Солтмурада. Как, эта сопливая девчонка позволила себе обозвать его, истинного горца и мужчину, этой презрительной кличкой-чабан!? Он знал, что таким оскорблениям подвергали лишь тех чеченов, которые не хотели заниматься истинно мужским делом - воевать с неверными и продавать их в рабство. Да, он, Солтмурад, не воевал с русскими и не брал их в плен, но если бы такой случай представился, он уничтожил бы их безо всякой жалости, он отрезал бы им головы, сжигал бы их на кострах, закапывал бы в землю...

Рука Солтмурада нащупывала то место на поясе, где должен был висеть кинжал, но его там не было. Он чувствовал, как от бессильного скрежета крошиться его зубы, от злости он готов был голыми руками разорвать на части этого чубастого светловолосого парня и предательницу-чеченку, но тут рядом с ним раздался чейто голос:

- Что тут происходит?

Солтмурад с достоинством повернул голову, краем глаза увидел рус-

ского милиционера и ответил:

- Я просто спросил у них дорогу до магазина, но они почему-то на меня обиделись. Разве я сделал что-то плохое?

Солтмурад ушел, не оборачиваясь, но внутри у него всекипело от обиды и негодования, он чувствовал, что по его венам течет не кровь, а горный поток, шуршащий песком и галькой. И тогда же он вспомнил слова покойного отца, который часто любил повторять сыну, когда его кто-то обижал: «Запомни, сынок, радость приходит и уходит, а обида остается навсегда. И если человек может вытерпеть унижение, то народ - никогда. Придет время, и те, кого долго обижали, обязательно захотят отомстить обидчикам.»

И он всегда, каждый день, каждую минуту и секунду помнил эти слова. А когда во времена перестройки в Чечню приехал генерал Дудаев, которого в народе звали просто Джохаром, Солтмурад, не задумываясь, взял в руки оружие. Благо, что его не надо было ни покупать, ни искать. Однажды днем в его селение приехал грузовик, и разбитной, веселый молодой чеченец стал раздавать оружие каждому желающему. Молодежь хватала все подряд, лишь бы оно стреляло, взрывалось или, на худой конец, резало. Солтмурад, не видевший за всю жизнь никакого огнестрельного оружия, кроме старой дедовской шомполки, которую чудом сохранил отец, шашки, кинжала и ножа, долго спрашивал об оружии и долго его выбирал. Оружия было много, нарасхват шли автоматы, пулеметы, гранатометы, которые старики метко прозвали «шайтан-трубой», но его больше всего поразила снайперская винтовка с оптическим прицелом.

Винтовка была старой, тяжелой, с облезлым прикладом, как узлом потом Солтмурад, системы СКС. По-видимому, она не один год пролежала на складе. Но лишь только Солтмурад взглянул в окуляр ее прицела, сердце его задрожало от радости и запрыгало молодым козленком. То, что он увидел через прицел, потрясло его до глубины души - такое потрясение у него было лишь однажды, в раннем детстве, когда он свернул шею пойманной птичке, и он с удивлением обнаружил, что у нее такая же алая кровь, как у него самого. А тут далекие леса и могучие горбы гор обступили его со всех сторон, словно могучие богатыри, защищающие его от врага, казалось, только протяни руку и можно дотронуться до росистой ветки или до узорного листка; а вот какая-то птичка сидит на ветке и чистит свои перышки, не чувствуя присутствия человека; а вот мелькнуло лицо его односельчанина, словно он стоял всего в двух шагах, а не на другом конце улицы.

В тот же день Солтмурад записался в ополчение. Он шел домой по улице с гордо поднятой головой, ощущая на плече тяжесть оружия, и эта тяжесть придавала ему уверенность и спокойствие. Рядом постоянно крутились ребяташки, готовые если не сорвать оружие с его плеча, то хотя бы дотронуться до него, а Солтмурад незлобиво отгонял их от себя, словно надоевших мух. От его потяжелевшего и уверенного взгляда, как травинки от ветра, никли головы тех немногих русских, которые жили в их селении. Они виновато прятали глаза, хотя виноваты были только в том, что учили детей, лечили больных да помогали писать жалобы в вышестоящие инстанции. После того, как то в одном, то в другом конце селения стали постреливать хулиганы, русские как-то незаметно исчезли из села, словно крупички сахара упали в воду и растворились в ней, не оставив никакого следа.

А обстановка в Чечне становилась все тревожнее. Джохара выбрали президентом независимой республики Ичкерии, парламент разогнали, а на знамени нового государства зашелкали зубами борз - волк. Наступило всеобщее счастье, равенство и братство, которое заключалось в том, чтобы не работать,

танцевать на площадях, убивать, грабить, насиловать и изгонять из собственных домов иноверцев.

Но и тогда на волне общей эйфории от победы Солтмурад не тронул ни одного русского, хотя и люто ненавидел их. Ему достаточно было того, что они бежали из его родного села.

Солтмурад, как и все мужчины села, не пропускал ни одного намаза в мечети, ни одного митинга, и жена все больше стала на него ворчать, что он совсем перестал заниматься домашними делами. Постепенно митинговые страсти улеглись, и Солтмурад опять по привычке вставал вместе с солнцем, убирал в хлевах навоз, кормил и поил скотину и выгонял ее на пастбище, потому что кроме крестьянской работы делать ничего не умел. Свою винтовку, которой он так восторгался прежде, Солтмурад спрятал подальше, чтобы дети, которых у него было шестеро, не могли ее найти, ведь известно, что оружие, даже незаряженное, стреляет в две стороны.

2.

Наступила осень девяносто четвертого. Вся Чечня взбурилась, как Каспий в шторм, когда стало известно, что федеральные войска планируют наступление на Грозный. Ополченцы снова достали свое припрятанное оружие, кто-то, не стерпев неопределенности, ушел к Джохару, кто-то остался в селе, чтобы защищать свои семьи и жилища. Старший сын Солтмурада, Теймураз, которому к тому времени исполнилось шестнадцать, тоже собрался на войну. Сын-подросток стоял перед отцом с тяжелым автоматом на шее и перекинутым через плечо гранатометом с кумулятивным зарядом, которые он достал неизвестно где и как. Отец гневно посмотрел на него и стал говорить о том, что ему еще рано воевать, что... Но сын не опустил глаз, из которых фонтанами били злость, решимость и непокорность, и Солтмурад понял, что если он не отпустит сына с благословением, тот уйдет сам. Он отстранил рукой плачущих женщин, обнял сына за хрупкие еще плечи и почему-то сказал:

- А я, сынок, так и не воевал. Ты береги свою голову и не жaley ног, если нужно ее унести от врага. А теперь иди. – Он тихонько оттолкнул его от себя и отвернулся, чтобы сын не заметил в уголках его глаз наворачивающихся слезинок. Никогда не смотревший телевизора и не читавший газет, теперь Солтмурад прилипал к экрану и выуживал каждую свежую новость, а потом уходил к соседу, где собравшиеся мужчины до хрипоты обсуждали последние события в Грозном и проклинали собак-федералов, которые осмелились нарушить пусть и нескладную, но мирную и устоявшуюся жизнь.

Как говорит пословица, если хочешь мира - готовься к войне. Теперь два дня в неделю ополченцы собирались на занятия по военной подготовке в школе, где уже давно никто не учился. Они лазили по горам, копали окопы и строили укрепления, стреляли даже по живым мишеням, для чего некоторые жители выделили несколько баранов и гусей. Один молодой чеченец привез даже свиный, украденную у русских в Ставропольском крае. Ее изрешетили очередями и под улюлюканье и свист сбросили в пропасть, а баранов и гусей съели, сплевывая на землю свинцовую начинку. Отставной немолодой майор, служивший в советской армии, гонял их до седьмого пота, вбивая в чеченские головы русскую суворовскую мудрость.

Солтмурад учился стрелять отдельно. К его собственному удивлению, он с первого же патрона попал в мишень, которой служил старый, засохший дуб, стоявший за селом. На затеси, сделанной топором, в очерченном мелом круге он с удовольствием пощупал отверстие, оставленное его первой пулей. Он радовался, как ребенок, и ходил по селению с гордо поднятой головой.

Глядя на его довольное лицо, инструктор лишь усмехался в усы: уж он то знал, что через оптику при ясной, солнечной погоде в неподвижную мишень на расстоянии двухсот метров попал бы любой мальчишка. Но цели с каждым днем становились все дальше, дрожание в руках с каждым выстрелом все сильнее, а промахи все чаще. Внешне Солтмурад держался сдержанно и невозмутимо, чтобы не казаться смешным среди молодых бойцов, но внутри него колочал вулкан.

И лишь недели через две Солтмурад понял, что все его неудачи именно от этого внутреннего вулкана, ведь снайпер должен быть собранным, выдержанным и терпеливым. А когда инструктор объяснил, что на войне, в боевой обстановке, может охотиться не только он сам, но и противник, возможно, более опытный и меткий, Солтмурад собрал всю свою волю в кулак. И однажды, когда он смог поразить дикую серну, бегающую среди скал, инструктор потрепал его по плечу и уважительно сказал:

- Ты быстро учишься, Солтмурад, ты - природный воин. Если бы твой отец был жив, он бы гордился тобой.

И он гордился, но только до порога дома, где его встречала крикливая жена:

- Ты когда бросишь играть в свои стрелялки! Взрослый мужчина, а ведешь себя, как мальчишка! Ведь у тебя есть дети, вон, скотины полон двор, она второй день не поена и не кормлена. Разве я одна везде поспею!

В другой раз Солтмурад поучил бы жену за неуважение к хозяину дома, но тут, чувствуя, что она права, молча пошел во двор, даже не поев, потому что видел, как жена захлебывается в домашних заботах.

А события в Грозном тем временем показывали, что люди сошли с ума, и Алаах отвернулся от них. Перед новым годом федеральные войска начали штурм столицы Ичкерии и через два месяца захватили ее. В селения и города стали приводить погибших, и над всей Чечней и Россией стоял скорбный плач и вой. Солтмурад переживал, что давно не было никаких вестей от сына. Жена постоянно плакала, проклиная и Дудаева, и Ельцина, а Солтмурад каменным истуканом сидел перед телевизором и старался среди огня, дыма и крови увидеть родное лицо. Электричество часто пропадало, и в такие минуты он ходил из угла в угол, словно загнанную зверь. Он уже проклинал себя за свою минутную слабость, когда отпустил сына на войну.

Но однажды Теймураз пришел в дом сам. Он стоял у порога в порванной одежде, грязный и завшивевший, но живой и невредимый. Мать клушкой кружила вокруг него, сдирая с тощего тела лохмотья и слизывая поцелуями грязь с его щек. Был он без оружия, сказал, что патроны у него не осталось и он выбросил автомат в речку. Помывшись и переодевшись в чистую одежду, сын сидел за столом в окружении домочадцев, которые взирали на него, словно на чудо, свалившееся с неба, ел горячий, жирный суп и со слезами на глазах рассказывал о тех ужасах и издевательствах, которые творили федералы с мирными чеченцами.

Солтмурад слушал и молчал, он понимал, что сын защищал свои интересы и идеалы, с которыми он шел на войну, и для него любой противник был жестоким и неправым. Но Солтмурад знал и другое, что война - это грязь, смешанная с горем и кровью, и в ней пачкаются одинаково обе противоборствующие стороны, что не судят только победителей, на которых этой кровавой каши не меньше.

Сейчас Солтмурада поразило другое: у его сына был потухший, почти стариковский, взгляд, будто из его глаз выжали всю радость и залили водой искры жизни. Солтмурад помнил, что точно такой же взгляд был у отца в те

минуты, когда он молча смотрел в свое прошлое.

3.

Скоро война на хромых ногах приковыляла и в горы. Ополченцы снова вытащили из тайников свое оружие и ждали развития событий. Над их головами все чаще с грохотом пролетали военные самолеты и вертолеты, в селе появились первые раненые, которых размещали в больнице, в школе, а то и просто по домам. А следом за ранеными появились и бородатые боевики. Шум боев приближался с каждым днем.

Однажды в село пригнали пленных юнцов и заставили их рыть окопы, траншеи и строить укрепления. Было их человек тридцать. На ночь их, изможденных и голодных, бросали в ямы и закрывали в подвалы. Кормили пленников только по утрам, кидая им несколько буханок хлеба и спуская на веревке чайник с кипятком. Все было, как на войне. Один из бородачей так и сказал:

- Пленный должен работать на того, кто его захватил, иначе - смерть.

Одного такого парнишку, попытавшегося бежать, боевики несколько раз били, отрезали ему правое ухо, а потом привязали к дереву, согнали к нему пленных, и командир сказал:

- Глядите, засранцы, вонючие русские свиньи, то же будет с каждым из вас, если попробуете сачковать или попытаетесь бежать!

В глазах обреченного уже стояла смерть, ширинка его штанов намочла, из штанин текли тонкие струйки мочи, а когда длинная очередь вздохнула его тело, словно подушку, он не издал ни звука, а просто повис мешком на веревке, пустив изо рта тягучую слюну. И без того бледные от пережитого страха, недоедания и тяжелых работ, пленники превратились в меловые статуи, а двое упали в обморок. Один из них наделал в штаны, и один из боевиков, под громкий хохот бородачей, погнал его на речку подмываться. Видно, разведка федеральной армии пронюхала о сильно укрепленном селении в горах, потому что пастухи и жители других сел доносили, что в близлежащей местности все чаще появляются разведгруппы и через соседний перевал войска пытались подтянуть артиллерию и бронетехнику, но ополченцы устроили им сражение в стиле а-ля Москва-41, и вздэвэщники, понеся большие потери, снова скатились по склонам к подножию гор.

Солтмурад должен был впервые участвовать в бою. Командир долго наставлял его перед сражением:

- Ты, Солтмурад, не бей всех подряд, солдаты что - пешки. Выбирай командиров, командир - это голова подразделения, а любое войско без головы - труп. Понял?

Солтмурад лишь кивал головой - чего тут не понять, только вот как определить, кто из них командир, а кто нет, спрашивать не стал - на месте разбежась. Он выбрал хорошую позицию в распадке между скалами над речушкой и долго обустроивал себе лежбище. Ждал, до слез глядя на дорогу в узком ущелье, и все равно проморгал появление врага. Там, внизу, уже застрекотали автоматные очереди, заухали гранатометы, закашлял крупнокалиберник, а он все еще никого не видел.

Но вот в его прицеле мелькнула одна фигура в камуфляже, затем вторая, третья. Кто из них был командир, а кто подчиненный, понять Солтмурад не мог. Из всех он выловил в перекрестие солдата с огромной ракетой на спине, над которым, как над инопланетянином, удочкой качалась длинная антенна. Тот что-то горячо кричал в микрофон. Солтмурад тщательно, как его учили, прицелился и выстрелил. Солдат с испугом посмотрел вокруг и тут же исчез в кустах.

Так происходило много раз, и Солтмурад не был уверен, что ранил хотя

бы одного врага. Откровенно говоря, он и не чувствовал особой потребности убивать, все это напоминало ему скорее стрельбу в тире, чем войну. Враг казался ему игрушечной мишенью, фантомом, призраком, в глаза которого невозможно взглянуть и увидеть в них ту притягательную искру ненависти, которая порождает силу противодействия, вливающую во все твое существо страсть борьбы и пыл победы. Другое дело, когда ты встречаешь врага лицом к лицу и знаешь, что один из двоих должен жить или умереть.

Однажды такое с Солтмурадом уже происходило. Как-то зимой он пошел в лес, чтобы нарубить жердей для провалившейся от тяжелого снега крыши овчарни. Внизу не нашел ничего подходящего, а когда поднялся в гору и присел отдохнуть, вдруг почувствовал себя так неуютно, что по телу пробежали мурашки. Чувство опасности развернуло его на сто восемьдесят градусов, и он прямо перед собой увидел торчащие из расщелины волчи морды. Солтмурад знал, что обычно на охоту выходит волчица, но в паре с волком она была особенно опасна. Инстинкт самосохранения заставил его выхватить из-за пояса топор, тело его наклонилось в ожидании схватки, налилось упругостью и дрожью, готовое к отпору.

Но волки тоже пришли не по орехи. Несколько минут звери и человек стояли друг перед другом, готовые биться насмерть. Волки с рычанием скалили желтые зубы, вздыбив загривки, а глаза их метали искры решимости и готовности к сражению до тех пор, пока их голодные желудки не обожают тепло человеческой крови и свежего, еще живого мяса. Звери уже несколько дней охотились в горах и около селений, пытаясь раздобыть еду, но недавно выпавший глубокий снег и снежные лавины завалили все тропы, перевалы и ущелья.

Солтмурад тоже был голоден, но, в отличие от зверей, он был человеком и защищал свою жизнь, от которой зависели жизни его родных, потому что был единственным их кормильцем и защитником. Видно, и звери почувствовали его решимость биться до конца и после долгих минут противостояния и повинувшись инстинкту самосохранения, первыми сделали шаг назад и скрылись во впадине, где ворчала сонная горная речушка. А Солтмурад шел домой, постоянно оглядываясь, всей кожей ощущая их лютый невидимый взгляд.

Не прорвавшись сквозь плотный огонь боевиков и потеряв много боевой техники, федералы ушли. Вернувшись домой, Солтмурад отогрелся у печи, поел и лег спать. Но отдохнуть ему так и не дали, часа через два к нему пришел сосед и, растолкав его, сказал, что командир приказал им заступить на пост у въездной дороги в ущелье, потому что, по слухам, на рассвете русские могут попытаться ворваться в их село. Немного поворчав, и захватив с собой термос с горячим чаем, Солтмурад послушно собрался.

То, что произошло потом, Солтмурад будет помнить до самых последних дней своей жизни. Когда усталые и промерзшие до костей ополченцы уже собирались домой, из-за южного гребня гор вдруг выпорхнула стая зеленых бабочек. Сосед показал пальцем в небо:

- Ну-ка, погляди, Солтмурад, что это там?

Через прицел винтовки Солтмурад поглядел в небо и сквозь утреннюю снежную дымку разглядел четыре вертолета, которые летели прямо на их селение. Вот два из них свернули в сторону и стали кружиться на одном месте, а два других стали постепенно снижаться.

- Бежим, Ахмед! - кричал Солтмурад, таща напарника за рукав. - Сейчас стрелять начнут!

Они ужами скользнули между деревьев и спрятались за камнями, метрах в тридцати от своей ночной лежки. Вертолеты пронесли над их головами

так низко и с таким воем, что они не расслышали стука крупнокалиберного пулемета. По тому месту, где они только что были, словно пробежал гигантский невидимый зверь, оставив цепочку снежно-земляных воронок. Сама лежка была разворочена. Ахмед посмотрел туда и, присвистнув, протянул:

- Вот это да! Видно, нас с тобой сам Аллах бережет. Если бы мы с тобой там остались, то все...

Когда шелест крыльев бронированных стрекоз стих, из селения донесли выстрелы. Ахмед вскочил на ноги и закричал, потрясая кулаками:

- Ах, шайтан, зачем стреляют! Молчать надо!

- Почему? - спросил Солтмурад.

Ахмед стучал в свою грудь и кричал:

- Я в армии служил, в разведоте, я знаю. Молчать надо. Это они разведку и корректировку проводят. Видишь. - Он показал на два висящих вдалеке вертолета. - Они сейчас определяют, откуда стреляют. Безмозглые бараны! Ой, Алла! Снова закричал Ахмед. - Суй свою голову подальше, чтобы ее не разбили, как яйцо!

Вертолеты снова стали заходить на село. Вот от их брюшин отделились клубки дымков, которые стометровыми руками потянулись к земле. А потом еще и еще раз. И тут же в селении заухали взрывы, заставив задрожать скалы. Со склонов потекли снежные языки, заливая неровности, морозный воздух смешался с дымом и какой-то тошнотворной смесью.

Переждав обстрел, Солтмурад и Ахмед побежали в село, над которым тут и там стояли столбы дыма. Еще издали они увидели, что по улицам мечутся, словно сумасшедшие, люди. Они бегали из дома в дом, из домов на улицу, что-то кричали друг другу и, казалось, что это не люди, а потревоженные муравьи. Вот в больницу пронесли раненого. У небольшой, приземистой мечети прямо на снегу лежали двое убитых. Вокруг них стояла злая толпа, а по земле, извиваясь и посылая кому-то проклятия, в селе ползали женщины и рвали на себе волосы. Мужчины тоже ругались, а старики молчали, мудро глядя на земное соприкосновение жизни и смерти.

Постоял здесь и Солтмурад. Он хорошо знал убитых. От одного из них, молодого, он в свое время натерпелся, когда тот украл у него двух баранов и продал в райцентре на заклание. В суд Солтмурад на него не подавал, но старейшинам сказал, и те присудили его к двадцати палкам. Второй тоже был, прости Аллах, прощельга еще тот. Три раза он занимал у Солтмурада деньги, но долг так и не вернул.

Но сейчас, стоя над их телами, Солтмурад почему-то не думал о плохом, а вспомнил, как один из этих юношей притащил в его дом мокрого щенка, который чуть не утонул в речке, и как бы извиняясь, сказал: «Возьми, дядя Солтмурад, он будет стеречь твоих овец.» А второй, когда сам Солтмурад однажды сильно заболел, отвез его на своей машине в районную больницу, а через три недели привез обратно.

От этих дум его оторвал неизвестно откуда появившийся командир ополчения:

- Мне надо с тобой поговорить, Солтмурад. Пойдем

- Куда?

- А к тебе домой.

- Ну, пойдём, - с легкостью согласился Солтмурад. Он даже не подумал, о чем хочет говорить с ним командир и почему это надо делать в его доме. Не замечал он и странных, прячущихся взглядов своих односельчан, которые провожали их до самого поворота. Позади них шли еще двое боевиков. Командир

сказал:

- Солтмурад, отдай свою винтовку моему телохранителю, ты, наверно, устал.

- Нет, я не устал, что я, маленький что ли? - обиделся Солтмурад.

- Отдай, отдай, - настоял командир. Он почти силой отобрал винтовку и отдал шедшему позади них ополченцу. И даже тогда Солтмурад не почувствовал тревоги.

Впервые от плохого предчувствия его сердце дрогнуло, когда он увидел полуразрушенное здание бывшего клуба, за которым находился его дом. Он не подал вида, что его что-то встревожило, только вдруг почувствовал в ногах предательскую слабость.

Но что это? Там, где он привык видеть свой дом с высоким забором и узорчатыми воротами, с красной железной крышей, с садом и двумя скворечниками, которые он смастерил своими руками на радость детям, высилась лишь груда развалин. Она еще дымилась, а вокруг стояли искореженные яблони, груши, черешни, абрикосы с висящим на их ветках урожаем из окровавленных тряпок и человеческой плоти.

Видно, еще не осознав всего случившегося, Солтмурад кружился на одном месте и спрашивал окруживших его людей:

- А где мои? Их кто-нибудь видел? Может, они у соседей?

Он бегал от одного человека к другому, которые упорно прятали от него свои глаза, и спрашивал:

- Скажи, Руслан, наверно, они спрячутся у тебя, да? Я ведь знаю, что моя Айшат всегда любила поболтать с твоей Фатимой. А, может быть, они у тебя, Сания, ведь ты так любила угощать моих детей своими вкусными лепешками?

Солтмурад еще долго спрашивал о своих родных, а потом вдруг остановился, внимательно оглядел обступивших его односельчан и, страшно зарывав, словно раненный охотником медведь, упал на колени и стал биться головой об землю. А люди молча смотрели на него и лишь вздыхали - ну кто может помочь человеку в его горе, кроме его самого. Осторожный и опытный командир увидел выпавшую из-за пазухи Солтмурада гранату, поднял ее и передал телохранителю:

- Спрячь пока и ему не давай.

Солтмурад не плакал - слез на его глазах не было, он, как настоящий горец, плакал сердцем. Он неожиданно вскочил на ноги, бросился к командиру и схватил автомат, висящий на его шее.

- Дай, командир, дай мне автомат, я их буду убивать, убивать, убивать! Я буду их резать на части, я буду этим русским собакам рвать глотки! Ну, дай, дай!

Два здоровенных телохранителя еле сдерживали Солтмурада, схватив его за руки. Наконец, перегорев от сжигающего его чувства мщенья, Солтмурад обмяк в их руках, снова упал на колени и завыл, подняв лицо к небу:

- Айшат!!! Дети мои!!! Клянусь именем Аллаха, я отомщу за вас!

Тела погибших и то, что от них осталось, откапывали до самого вечера, а потом отнесли на родовое кладбище и похоронили, когда ущербная луна уже скалила свою пасть, будто насмехаясь над мелкими человеческими страданиями и страстями.

Уже потом очевидцы рассказывали, что ракета влетела в подвал его дома через окно и там взорвалась. Все его родные прятались как раз там. Дом приподняло в воздух, словно мячик, и разрушило в одно мгновение, так что его родные - да успокоит Аллах их души! - приняли благословенную и быструю смерть.

В ночь после похорон Солтмурад пошел на то место, где когда-то стояла их старая сакля. Он стоял на высокой скале у груды камней, в далеком прошлом служившими их семье жилищем, и вспоминал свое нелегкое детство, смерть матери, отца, жены, детей, и в нем поднималось звериное чувство мщения.

Освещенные ясной луной белые гряды гор, спокойствие ночи и безразличный оскал месяца - все это навевало на него чувство великого одиночества и безысходности. Где-то там, далеко-далеко, словно на другой планете, вспыхивали взлохоты от взрывов, крестили черное небо разноцветные трассеры да взмывали вверх осветительные ракеты, словно соревнуясь в яркости с луной. Они напоминали Солтмураду, что где-то еще живут люди, и у них есть родные, которые работают, учатся, веселятся далеко от войны и не знают горя и страданий. И только у него не осталось на этом свете никого и ничего, кроме этих прекрасных и суровых гор, родового селения и неистребимой жажды мщения. И словно кто мог его услышать, Солтмурад вслух сказал:

- Клянусь, я буду уничтожать этих неверных, пока в жилах моих течет кровь, пока в моем теле будет оставаться хоть капля жизни! И пусть эти горы и Аллах будут свидетелями моей клятвы!

4.

...Раздумья Солтмурада прервал вбежавший в подвал ополченец, который закричал:

- Командир, русские пошли в наступление, садят из минометов и пушек, а на окраине появились танки! Что делать будем?

- Иди, - устало сказал Солтмурад, - я сейчас буду.

Со дня гибели своих родных Солтмурад сильно изменился. Обычно сдержанный, рассудительный, осторожный и даже мягкий, он превратился в безжалостного, хитрого и коварного врага федеральных войск. Все ополченцы отряда удивлялись, когда же он спит - Солтмурад охотился за человеческой дичью днем и ночью, в любую погоду. Так охотится волчица, у которой охотники отобрали щенков.

Первого своего «крестника», как называл Солтмурад своих жертв по кресту на прицеле, он подстерег уже на следующий день после похорон своей семьи. Сначала он пошел к командиру ополченцев и попросил вернуть ему винтовку. Командир пытливо взглянул в его глаза и спросил:

- Как ты, Солтмурад?

- Я в порядке, теперь у меня есть цель в жизни.

Слово «цель» он произнес так, что не оставалось сомнений, какие цели он имеет ввиду.

- Винтовку я тебе отдам, Солтмурад, - ответил командир, - но только прошу - береги себя, ведь у тебя есть еще сын.

Солтмурад и не забывал о сыне, но тот сейчас был где-то далеко, на пылающих просторах Чечни. После своего прихода домой сын не мог усидеть под родительскими крылышками и недели. Все эти дни он ходил хмурым и задумчивым, словно решал теорему Ферма, а потом собрался за один час, и уже не отпрашивался у родителей, а просто сказал:

- Отец, мама, я не могу больше сидеть дома...

Позиции, где стояли федералы, сверху были видны, как вши на белой скатерти. У палаток и дощатых строений букашками ползали «броня» и автомашины, солдатики постоянно куда-то бегали и что-то разгружали. Отдельно, под навесом, стояли две полевые кухни и палатка с красным крестом. В наспех вырытых окопах по периметру лагеря сидели несколько групп охраны. Занимались они больше тем, что курили, слушали музыку по плейеру, чему-то постоянно смея-

лись и играли в карты. Солтмурад заметил, что ствол одного крупнокалиберника направлен в его сторону, чуть правее стоял автоматический гранатомет. Это было серьезное оружие, и Солтмурад забился в щель между двух глыб и стал выжидать.

Вот один из солдат охраны, оглядываясь, подбежал к ближайшим кустам, быстро спустил брюки и сел. Видно, ему не хотелось бежать на другой конец лагеря, где стояла будка, заменяющая сортир. В прицеле Солтмурад четко видел оголенную розовую задницу, но ему почему-то стыдно было стрелять в молодого пацана, справляющего свою нужду.

Прошло более часа, прежде чем Солтмурад дождался подходящего момента. К тому времени у него уже затекли ноги и заболели глаза от искрящегося снега, и он надел черные очки. Вот к окопам вразалочку, словно утята за мамашей, потянулись цепочка военных. «Видно, смена», - подумал Солтмурад. Он угадал вовремя - низкое солнце, слепившее ему глаза, как раз заслонила тучка, нечаянно появившаяся на небе. Солтмурад припал к окуляру, и сердце его радостно вздрогнуло - в прицеле он увидел офицера. В отличие от солдат, на которых была замызганная от грязи, порванная одежда, на офицере был новенький, ярко-зеленый камуфляж, резко выделяющийся на снежном фоне. Офицер был строг, самоуверен и властен. Вот он что-то сказал, и на его холеной открытой шее запрыгал острый кадык. Лицо, порозовевшее от легкого морозца и от усердия, повернулось к Солтмураду. Видно, он любовался дивным горным пейзажем, когда снайпер тщательно прицелился и спустил курок. Офицер крутнулся волчком и упал.

Солдаты с недоумением вертели головами, пытаясь что - то сообразить. И лишь когда до них долетело отраженное от скал эхо выстрела, они бросились в окопы и прижались к спасительной земле, словно к родной матери. Но в ответ стрелять не стали. «Боятся без приказа», - догадался Солтмурад. Убедившись, что офицер мертв, он снялся с места и стал уходить, на ходу разминая затекшие конечности. Все тело кололо, словно иглами, ноги не слушались, но Солтмурад углублялся все дальше в лес, понимая, что промедление может стоить ему жизни. Наконец послышались первые выстрелы, палили из пулемета и гранатомета, но свист пуль и взрывы раздавались далеко от того места, где он сейчас находился. В какой-то момент над головой Солтмурада сбрило ветку, и он залег. Но скоро убедился, что пуля была случайной.

Солтмурад не ставил на прикладе винтовки зарубки в виде полумесяца, как это делали другие, чтобы потом похвастаться своими победами. Он ставил эти зарубки на своем сердце, отмечая, что от них почему-то не становится легче. Не замечал он и времени, летящего, будто орел над горами, плавно и спокойно, да и зачем его замечать, если оно для тебя уже давно остановилось. И лишь от зарубки к зарубке он замечал, что в черной его бороде все больше становится серебряных седин.

Но вместе с сединами Солтмурад набирался и боевого опыта, и не только снайперского. Приходилось ему ходить и в атаку, и отходить, и выполнять из окружения, когда, казалось, уже не было никакого выхода. Однажды миной от полкового миномета на куски разорвало первого командира их ополченческого отряда. Его место занял заместитель, а Солтмураду доверили под командование 28 человек, если по армейским, уставным стандартам - взвод.

Ум Солтмурада, куда в детстве втиснули знания лишь четырех классов не самой лучшей школы, впитывал все военные премудрости, как губка впитывает воду. И уже через год к нему стали обращаться за советами и опытные вояки. Солтмурад давал эти советы не спеша, не кичась, только после долгих

раздумий и размышлений, как и подобает вдумчивому, серьезному человеку.

5.

Задерганная политиками, измученная бесплодными боями, наступлениями и отступлениями по первому окрику полководцев, затурканная взбесновавшимися общественностью и правозащитниками, которым было все равно, кого защищать, лишь бы показать себя во всей красе и непримиримости, российская армия оказалась в полной блокаде. У нее уже не было ни моральных, ни физических сил, чтобы продолжать войну. И тут на белом коне, в белой сорочке с белыми манжетами, в белых перчатках появился белый генерал, который на глазах у всего мира в Хасавюрте подписал договор о полной победе противника.

Враг федеральной власти ликовал. Да и как не ликовать, когда маленький горский народ в неравной борьбе одолел прежде великую Россию. Ликовал вместе со всеми и Солтмурад - наконец то закончится эта проклятая война, которая, кроме слез, крови, горя и разорения, ничего не принесла. А ему так хотелось домой, в свое горное село, чтобы вдыхать не пороховую гарь, а чистый воздух, есть не опротивевшую тушенку и черствый хлеб, а домашнюю пищу и свежую лепешку, пасти не очередную жертву врага, а овец, коз и коров. Ведь он не воин, а крестьянин. Его измученная и истерзанная душа жаждала мира, покоя и сытости. Раны на сердце совсем зарубцевались, а когда он встретил в освобожденном Грозном своего сына, оно и вовсе обмякло. Сын был той единственной ниточкой, которая еще связывала Солтмурада с этим миром.

Нашел он его в масхадовской гвардии. За эти полтора года Теймураз вытанулся, окреп, возмужал, и уже мало чем напоминал того желторотого цыпленка, который со слезами прибежал домой. Жесткость во взгляде, короткая черная щетина на лице, пригнанная по фигуре, словно вторая кожа, военная форма - все говорило о том, что он храбрый, бывалый и бесстрашный воин.

Они обнялись и отошли подальше от стадиона, на котором проходил очередной митинг. Сели в тени акаций. Сын закурил. Солтмурад нахмурил брови:

- Зачем травить себя этой гадостью, сынок, поверь мне жизнь и так коротка.

Теймураз виновато взглянул отца и потушил окуроч. По опыту других Солтмурад знал, что сын курить уже не бросит, но ему было приятно, что тот послушался отца и не стал ему перечить.

- Ты знаешь? - спросил Солтмурад.

- Да, отец.

И оба они знали, о чем говорят, ведь родным сердцам не нужны лишние слова.

- Мне рассказал наш сосед, Хасан, - уточнил сын.

- Война закончилась. Куда теперь?

Теймураз усмехнулся:

- Ты стал полковником, отец, а говоришь, как несмышленый ребенок.

Разве война так заканчивается?

Солтмурад это тоже понимал и не обиделся на правду и грубые слова, а еще раз порадовался тому, что сын его так смышлен. А Теймураз продолжал:

- В село я не вернусь, отец. Я ничего делать не умею, только воевать. Ведь кому-то надо держать в руках не только кнут и косу.

- Сейчас таких слишком много, - возразил Солтмурад. - Ну ладно. Ты уже взрослый и сам выбрал себе дорогу. Только об одном прошу - не забывай родины предков. Приезжай строить новый дом. Если у тебя не будет своего дома, ты всегда найдешь теплое пристанище.

Война кого-то разоряла, а кого-то обогащала. Ичкерийское правитель-

ство не жалело денег, и за каждого убитого врага платило в долларах. И теперь у Солтмурада накопилась приличная сумма денег. Он не считал себя богатым, зная, на чем и сколько зарабатывали другие, которые не столько воевали, сколько охотились за пленными и заложниками, а потом продавали их родственникам за баснословные деньги. Их Солтмурад презирал. Как говорят русские, даже ворон ворону глаз не выклюет, а торговать людьми, в глазах Солтмурада, было одним и тем же, что продавать самого себя шайтану. Еще он презирал их за то, что они позорили всех чеченов. Работоторговлей занимались немногие, в основном, бывшие зеки и нелюди, которых даже среди своих называли шакалами и отморозками и которые за деньги или дозу героина могли продать и свою собственную мать. Среди них были не только чечены, но и русские, ингуши, черкессы, кабардинцы. И им было наплевать на высокие слова и понятия, для них главными были деньги, деньги и еще раз деньги.

С помощью родственников и соседей Солтмурад за одно лето построил большой кирпичный дом. Только поставил его не на старом месте, где все напоминало ему о смерти родных и которое он считал их могилой, а там, где когда-то стояла их старая сакля. Правда, дом оказался немного в стороне от селения, но здесь сердце и душа Солтмурада отдыхали. А какой отсюда был вид!

Зелено-изумрудное махровье лесов пологом укутывало склоны гор, словно прятало их от беспощадного солнца, ливневых дождей и суровых кавказских морозов; красновато-коричневые шапки гор напоминали головы богатырей, задумавшихся о чем-то о своем, былинном; в темной теснине ущелья бежала торопливая речка, и когда Солтмурад долго на нее смотрел, ему казалось, что он стоит на борту огромного океанского лайнера, который несет его в неизвестные, прекрасные страны; там, внизу, парили легкие облака и горные орлы, выслеживающую свою добычу. Так было в детстве, так было сейчас, так будет всегда!

Теймураз несколько раз приезжал к отцу, чтобы помочь в строительстве дома, но каждый раз долго не задерживался. Ему все время было некогда, потому что стал в столице большим начальником. Как-то перед отъездом Солтмурад сказал ему:

- Ты, сынок, становишься большим человеком, а большой человек всегда на виду. Остерегайся стать выше тех, кому ты служишь. Такого не прощают даже лучшим друзьям и кровным родственникам. Я смотрю, что ты не расстанешься со своим оружием. Скажи, чем ты занимаешься? Ведь автоматом можно защищать и можно убивать.

Теймураз смутился и ответил, что работает в охране Масхадова. Разве мог он честно признаться отцу, что он уже давно сидит на игле, что таких, как он, уже не принадлежащих самим себе, заставляют заниматься похищениями известных людей, держат их в подземных тюрьмах, как рабов, а начальники продают их словно баранов. Однажды он даже хотел уйти из гвардии, но ему тут же напомнили, что он давал клятву на Коране и однажды написал расписку о том, что обязуется молчать обо всем, что происходит в президентских кругах. Он помнил свою подпись под документом, и она держала его крепче железных цепей, ведь в случае нарушения клятвы его ждал шариатский суд. А что это такое, Теймураз видел собственными глазами, когда человека расстреливали только за то, что он не хотел молиться Или защищал честь своей сестры, изнасилованной каким-то подонком.

Так прошли еще два относительно спокойных года. Солтмурад как и в былые годы занимался своим хозяйством, в котором он находил отдохновение и спасение от всего происходящего в Чечне. Он не обращал внимания на косые

взгляды и пускаемые ему вслед насмешки и колкости молодежи, которая считала недостойным мужчины заниматься чем-то иным, кроме убийства неверных, грабежей и продажи пленников. С высоты своих лет Солтмурад с мудрым спокойствием глядел на молодых, которые приходили к нему и просили продать молодого барашка, хотя так хотелось спросить их, почему вместо баранины они не едят свои доллары, заработанные на страданиях и крови.

В Чечне становилось все тревожнее. Во всех селениях и городах появились арабы и ваххабиты, которые ходили по мечетям и дворам, раздавали религиозную литературу на русском и арабском языках и объясняли правозверным, что их вера не есть истинно мусульманская, что за долгие века общения с неверными они отступили от законов шариата. Чечены не понимали, какая разница была между их верой, которую столетиями чтит и исповедовали их предки, и, так называемой, истинной верой, которую им навязывали незваные пришельцы с Ближнего Востока: тот же Коран, те же суры. Но вот трактовали слова пророка Магомета ваххабиты по-своему, и главный упор их идеологии строился на превосходстве их религии над другими религиями и беспощадном уничтожении неверных.

Сначала школы, мечети заполнили ваххабиты, а следом за ними появились вооруженные до зубов наемники со всего света: из арабских стран, недобитки из Закавказья, украинские националисты и даже русские вольные стрелки. Их предводитель, беспальный борз Хаттаб, все больше чувствовал себя хозяином на чеченской земле: он казнил, миловал, награждал, а масхадовское правительство Ичкерии все больше походило на марионетку.

Как и каждый, повидавший многое в жизни, человек, Солтмурад чувствовал, что скоро что-то должно произойти. Все ждали этих событий, но их развязка наступила, как всегда, неожиданно, как сход с гор снежных лавин. И скоро все заговорили о событиях в горном Дагестане, в селах Кара-Махи и Чабан-Махи.

В первые дни в Чечне было спокойно, но когда в Дагестане заговорили пушки, грохот их разрывов с каждым днем все красноречивее говорил, что недолгому миру приходит конец.

6.

Капитан медслужбы десантного полка Меркулов уже третьи сутки не отходил от операционного стола. Именно столько уже длились кровопролитные бои за большой поселок, куда вошла крупная группа боевиков. В полевой медбат практически каждый час привозили раненых. Здесь же их и сортировали: одних на ходу перевязывали и увозили в стационары, тяжелых грузили на «вертушки», переправляя в окружной госпиталь, третьих несли на операционный стол, четвертых, не доживших до спасительной помощи, после формальностей упаковывали в цинковые гробы и оформляли как груз 200.

Хирургов было двое, но второй, совсем молодой парень, недавно закончивший ординатуру и, которого недавно прислали на помощь Меркулову, уже через несколько часов свалился без сознания, даже не закончив операцию. Медсестры быстро уходили горе-хирурга, но у того после случившегося постоянно тряслись руки, и он не годился даже для того, чтобы делать перевязки. Меркулов отдыхал только ночью, часа три-четыре, когда затихали дневные бои. Но и в эти короткие часы отдыха ему часто не спалось, потому что воочию ощутил здесь, что это значит, когда стоят «мальчики кровавые в глазах». На удивление, этих коротких часов ему хватало, чтобы целый день чувствовать себя достаточно бодрым, хотя на гражданке при восьмичасовом сне он ходил на работу с вечной зевотой бегемота.

Но сегодня доспать ему не дали - с самого раннего утра селение начали бомбить вертолеты, и взрывы сотрясали землю, словно при землетрясении. Говорили, что в селение зашел большой отряд известного полевого командира, о котором рассказывали на полковой кухне самые разные истории. Что будто бы он воевал еще в первую чеченскую кампанию, в которой погибла вся его семья, что он был отличным снайпером и лично убил более пятидесяти наших ребят, что он поклялся на Коране мстить федералам за своих убитых родственников до последней минуты своей жизни. В газетах писали, что он безжалостно расстреливал пленников и отрезал головы заложникам, не беря никаких денег, которые ему предлагали в качестве выкупа, что рядом с ним постоянно находилась его молодая жена, которая не желала оставлять мужа ни на минуту.

Что здесь было правдой, а что ложью, никто не знал, но историю смаковали, как только что прочитанный новый бестселлер. Вот и Меркулов размышлял сейчас о невероятных переплетениях человеческих судеб, когда в палатку ворвался вестовой и почти прокричал:

- Товарищ капитан, товарищ капитан, вставайте скорее, вас срочно вызывают в операционную.

Меркулов высунул голову из-под одеяла, недовольно проворчал:

- Ну что орешь, не сплю я. Что там еще случилось - президента что ли привезли?

- Никак нет, товарищ капитан, раненого сержанта. Он...

Меркулов встал, зевнул, прислушался - бомбить перестали, лишь доносились пулеметные очереди, словно где-то недалеко маленький ребенок водил палкой по забору, изображая трещотку.

- Я сколько раз говорил тебе, чтобы ты звал меня Виталием Сергеевичем,- сказал он солдату.

- Так точно, Виталий Сергееч,- вытянулся в струнку солдат.

- Тьфу ты, - выругался Меркулов, - выдрессировали вас, как... Ну, откуда раненый - то?

- Из разведки принесли, - коротко пояснил посыльный.

Меркулов уже плескался под рукомойником, сделанный умелыми солдатскими руками из двухлитровой пластиковой бутылки.

- Ну, беги, скажи, чтобы готовились к операции.

- Так, това...!

- Я что сказал! - закричал Меркулов. - Бегом, марш!

Выйдя из палаты, он еще издали заметил большое скопление народа. Навстречу ему уже бежала медсестра Леночка и, всплескивая на ходу руками, охала:

- Ох, Виталий Сергееч, что делать-то будем! - Из ее коровьих глаз лились слезы. - Такой молодой, красивый солдатик! Боже мой!

Меркулов отодвинул ее в сторону, зная, что в таком состоянии от нее вряд ли дождешься толкового объяснения. Он уже давно знал, что для Леночки все солдатики были красивыми и ласковыми, и ее милосердия хватало на всех. На носилках, лежащих на земле, он увидел солдата, накрытого тремя одеялами. На первый взгляд парень казался здоровым и цветущим, и он просто прилег отдохнуть. Его серые глаза вращались, как датчики самонаводящейся ракетной боеголовки, и на лице его, кроме бледности, не отражалось никакой боли.

- Ну, что с ним? - тихо спросил он стоящего рядом командира разведдивизии. - Понос? И для чего на него навалили такую тяжесть?

- Тут такие дела, кэп, - замялся старлей, - даже и не знаю как сказать. Вообще, граната в него попала.

- Ну и...? - поторопил его Меркулов.
- Ну и не взорвалась, милая. Торчит вот тут. - Разведчик ткнул пальцем в свое бедро.

- И сколько же времени прошло?

- Четыре часа его несли.

- Он что же и сознания не терял?

- Так мы ему уже два промедола всунули. Молоток парень, за всю дорогу даже не пискнул. Я кричу своим охломонам осторожнее несите, а он только улыбается и говорит: «Ничего, командир, я выдержу.» Впрочем, кувалда-парень.

Меркулов вздохнул:

- Да уж! Ты лучше скажи - паровой молот! Это просто чудо, что он не взорвался по дороге.

Собралось высокое начальство. Совещались недолго. Комполка посмотрел в глаза Меркулову:

- Вот что, капитан, приказать я тебе не вправе, сам понимаешь. Везти бедолагу тоже опасно. Могу вызвать из округа...

- Не надо давить на психику, товарищ полковник, я же понимаю, что один, что другой - все равно придется рисковать. Не взрывать же парня. Только мне в помощь нужен сапер, опытный сапер. И бронезилет. Своего у меня нет. Ну а руки... - Он повертел перед своими глазами руками. - А на руки бронеперчатки еще не придумали. Рискнем.

Бойца прямо на носилках уложили на операционный стол. Анастезиолог усыпил парня, а Леночка приготовилась ассистировать. Меркулов строго посмотрел на окруживших его помощников, смахивающих со своих лиц пот, и крикнул:

- А ну, вон отсюда! Все! И подальше!

Когда из палатки всех словно сдуло ветром, он взглянул на прапорщика-сапера и, увидев его спокойное лицо, вздохнул:

- Ну, начнем что ли, коллега.

Тот лишь усмехнулся в ответ, осторожно сдвинул бронезилет, открыв рану. Головка гранаты торчала из плоти, напоминая белый глаз. Меркулов взял в руки скальпель.

- Ты верующий, прапорщик? - спросил он.

- А что?

- Да что-то помолиться хочется.

- Ну так молись, это работе не помеха, - прогудел сапер густым басом.

Меркулов отметил, как сапер назвал свое опасное дело работой, и сразу его зауважал. Разрез. Томпон. Еще разрез. Еще томпон. В одно мгновение ему показалось, что граната шевельнулась, и Меркулов почувствовал, как по его телу заструился холодный пот. Он смахнул его с лица. Разрез. Томпон. Сапер молча смотрел на его работу, а потом сделал маску гамадрила и решительно отодвинул Меркулова.

- Ну все, Пирогов. Теперь моя работа.

Сапер накрыл рану бронезилетом, подsunул под него левую руку в медицинской перчатке и долго и, осторожно начал что-то там делать. Меркулов с мстительным удовлетворением отметил, что и у прапора нервы не железные. Сначала лицо его покраснело, а потом покрылось крупными каплями влаги. Меркулов обтер ему лицо салфеткой.

- Не поддается, сволочь,- процедил сквозь зубы «коллега». - Но шеволится.

Зато Меркулов почувствовал, как на его голове «шеволятся» волосы.

Вот сапер просунул под бронжилет вторую руку и дернулся всем телом. Внутри что-то чавкнуло, и на лице сапера нарисовалась кривоватая улыбка.

- Роденькая ты моя,- прошептал он, - наконец-то я тебя обнял. Ах ты, дорогуша!

Он поднял руки вместе с бронником и осторожно понес свой «дорогой» груз к выходу. Меркулов предупредительно распахнул полог палатки. Сапер отошел подальше от лагеря, огляделся

вокруг, выпустил гранату из рук в пропасть и упал. Через несколько секунд прогремел взрыв.

Разминированного раненого уже грузили в «вертушку», когда к врачам-саперам подошел полковник и потрепал обоих по плечу.

- Молодцы, ребята! Обязательно напишу представление к награде. Это надо же, первый раз слышу, чтобы человека разминировали! - И побежал к бронетранспортеру, на котором приехал.

Меркулов и сапер сели покурить на ящики из-под патронов. Хирург посмотрел на своего ассистента, спросил:

- Как ты думаешь, браток, правда к награде представят?

- Забудет,- коротко ответил сапер, отбросив сигарету. - Да и не за награды же мы воюем. Так ведь?

- Это уж точно.

Для Меркулова лучшей наградой было то, что вот этот простой мужичок записал его в свое воинское братство, сказав «мы воюем». Приятно, конечно, получить орден или, на худой конец, медальку, чтобы покрасоваться, похвастаться перед родными и друзьями. Но в наше время одной наградой семью не накормишь.

Вот его покойный дед рассказывал, что при царе каждый солдат за Георгия получал хорошие деньги и землю, а за полный бант чины и дворянство жаловали. И жил защитник земли Русской на зависть другим односельчанам. А если, не дай Бог, калекой становился и он был единственным кормильцем, так всю семью государство на пансион брало. А сейчас самая высшая награда солдату - не умереть, а если погиб - вот тебе три залпа над могилой.

7.

Жил Меркулов в большом волжском городе, там же закончил медицинский институт и прошел ординатуру. Молодого хирурга заметил профессор из военного окружного госпиталя, позвал к себе на работу. Виталий долго кочевряжился, уж больно не любил он подневольный, подприказной распорядок жизни, каковой он считал службу в силовых ведомствах. Сам профессор, генерал-майор по званию, стал выкладывать на стол свои козыри: звание, надбавка за звездочки, бесплатное обмундирование, паек, льготы, и при этом не надо мотаться по гарнизонам. Квартира? Со временем будет и квартира.

Меркулов на приманку клюнул, в чем ему помогла и его жена Людка, которая так хотела стать офицершей. Жили они в малосемейке площадью «десять кв. м.» с туалетом под кроватью, душем с потолка, пахнущим сточной канализацией, и кухней, которая умещалась на старой тумбочке вместе с электроплиткой и кухонным «гарнитуром», сколоченным из досок соседом - умельцем.

В городской больнице, где прежде работал Меркулов, платили такие крохи и так редко, что он забыл запах денег. Иногда выручали друзья, посылавшие к нему на «пластику» ожиревших, молодящихся дам, которым во что бы то ни стало необходимо было приподнять обвислую грудь, согнать с лица и шеи дряблость или убрать вислую задницу. За возвращение молодости дамы денег не жалели, но это было так редко и непостоянно, что эти дары почти не оказыва-

ли никакого влияния на семейный бюджет.

Жилье Меркуловы меняли часто, наездили так, что впору было писать роман «Крыша», который, будь он написан, получил бы Нобелевскую премию. Выручили их его и людкины родители, которые, насмотревшись на мытарства своих детей, общими усилиями наскребли в своих сусеках денежный колобок на покупку малосельки. На новоселье родители сказали, что этот «помогон» в десять квадратов и есть их стартовая площадка, с которой их семейная ракета должна вывести счастливую семью в сказочный космос жизни.

Меркуловы понимали, что даже за этот чулан они по гроб жизни обязаны своим старикам. Родители Людмилы жили здесь же, в городе, работали: он - на заводе, она - в пекарне, а второе, их четырнадцатилетнее чадо, сосало из них кровь, деньги и покой. Да людкин брат был большой мастер потрепать нервы, в свои годы он уже три раза попадал в милицию, откуда его вызволяли с помощью откупных. Да и жизненные запросы чада оказались - не по годам - большими: жвачкой он не довольствовался, ему нужен был «прикид», а не просто одежда, «зелень», а не какой-то деревянный рубль, музыкальный центр, а не замызганный магнитофон.

Меркуловы - старшие жили в деревне, в восьмидесяти километрах от областного центра, держали скотину, лелеяли свои двадцать соток и иногда подкидывали молодым мясца, овощей и фруктов, хотя поднимали еще троих. Это было все, чем они могли помочь сыну с невесточкой.

Сынок капитана по имени Степан, чудо четырех лет от роду, был единственной отрадой в жизни Меркуловых. Не по годам смысленный Степашка вносил в их однообразное существование цементирующую силу семьи, уют, тепло, доброту, нежность и надежду.

Меркулов работал уже в госпитале, когда на Кавказе снова стали погромыхивать военные громы. Еще мудрый Чехов писал, что если на стене висит ружье, оно обязательно когда - то выстрелит. А когда в руках находятся десятки тысяч автоматов и пулеметов, даже холодным оно начинает жечь руки и расплывать воображение предстоящими победами. Чеченские боевики и международный сброд, нашедшие теплый приют на Кавказе, начали священный поход на Дагестан: если Россию не отгрызли, так хоть прикаспийский краешек от нее отхватим. А горы здесь - наша вотчина, пусть попробуют сунуться сюда русские!

Пороховая гарь заволокла всю Россию. Взрывы в Буйнакске, Москве и Волгодонске посеяли панику и страх, а властителей заставили задуматься, какого же зверя взлелеяли они собственными руками.

Запахло порохом и кровью в госпитале, где работал Меркулов. Скоро сюда прибыла первая патрия раненых из Чечни и Дагестана. Виталию за свою операционную практику многое пришлось повидать, но такого - видеть ему еще не приходилось: лохматые культы, перемешанные с землей внутренности, осколки в голове, потусторонние взгляды солдат, которые вздрагивали при каждом нечаянном стуке.

В операционной Меркулову приходилось проводить по восемнадцать-двадцать часов в сутки, но он не жаловался. Что толку ныть, если сейчас по всей стране госпиталя и больницы заполнены ранеными и больными. Легкораненные солдатики уходили от войны обычно быстро, уже через несколько дней они начинали ходить по палатам и искать землячков, успокаивали в письмах родных, заигрывали с молодыми сестричками, а порой и шалили. Тяжелее было с теми, кто остался без рук, без ног, без глаза или без метра кишок. В их глазах еще отсвечивались взрывы бомб, смертельные всполохи кинжального огня и такая беспросветность, что психологи не знали, как к ним подступиться и

успокаивали себя только тем, что все-таки лучший лекарь - это время.

Медперсонал госпиталя особенно внимательно отнесся к судьбе молодого парнишки, который после тяжелого ранения потерял память. Он не помнил ни себя, ни родных, ни города или села, где родился и вырос. Война благодарно стерла из его памяти все ужасы, которые он пережил, а вдобавок и все остальное. Но нейрохирурги утверждали, что это для раненого благо, ибо организм включил свой защитный механизм, и со временем память к нему может вернуться.

Тщетно от него пытались узнать его фамилию, адрес, имена родных или хотя бы номер войсковой части, в которой он служил. В сопроводительных документах он значился как неизвестный, а «смертного» жетона при нем не оказалось. Ничего не знали о нем и те раненые, которых привезли вместе с ним. Странное ощущение было у всех работников госпиталя, будто появился человек из ниоткуда, повоювал и, пришел в никуда. Скоро слух о необычном раненом распространился по всему городу, его судьбой заинтересовались вездесущие журналисты. И уже через несколько дней в газетах и на телевидении заговорили о неизвестном солдате-герое. Если бы начальство госпиталя знало, какую мину оно подложило под себя, разрешая журналистам общаться с медперсоналом!

Уже после первого показа сюжета по телевидению госпитальные коридоры и кабинеты наполнились бесконечными телефонными звонками. Казалось, полстраны узнало в неизвестном солдате своего сына, брата, друга, мужа. Начальник госпиталя схватился за голову, проклиная тот момент, когда он, конечно, из милосердных побуждений, пустил жадных до сенсаций журналист на порог.

Отключили почти все телефоны, чтобы они не мешали работать. Но, как известно, русское милосердие не знает границ. Окружной госпиталь стали осаждать толпы людей: здесь были и те, кто был уверен в родстве с неизвестным героем, и сердобольные старушки, которые приносили всякую снедь для «бедного солдатики», и просто любопытные, сгоравшие от нетерпения увидеть что-то «здакое». Чтобы не обижать людей, у них брали все: пироги, соленья, варенья, яйца, шашлыки, конфеты, печенье. Все это тут же распределяли по палатам. Ребяточки, ворочавшие нос от надоевших каш, компотов и жиденьких супов, все эти дни чувствовали себя именинниками.

Поистине, русская доброта может доходить до изуверства. Пришлось принимать экстренные меры: для охраны госпиталя вызвали наряд из воинской части, а потом пригласили фотографа, который сделал большой портрет раненого бойца, и вывесили его перед входом.

Однажды у входа в госпиталь появилась низенькая полуседающая женщина в старом потертом пальто с облезлым воротником, в тяжелых литых сапогах и коричневой клетчатой шали. Она не плакала, не билась в истерике, как некоторые другие, а просто подошла к охранникам и сказала:

- Сыночки, тут у меня сын лежит, вы бы пропустили меня.

Строгий сержант, намаявшийся с посетителями, спросил пропуск.

- Да какой еще пропуск, мила-ай,- пропела женщина, - я из самой Сибири прикатила, а там никаких пропусков не дают.

Наконец сержант сжалился, спросил имя и фамилию больного, проверил по спискам.

- Нет, мать, тут вашего сына, ищите в другом месте.

- Да как же нет-то, вот и портрет его висит и по телевизору его показывали. Приехала, а тут еще и не пускают. Женщина заплакала, вытирая слезы концом платка, который был под шалью. - Сы-ын это мой родненький, Колька. Один он

у меня, никого больше на свете нет. А тут еще и не пускают...

Но бдительный сержант не дрогнул, он уже столько повидал на своем посту «родственников» безымянного солдата, что уже никому не верил. Но, видно, что-то дрогнуло в его душе, он вызвал Меркулова и показал на заплаканную женщину:

- Вот, товарищ капитан, говорит, что она мать этого солдата. - И показал на портрет.

- Здравствуйте, - поприветствовал ее Меркулов и, заметив, что их начинают окружать любопытные посетители, добавил: - Давайте пройдем в мой кабинет.

Сержант исподлобья посмотрел на капитана и, отведя глаза, неуверенно сказал:

- Сумку бы проверить надо, мало ли что.

Но Меркулов так на него взглянул, что сержант чуть не поперхнулся. В кабинете женщина степенно развязала шаль, опустив ее на плечи, показала свой паспорт, свидетельство о рождении сына, фотографии. Сомнений не оставалось - парень, потерявший память, обрел имя и мать.

Женщина не спешила в палату к сыну, видно, что-то еще держало ее вдали от него. Она вздохнула рассказывала о своей нелегкой судьбе, которая была копией судеб тысяч российских женщин. Она говорила, одновременно плача и улыбаясь сквозь слезы там, где речь заходила об ее ненаглядном сыночке:

- Ведь сама- то я детдомовская, прижила Кольку с одним лесорубом. Прилипчивый был, паразит. Я тогда, в леспромхозе работала, а он, как только узнал, что я беременна, рассчитался и уехал куда-то. Куда, и до сих пор не знаю. Ростила одна, леспромхоз, спасибо ему большое, помогал. Выкормила, выучила, вырастила, а тут - армия. Я три дня в ногах у военкома валялась, просила, умоляла, чтобы он не забирал мою кровинушку. Убедил он меня, проклятый, что не может этого сделать, пообещал его пристроить в строительную часть, чтоб не послали его в Чечню или еще куда. Я и поверила, дура!

Да и сам он писал, что на службе у него все хорошо, что товарищи его не обижают, что, мол, строят они какой-то секретный объект для ихнего генерала. Потом, правда, писем долго не было. А когда получила от него весточку, то сильно обрадовалась. Он, Колька-то мой, прописывал, что приедет домой с большими деньгами и мы уедем жить в поселок. Я только посмеялась - ну какие у солдата заработки! Он - ведь глупый еще! - видать, контракт подписал, вот его и послали в Чечню.

Однажды прибежала ко мне Настя Поренкова, соседка моя, говорит, что мово Кольку по телевизору показывают, что лежит, мол, он раненый и самого себя не помнит. Телевизора у меня нет, мне и радио одного хватало. Ну, подхватила я, побежала к ней. Еле дождалась новостей, я за это время, наверно, столько слез пролила, сколько за всю жизнь не выплакала. Боженька мой! И правда, лежит мой сынок со всех сторон забинтованный, но я его сразу признала по шрамику на губе. Он когда маленький у меня был, упал и порезался об стекляшку. Метка так и осталась. Его корреспонденты окружили, спрашивают, что, как да откуда, как фамилия, где живут родители, а он, бедненький, только хлопает своими глазками и... мо... молчит.

Женщина расплакалась и долго сморкалась в платок. Наконец она успокоилась, поглядела на Меркулова:

- Вы меня извините. Вы совсем молодой, не знаю, есть ли у вас дети? Если есть, то вы меня поймете, доктор.

Меркулов чуть и сам не заплакал, так его умилило произнесенное

женщиной старое, доброе и, увы, забытое слово «доктор». Он налил из графина воды, накапал в стакан валерьянки и подал женщине. Его ждало так много дел, но он не мог просто встать и уйти, понимая, что свое горе и страдание она везла через полстраны, и если ей не дать сейчас выговориться, то появится еще один калека, душевный калека. А женщина, выпив продолжала:

- Вы извините меня, доктор. Я сейчас, я справлюсь.

- Ничего, ничего, - поспешил он ее успокоить. - Я вас понимаю.

- Ну вот. Я побежала к нашему директору, попросила отпуск. Он говорит: отпуск дам, а денег в кассе нет ни копейки. Дал мне немного своих. На кордоне узнали про мое горе, собрали с миру по нитке на дорогу да на гостинцы. Ох, если бы не люди, я бы не знаю, что с собой сделала.

Тут женщина словно опомнилась, подняла свои еще молодые, страдальческие глаза - Меркулова поразил контраст между этими молодыми карими глазами и увядающим лицом - и спросила:

- Как он?

- Ваш Коля молодец. Мозговые центры у него не задеты, речевая функция нормальная. Он уже потихоньку говорит, правда, вспоминает свое прошлое с трудом. Но это временно, поверьте мне. Вы просто умница... - Он посмотрел на лежащий на столе листочек, куда он записал ее имя и фамилию. - Вы просто умница, Татьяна Иннокентьевна, что приехали. С вашей помощью сын быстро поправится.

- Спасибо, доктор, - дрожащим голосом ответила мать. - А на войну его больше не пошлют?

8.

С этого дня в жизни Меркулова стали происходить странные события. Сначала его ошарашила Людка. Придя с работы, она раздела Степашку, сводила его пис-пис, а потом устало села на диван и изрекла:

- Слушай, Меркулов, кажется, мы подзалетели.

- И куда же? - равнодушно спросил Виталий, укрощая бутерброд с колбасой. - Уж не под поезд ли?

- Нет, под вертолет, - зло ответила Людмила, - под женский. Ты что, соображалку совсем растерял?

Виталий чуть не подавился бутербродом, потому что такие незапланированные сюрпризы всегда выбивали его из колеи.

- И сколько?

- Почти два месяца. - Молчание мужа она расценила как недовольство. - Да ты не беспокойся, я уже договорилась с Настей.

Меркулов лишь глубоко вздохнул, выключил горящие на экране голы, задумался.

- Может быть, не стоит?

- Чего не стоит? Тебе бы, как мужику, уже давно пора научиться ставить ударение в слове «стоит», тогда этого не произошло бы, - нервно кипятилась Людмила. - Ты что, думаешь, рассосется?

- Да нет, Мила, я о другом. Может быть, оставим ребенка!

- Это в таких-то условиях! - чуть не задохнулась от негодования Людка, даже не обратив внимания на его ласковое и забытое «Мила», как называл ее Меркулов в далекие, уже давно забытые дни медового месяца. - У тебя, видать, и правда крыша поехала.

- Ну, что-нибудь придумаем, - отбивался Виталий.

- Мне не надо что-нибудь! - гремела Людка. - Мне нужны нормальные человеческие условия и обеспеченное будущее, чтобы я знала, что если я рожу

ребенка, то я смогу помыть его в ванной, а не под говенным душем, что если я перестану работать, то мне не придется идти на панель, что...! А ты...!

Меркулов включил телевизор, все-таки говорящие головы на экране хоть и крыли друг друга самыми непотребными словами в своем предвыборном раже, но они не оскорбляли личного его достоинства.

А на другой день Меркулов встретил однокурсника по институту. Зашли в пивной бар, чтобы пропустить по кружечке и разговорились. Однокурсник откровенно завидовал, что Меркулов работает в престижном месте на хорошей должности, а ему приходится прозябать терапевтом в занюханно-задрипанной районной поликлинике.

- Но ты же сам захотел стать терапевтом, чего ж на зеркало...

- Да причем тут зеркало! - кричал терапевт. - Просто я не мог переносить вида крови. Ты же помнишь, я при анатомировании падал в обморок, как сопливая девчонка. Я сегодня ходил в военкомат, просил направить меня в Чечню, а там мне ответили, что в терапевтах не нуждаются! Вот так!

- В Чечню! Зачем? - удивился Меркулов.

- А вот за этим, - ответил однокурсник, потерев большим и указательным пальцами. - Понял? Там знаешь какие там бабки заколачивают! Недавно оттуда Кирпосов приехал - да ты его должен знать, он на параллельном курсе учился. Ну, высокий такой, рыжий, с бакенбардами ходил. Так вот, он оттуда пять тысяч баксов привез, здесь их несколько раз крутнул, потом купил квартиру, обстановочку, машину. Вот и я решил туда съездить. Да, видно, не судьба, так и придется до конца жизни в этом дерьме барахтаться. Тебе проще, стоит только пальцем пошевелить.

- Подожди, подожди, почему ты думаешь, что мне проще? - прервал его Меркулов.

- Да потому что там хирурги нужны, а не терапевты! Вот почему! - закричал мужик. - Мне в военкомате так и сказали...

По паре кружек не получилось, и потому Меркулов приполз домой на бровях. Людка промолчала, а Степашка залез к нему на колени и долго рассказывал о детсадовских новостях: как Лариска не захотела есть рисовую кашу, Толька стукнулся лбом об стул, Кристинка заболела свинкой и она будет теперь хрюкать, а Галинку воспитатели не отдали отцу, потому что он шатался.

На другой день Меркулов, наплевав на все субординации, пошел к генерал-профессору. В последнее время начальник госпиталя все чаще избегал встречи со своим любимцем. Данное им когда-то обещание - пробить способно-му хирургу квартиру и повысить оклад, превратилось в обман, и он чувствовал себя последней свиньей перед своим подчиненным. Но что он мог поделать, когда шла борьба за выживание, в госпитале не хватало самого необходимого, и он, генерал, превратился в завхоза, всеми правдами и неправдами выбивающего шприцы, медикаменты, перевязочный материал и даже тряпки для мытья полов. Да что там госпиталь, когда некогда великая армия и вся страна за десять лет превратились в немощных младенцев.

И потому, когда к нему пришел Меркулов, он тут же принял его.

- Садитесь, Виталий Сергеевич.

Меркулов сел на большой дубовый стул, который, повидимому, достался госпиталю еще от царских времен, когда здесь размещался приют призрения.

- Что, тяжело, брат? - спросил генерал, набивая табаком трубку. - Чать, не жаловаться пришел.

- Нет, Геннадий Осипович, не жаловаться, - ответил Меркулов. - Что толку жаловаться, я же все понимаю. Но все-таки хочу вас кое о чем попросить.

- Ну-ну, - подбодрил генерал.

- Отпустите меня в Чечню.

Геннадий Осипович удивленно посмотрел на Меркулова и неожиданно раскатисто рассмеялся. Меркулов такой реакции не ожидал, и потому оторопел.

Генерал, заметив его замешательство, замахал руками:

- Нет, нет, брат, это я не над вами смеюсь. Просто вспомнил себя, когда мне было пятнадцать лет. В сорок пятом уже мы с дружкой моим пошли в военкомат проситься на фронт. Понимаете, мы боялись, что война без нас закончится и мы не успеем убить хоть по одному фашисту... И все-таки друг мой погиб, поехал в командировку в Анголу, и там унитовцы сбили самолет, на котором он летел.

- Ну и что, взяли вас тогда на фронт?

- Нет, не взяли, - с грустью ответил профессор. Он пыхнул потухшей трубкой, потом прикурнул ее. - Ну, вы хоть понимаете, что в Чечне стреляют и даже убивают? Скажу честно, мне жаль вас отпускать, но я вас отпущу, Виталий Сергеич. Пишите заявление.

В последнюю ночь перед отправкой мужа в Чечню Людмила была необыкновенно нежна и ласкова с Меркуловым. В какой-то миг ему даже показалось, что он занимается любовью совсем с другой, посторонней женщиной. В эту же ночь Людмила шепнула ему на ухо, что она не пойдет к Насте и не будет летать на ее «вертолете»: пусть Меркулов знает, что дома его будут ждать трое.

9.

Солтмурад проснулся от мощного взрыва. С потолка подвала полетела побелка, опускаясь на пол снежными хлопьями. Вот в коридоре послышался топот, дверь распахнулась, и в нее ввалился бородатый мужчина с пулеметом наперевес.

- Солтмурад, федералы танками прут!

- Ну и что? Вы что, не знаете, что с ними делать!? повышенным тоном спросил полковник.

- Я просто предупредить пришел.

- Охрана здесь? - спросил Солтмурад.

- Все здесь, командир.

- Хорошо. Как там Айшат?

- С ней все в порядке, командир. Женщины говорят, что она даже немного поспала, а потом покушала.

- Хорошо, иди. Постой, принеси-ка и мне что-нибудь перекусить, а то в желудке сосет. Только горячего.

Солтмурад ел разогретую тушенку и размышлял. Да, еще несколько дней назад он и не думал, что очутится снова дома, в своем родном селе. Шамиль шептал сладкие и приятные его сердцу слова:

- Ты должен отомстить, Солтмурад, этим неверным собакам. Это твоё село, это твои горы, там твоё родовое кладбище, где лежат твои родственники. И там сейчас находится лишь горстка сопливых русских мальчишек. Утри им носы. Они разбегутся при первом же появлении твоего отряда. Иди, Солтмурад, отомсти.

Мсть! Это сладкое чувство уже много лет жгло его сердце и съедало душу. Сначала он мстил за свое розоренное гнездо и гибель своих родных. Но у него оставался еще сын, который, как поплавок, держал его на этой грешной земле. Но несколько месяцев назад при выходе из окруженного Грозного погиб и он. Солтмурад не плакал, не кричал от боли, потому что сердце его давно окаменело от страданий, он не бил себя в грудь от отчаяния. Его сын был бой-

цом, он погиб в сражении с неверными, как и подобает правоверному мусульманину. Солтмурад верил, что тем, кто погибает под тенью шашки, Аллах уготовил местечко в райском саду. Значит, его мальчик сейчас рядом со Всевышним, рядом со своей матерью, братьями и сестрами. И только он, Солтмурад, остался совсем один.

Один ли? А Айшат! Солтмурад улыбнулся, вспомнив про свою Айшат, и ледяное его сердце стало предательски не вовремя оттаивать. Ведь всего через несколько минут ему предстоит сражаться с теми, кто отнял у него все. Но разве можно с оттаявшим сердцем воевать с врагом!? В минуты боя сердце должно окаменеть, иначе враг пробьет его одним взглядом.

Как Солтмурад и предполагал, русские пустили танки для разведки. Один из них промчался по главной улице селения на огромной скорости, развернулся на площади среди разрушенных домов и стал водить стволом. Боевик всадил ему в бок несколько гранат из подствольника, и танк, словно раненный зубр, развернулся и умчался на свои позиции к лесу. Бородач лишь посмеялся и подосадовал, что у него не было гранатомета и заряда с бронебойной боеголовкой.

Теперь военные знают, что у них нет бронебойных снарядов и осталось лишь стрелковое оружие. Солтмурад мог бы давно выйти из села, потому что защищать развалины не было никакого смысла. Его держало здесь лишь беспокойство за Айшат, которая не сможет пережить выход из села с боем. Как она там? ...В тот погожий июньский день Солтмурад поехал со своим соседом в райцентр прикупить кое-что на рынке. Оставив потрепанный жигуленок под присмотром сынишки, сосед вместе с Солтмурадом пошли, как говаривала покойная жена Солтмурада, продавать глаза.

Базар кричал, шумел, смеялся, суетился, толкался, ругался, и при этом умудрялся не ссориться. Он выставил напоказ все, что желала жадная человеческая натура: продукты, куриный помет на удобрение, современную бытовую технику и оружие, воздушные шарiki и плотницкие инструменты, свежую рыбу и синенькие тушки гусей и кур, фрукты и овощи, плетеные корзины под винные емкости и узорные платки, шашлыки и пирожки. Все это пахло одновременно навозом, мясом, тушеной капустой, дегтем и маслом, духами и человеческим потом. Две стороны жаждущих интересов: продавцы и покупатели - сражались на торговых баррикадах до последнего рубля или доллара в кошельке. Одни убеждали, что больше нигде в мире они не найдут товара дешевле и лучше, другие называли торговцев кровососами и шакалами, готовыми перегрызть глотку за лишнюю вырученную копейку. После ряда уступок и взаимных упреков торг наконец заканчивался, и обе стороны расходились, довольные друг другом: одна тем, что сумела сбить цену, вторая, что с хорошей выгодой всучила покупателю не раз перекупленный товар.

Солтмурад купил нужные вещи и продукты, отнес их в машину и слонялся теперь без дела. Он купил стакан луценых орехов и, бросая их в рот вместо семечек, побрел в дальние ряды. В одном проулке он увидел торговцев оружием, которые, разложив товар на прилавках, обсуждали последние новости и свои хозяйственные проблемы. Увидев зашедшего покупателя, продавцы стали наперебой нахваливать и предлагать свой товар:

- Слушай, бери, не пожалеешь. Почти даром отдаю. Хочешь автомат, хочешь пулемет. Гранатомет есть - танк, как сырную головку, пробивает... Э, ему, видно, ничего не надо!

Солтмурад не отвечал на реплики и предложения продавцов, брал в руки оружие, смотрел его и клал на место. В основном, здесь был один хлам, но

попадались и редкие образцы, которых он раньше не видел. Но оружие ему было не нужно, зачем, если нет войны, да и дома у него был припрятан небольшой арсенал время сейчас неспокойное, мало ли что затра может случиться.

Солтмурад прошел дальше, за полуразрушенные многоэтажки, и вышел на тихую, тенистую улицу, заросшую травой, на которой мирно паслись куры и телята. Народу почти не было, если не считать троих стариков, которые мирно беседовали, сидя на скамейке, и, казалось, не замечавшие ничего и никого вокруг. Здесь Солтмураду, привыкшему к горной тишине и спокойствию, дышалось легко и свободно, он не любил излишней суеты и пытался избегать людской толпы, которая напоминала ему шумливую и галдящую воронью стаю. Через три дома женщина загоняла на дойку козу, а вот по улице с криками на старом, облезлом мотоцикле промчались мальчишки. Мир, покой, тишина, а что еще нужно, чтобы душа мирно жила с сердцем и твоими мыслями.

Но вот в конце улицы сильно хлопнула калитка и из нее с криками выскочила молодая женщина. Она металась от дома к дому, - глухие двухметровые заборы были глухи к ее слезам и мольбам. «Наверное, муж напился или накололся и гоняет свою жену», подумал Солтмурад и возмутила в душе. Разве можно было представить, чтобы горский мужчина бил женщину лет двадцать-тридцать тому назад, особенно, если она родила ему сына, продолжателя рода!? Да никогда. А сейчас...

Солтмурад знал, что вмешиваться в семейный разборки если не глупо, то бесполезно, в них, как правило, нет одного виноватого и поссорившихся может примирить только время да темная ночь, или другими словами, как говорят русские: ссора ссорой, а под одной шубой спят. Он хотел уже развернуться и уйти, как вдруг увидел, что из этой же калитки выбежали двое парней и погнались за беглянкой. Видя, что ей некуда деться от своих преследователей, жертва пискнула беззащитной птахой, бросилась к Солтмураду и, упав перед ним на колени, обхватила его ноги и в отчаянии закричала:

- Помогите! Всевышним умоляю, спасите! Они хотят убить меня!

Женщина была очень молодой, хрупкой и бледной, словно льдинка, разорванное синее платье висело на одном ее плече, обнажая кровоподтеки и синяки на теле, распущенные черные волосы почти скрывали ее лицо, но синие, блестящие от слез глаза были полны мольбы и надежды. По ее незнакомому выговору Солтмурад понял, что она не чеченка. Молодые парни лет шестнадцати-восемнадцати, подошли к Солтмураду. Один из них дернул девушку за руку и повелительно сказал:

- Пошли домой!

- Не-е! - закричала девушка. - Пожалуйста, не отдавайте меня им! Они убьют меня, они обесчестят меня!

- Что болтаешь, дура! - закричал один из них. - Пойдем в дом, нехорошо приставать к чужому мужчине на глазах у всех!

Они схватили ее за руки с двух сторон и насильно поволокли по земле, но стальной взгляд Солтмурада и его повелительный голос остановил их:

- Кто она вам?

- Это наша сестра. Она позорит нашу семью. Она хотела сбежать со своим любовником, - перебивая друг друга, говорили парни.

- Нет, нет, это неправда, они врут! - снова закричала девушка. - Я им не сестра!

Солтмурад уже догадался обо всем, он одним движением руки приказал ей замолчать и укоризненно покачал головой:

- Ай-вай-вай, разве так обращаются с родной сестрой. Отойдем в сторо-

ну, поговорим.

Пикнувшей было девушке он строго приказал:

- Стой здесь и молчи, тебя никто не тронет.

- Отойдя в сторону, Солтмурад спросил парней: - Сколько вы за нее хотите?

Парни переглянулись, глаза их вмиг заблестели, лица оживились в предчувствии наживы. Один из них ответил, скривив губы:

- Тысячу баксов.

Солтмурад укоризненно покачал головой:

- Тысяча долларов - это большие деньги. Для того чтобы их заработать, мне пришлось убить много неверных. А что сделали вы? Украли где-то сопливую девчонку и просите за нее такие большие деньги. - Один из парней попытался что-то возразить, но Солтмурад остановил его тычком в грудь. - К тому же вы забыли закон гор, вы украли и обесчестили свою единовверку, а за это отвечают головой.

- Мы ее не обесчестили, - виновато ответил второй. - Мы ее купили, мы только хотели...

- Не надо говорить, что ты хотел, надо говорить, что ты а сделал, - наставительно сказал Солтмурад. - Я - Солтмурад, командир отряда ополченцев, и мог бы отвести вас в шариатский суд, чтобы вас там поучили уважать женщин и старших. Но я не буду этого делать, я куплю ее, чтобы уберечь ваши пустые, дурные головы. - Солтмурад отсчитал двести долларов и протянул их парням. - Выбирайте: или деньги, или суд.

Поняв, что они проворонили добычу, парни взяли деньги и пошли прочь, ругая друг друга. Солтмурад подошел к притихшей девушке и сказал ей:

- Иди за мной и не отставай. - И, не оглядываясь, пошел к базару.

Девушка, постоянно спотыкаясь и оглядываясь, плелась за своим спасителем, то отставая, то догоняя его, будто боялась, что ее снова заберут похитители.

Сосед с нетерпением топтался у машины.

- Ты где пропадал, Солтмурад, я целый час тебя дожидаюсь! - Увидев рядом с Солтмурадом какую-то бродяжку, спросил: - А это кто?

- Родственница, - коротко ответил Солтмурад, сажая «родственницу» в салон. Сосед лишь поцокал языком и с улыбкой покачал головой, мол, ах ты, старый, седой черт, уж не боднул ли тебя бес в ребро?!

10.

После того, как девушка перешагнула порог его дома, Солтмурад почувствовал, что с этого момента здесь появилась живая душа. До этого в этих больших, гулких помещениях его всегда встречала пустота, в которой он чувствовал себя никчемным, ненужным и одиноким, будто смерть из его разбитого ракетой дома ходила за ним по пятам,, а потом поселилась здесь навсегда.

Солтмурад накормил девушку, спросил, как ее зовут, где она живет, кто ее родители и как попала сюда.

Сначала девушка поблагодарила за свое спасение, проплакалась, а потом представилась:

- Зовут меня Айшат. Я из горного Дагестана.

А потом рассказала о себе. По национальности она была аваркой, родилась в небольшом горном селении под Гергебилем, мать с отцом погибли под лавиной, когда ехали от родственников из Махачкалы. Тогда ей было всего восемь лет. На воспитание ее взяла старший брат, который и сейчас живет в Ботлихе. Ей очень нравился этот районный городок с древними, узкими улочками, старыми домами, высокими минаретами мечетей и старинной боевой башней.

Айшат закончила здесь пять классов, а потом брат запретил ходить ей в

школу, мотивируя тем, что девушке этого образования вполне достаточно, чтобы уметь читать, писать и ставить подпись, когда пойдет в ЗАГС, что она уже взрослая и сама должна зарабатывать себе на хлеб. Айшат целыми днями убирала огромные хоромы брата, стирала их белье, мыла посуду, ухаживала за скотиной. А брат с женой занимались бизнесом, каждый день что-то покупая и перепродавая. Судя по всему, денег у них было так много, что они почти каждый день после трудового дня гуляли в ресторанах, уезжали на шашлыки, трое их детей не знали отказа ни в чем, а она, как бедная Золушка, довольствовалась их насмешками, издевками, щипками и обносками.

Когда дома никого не было, Айшат забивалась на сеновал, отплакивала свои унижения и мечтала о том дне, когда она станет совсем взрослой и покинет этот проклятый дом. Но куда она могла уйти без денег, без одежды. Иногда в гости приезжал другой брат, который служил в Хасавюртовской милиции. Айшат на коленях умоляла взять ее с собой, но брат со смехом отвечал:

- Куда же я тебя возьму, Айшат, если в моей квартире и лишней курице не поместиться. Вот когда я построю дом... Лучше всего ты найди богатого жениха, тогда будешь жить, как в раю.

И брат снова уезжал, давая на прощание мелочь на мороженое.

К тому времени ей исполнилось шестнадцать, но о женихах брат запретил и думать - а кто в доме будет убираться, варить и стирать! Однажды Айшат задумала побег, потихоньку выкрала у братовой жены старую, но еще добротную одежду, про которую та давно забыла, спрятала ее в худое ведро из-под гудрона, валяющееся за сараем, туда же складывала непортящуюся еду и копила деньги из тех грошей, которые ей иногда давали в виде наградных на жвачку, мороженое или лимонад.

И вот день побега настал. Айшат подождала, когда ее племянники уйдут в школу, а брат с женой уедут на базар. Быстро переодевшись, она запихала в свой старенький чемоданчик все тряпки и припасы, не забыв взять из шкафа свои документы и, захлопнув дверь, побежала на автовокзал. И это была ее первая ошибка. На автовокзале она встретила соседскую старуху.

- Далеко собралась, Айшат? - спросила старуха.

- В гости, к брату, - краснея, ответила Айшат, готовая провалиться сквозь землю от своей лжи.

- Ну, езжай, езжай, погости, - подбодрила старуха. - Как же ты одна-то поедешь? Или твой брат не мог тебя отвезти? Грех такую молоденькую девушку отпускать одну в дорогу.

- Ему некогда, бабушка, у него много дел, - ответила Айшат и побежала к кассам.

Ей бы уехать в какую-нибудь другую сторону, например, к тетке в Гергембиль или в Кизилюрт, где жила подруга покойной ее матери, или в любое другое место, но она взяла билет именно в Махачкалу. Сейчас она боялась всех: и чеченов, которые воровали людей и продавали их, словно скот, и свою не очень приветливую тетку, и брата-милиционера, но куда могла податься брошенная судьбой и людьми девчонка. Столица Дагестана представлялась девочке обетованным городом, где она сможет учиться, найти хорошую работу, где есть море, музеи, кинотеатры, парки и большие площади.

Айшат так и ехала со своими мечтами, пока сзади не засигналила машина и автобус резко не затормозил. В автобус влетел брат, за руку вытащил ее на дорогу и насильно усадил в свою машину, не забыв связать ей руки веревкой. А ее старенький чемоданчик, единственное, что оставалось на память о родителях, так и уехал в город ее мечты. Всю обратную дорогу брат изрыгал самые

грязные ругательства, обзывая сестру неблагодарной шлюхой, шайтановым отродьем, недоноском и стервой.

Дома он запер ее в чулан, поставил на пол кувшин воды и бросил буханку черного хлеба, сказав ей напоследок:

- Позовешь меня, сестричка, когда вода будет казаться тебе сладким вином, а черный хлеб - медом.

Она постучала в дверь на пятые сутки, когда губы пересохли и опухли от жажды, а встать на ноги уже не было сил.

Но она почувствовала, что после этого случая отношение родственников к ней изменилось. Однажды она услышала голос жены брата, которая говорила мужу:

- Нельзя так обращаться с родной сестрой. Ты погляди, она уже выросла и стала девушкой. Нельзя же ее до самой смерти держать в черном теле, как рабыню, нужно делать и поблажку, ведь ей хочется погулять, себя показать. А там, если Аллах позволит, найдет себе жениха.

- Делай как знаешь, женщина, только потом не говори, что я был неправ.

Скоро Айшат купили дешевые, но новые китайские платья, туфли и босоножки на полукаблуках, нижнее белье, дешевые сережки и колечко с красным камушком. Ей стали позволять брать из шкафа никогда и никем не читанные книжки. Иногда ее отпускали на рынок или в магазин, и Айшат замечала, как молодые мужчины провожали ее восхищенными взглядами и цокали языками. И тогда она вызывающе скидывала красивую голову, распрямляла спину и гордо несла свое достоинство через строй ненасытных и жадных взглядов.

Наступила пора, когда все ее женское существо с нетерпением ждало прекрасного, огненноглазого принца. Но, к ее удивлению, к ней никто не подходил и не пытался завести знакомство, будто боялся об нее обжечься. Она часто разглядывала себя в зеркало, стараясь найти в себе изъяны, и находила их: ей казалось, что нос ее, пожалуй, слишком горбват, глаза, как распахнутые окна, в которые заглянула утренняя синева, шея, как у жирафа, а ноги тонки и похожи на костыли. Чучело да и только!

Но главную причину невнимания к ней Айшат узнала совсем случайно, когда она однажды вернулась домой за забытыми деньгами и услышала разговор двоих аксакалов, мимо которых только что проходила. Один из них говорил:

- Хорошая девушка эта Айшат, дай ей Аллах счастья и здоровья: спокойная, аккуратная, работающая, красавица. Вот в моей молодости...

- Не надо, Магомед, рассказывать, как ты воровал свою горянку, я слышал это уже тысячу раз, - перебил его другой старик. - А Айшат и правда хорошая девушка, работающая, покладистая, с такой никакой парень не пропадет. За что она ни возьмется, все у нее горит в руках. И куда только эти молодые парни смотрят, слепые они что ли.

- В том-то и беда, что красива да сирота. Красотой не напьешься и не наешься. А кому сирота нужна, без денег, без дома, без родственников.

- Это ты правильно сказал, Магомед, у ее брата клещами копейку не вытащишь, жадный сильно. Он так и сказал моему внуку Али, бери, мол, Айшат в жены, только урду не проси.

- И что же Али?

- Ай, глупец, отказался, сказал, что такую – то он на базаре за рупь купит. Глупый, глупый барашек, счастья своего не видит и не понимает. Будь я лет на сорок помоложе, я бы не поглядел, что она бедная сирота, с такой женой счастье да богатство сами бы в руки приплыли.

- Ах ты, старый хитрец,- засмеялся другой, - Да тебя хоть и сейчас жени,

ты как тот старый дуб в горах - чем старше, тем крепче.

Чтобы ее не увидели старики и не заподозрили, что она их подслушивала, Айшат проулками и задками добралась до дома и проплакала целый час. После услышанного у нее будто открылось второе зрение, и она вдруг увидела, что прежний, розовый мир рушится и на его месте вырастает черный, неприступный замок, в котором ее замуровали и из которого нет выхода. Как, думала Айшат, разве сам по себе человек ничего не значит, разве к нему нужны какие-то довески в виде кроватей, подушек и пуховых перин? Разве сам человек не высшая ценность этого мира? Ведь горам и небу не нужны какие-то красоты, они сами по себе прекрасны, и в этой естественности и есть их красота и величие!

После этого Айшат замкнулась в своем маленьком и тихом мирке - все свободное время она только читала. Она обожала Дюма, Грина и Экзюпери. Как светлые, благородны и чисты были миры их героев, их помыслы и деяния! Ох, как мечтала Айшат попасть в этот мир, хоть на миг стать маленьким принцем, чтобы вечно удивляться вселенскому разнообразию, или Асолью, которая ждала своего прекрасного принца из грез и, наконец, дождалась его. Это чудо любви постоянно потрясало Айшат, но обыденность неутомимо возвращала ее к коровам, курам, ежедневным уборкам и косым взглядам родственников.

Однажды брат с женой поехали на базар в Грозный и взяли Айшат с собой. В Чечне девушка еще ни разу не была, и ей интересно было посмотреть, как живут там люди после войны. Ей нравилось сидеть в машине и наблюдать, как живет и меняется природа. Сразу за Ботлихом началась узкая горная дорога, стесненная высокими скалами с висящей на них изумрудной зеленью. Дорога то взбиралась вверх, то стремительно падала вниз, ужом извиваясь среди гор. У Айшат от страха замирало сердце, но она жадно глядела по сторонам на заснеженные вершины и прекрасные долины, стараясь сердцем впитать все красоты своей древней родины. Вот внизу показался старинный аул Анди с древними постройками, отсюда, с высоты, он был похож на орла, распростершего свои могучие крылья. А слева голубой чашей, окаймленной зеленым кольцом, проплыло озеро Кезеноям. Наконец закончился затяжной и утомительный спуск с перевала Харамы, и вдали мелькнула синяя блеска Хулхулау, прячущейся в глубоком ущелье среди густой зелени лесов и лугов.

Айшат помогла разгрузить коробки и сумки с товаром, разложить вещи на прилавке. Жена брата куда-то ушла, и Айшат с братом нахваливали и трясли свои шмотки, чтобы привлечь побольше покупателей. Торговля шла бойко. Вернувшаяся невестка сменила девушку, дала ей денег и сказала, чтобы она купила себе хорошую заколку для волос. Айшат долго бродила по базару, выбирая себе безделушку по душе. Наконец она сделала покупку и, вернувшись к прилавку, увидела, что он пуст. Встревожившись, она побежала к платной автостоянке, но и там машины не было. Она бросалась от одного человека к другому, спрашивая о своих родственниках, но все лишь пожимали плечами.

Скоро базар совсем опустел, по земле лишь прыгали стаи птиц, подбирая остатки пищи, оставленные людьми, да шелестели поднятые ветром бумага, пластиковая посуда и полиэтиленовые пакеты. Айшат присела на грязный деревянный ящик, еще надеясь, что брат вот-вот вернется за ней и заберет ее домой. Ведь не может же родной брат бросить свою сестру на произвол судьбы. Но кончился день, на площадь и улицы стала вползать темнота. Тут то к ней и подошла женщина...

- Она тебя била? - спросил Солтмурад, слушая рассказ Айшат.

- Нет, нет, - воскликнула Айшат. - Она привела меня в свой дом, накормила, уложила спать и пообещала, что найдет моего брата или отправит домой.

Я ждала три дня, а потом пришли эти двое, связали меня, затолкали в рот тряпку и увезли в другой дом.

- Ты знаешь, кто они?

- Нет, не знаю. Я пробыла у них только одну ночь.

Айшат обняла себя за плечи, пытаясь унять бившую ее дрожь, и закусила губу, на которой образовалась капелька крови. Солтмурад подошел к ней, погладил по волосам.

- Не бойся меня, я тебя никогда не обижу. Прости меня, что я распрашиваю тебя и причиняю тебе боль, моя девочка. Но я хочу, чтобы ты смогла выговориться. Я по себе знаю, как это важно. - Солтмурад вздохнул. - Поверь, потом тебе станет легче.

Айшат кивнула и, опустив руки на колени, продолжала свой рассказ:

- Эти сволочи посадили меня в подвал. Там было совсем темно и бежали мыши. Спиной я нащупала гвоздь, зацепила за него кляп и вырвала его изо рта. Потом я долго грызла зубами веревки, потому что на ней было пять узлов. Я грызла их всю ночь, а потом затаилась, я даже мышей не боялась, хотя они бежали прямо ко мне и все время пищали. Я слышала, как ругались эти подонки, а потом куда-то ушли. Я бросилась к крышке подвала и хотела поднять ее, но они ее чем-то прижали. В темноте я нашла старую, рассохшуюся бочку, разобрала ее и взяла несколько клепок. Потом я встала на ступеньку, оперлась спиной об крышку, чуть приподняла ее и сумела вставить в щель одну клепку. Как рычагом я приподняла крышку еще выше и вставила две клепки. Когда щель стала побольше, я пролезла сквозь нее и очутилась в комнате. Все двери были закрыты, тогда я разбила окно и выпрыгнула наружу. Потом я выскочила на улицу, стала кричать, но меня никто не слышал...

Айшат снова замолчала и заплакала. Солтмурад подождал, пока она успокоится, спросил:

- Ты хочешь вернуться к брату?

- Нет. Он мне больше не брат, - твердо ответила девушка.

- Хорошо. Тогда я отведу тебя к тете Малике, пока поживешь у нее. Она сестра моей покойной жены, она добрая и очень толстая, как бурдюк.

Впервые после их встречи Айшат улыбнулась, и Солтмурад увидел ее широкую улыбку и лучистые, брызнувшие бирюзой глаза.

Солтмурад привел девушку к Малике, ничего не стал рассказывать, а просто сказал:

- Пусть поживет у тебя. Она перенесла много горя, обогрей, приласкай ее, да и приодеть бы не мешало, в моем доме нет женских вещей и сладкой еды для девчонок.

Сначала Малика молчала, но потом ее любопытное женское нутро не выдержало, и она спросила:

- Где ты ее нашел, Солтмурад? Откуда она и...?

- Замолчи, женщина, это не твоего ума дело, - шуточно и одновременно строго сказал Солтмурад. - Если захочет, она сама тебе все расскажет, ведь она тоже женщина. Ты же знаешь, что два петуха всегда дерутся, а две курицы сидят в одном гнезде. Солтмурад знал что сказать, он понимал, что слова такого авторитетного и много повидавшего человека, как он, звучат для женщины как поговорка. Малика была тоже неглупой женщиной, она понимала, что не мог сказать и не договорил мужчина, поэтому она не теряла время даром, и уже через две недели Айшат пришла к нему.

Когда она вошла в его дом, Солтмурад чистил картошку. Увидев ее, он вытер тряпкой мокрые руки и обрадованно встал:

- Айшат, девочка моя, я очень рад видеть тебя в своем доме. Проходи, садись, дорогой гостьей будешь. - Мужчина суетился, как молодой юноша. - Спасибо, что пришла навестить. Как тебе живется у тети Малики? Она тебя не обижает, кормит вкусно?

Айшат присела на краешек дивана, прямо посмотрела Солтмураду в глаза и твердо сказала:

- Я пришла не в гости, я пришла совсем!

- Как совсем, - растерялся Солтмурад. - А, это, наверно, Малика, эта вредная женщина, сбила тебя с толку. Вот я ей задам как следует! Поверь, девочка, я не подговаривал ее...

Айшат решительно оборвала его:

- Она здесь не причем, я сама! Она все рассказала мне про... Я хочу стать твоей женой.

Солтмурад сел на стул, боясь, что его не удержат дрожащие ноги, и не знал, что ответить. Потом осторожно начал:

- Я уже стар для тебя, Айшат. Видно, Малика рассказала тебе о гибели моих родных. Но жалость - не лучший советчик сердцу. Когда моя младшая дочь погибла, она была старше тебя. И если ты это делаешь из благодарности, то мне не надо такой жертвы.

Девушка вдруг решительно встала, подошла к нему и, обняв за шею, зашептала:

- Я знаю, что ты мне скажешь. Но ты не старый, ты добрый, сильный, крепкий. Ты настоящий мужчина, и мне никто больше не нужен.

В эту же ночь Айшат стала женой Солтмурада.

11.

Странное это было затишье. Трое суток федералы и боевики садили друг в друга из всех видов оружия, даже авиация подключалась, чтобы вскрыть железобетонные подвалы, больше похожие на доты или гитлеровские бункеры времен второй мировой войны, и выкурить оттуда боевиков. И вдруг тишина... Десантура шутила, вспоминая неуловимых мстителей, что по ночам на позициях боевиков «мертвые с косами стоять».

Видать, чеченцы основательно готовились к своей «второй мировой», иначе откуда же у них такое вооружение, вплоть до ПЗРК, а в мирных селениях такие укрепления.

Солдаты радовались передышке, потому что вместо надоевшего всем сухпайка, почему-то прозванного трехсотлетием армейского тыла, теперь три раза в день подавали горячую пищу из походных кухонь. Конечно, разносолов и деликатесов здесь не готовили, но каша с тушенкой, а иногда с говядиной или бараниной, макароны по-флотски, а то и родимые российские щи по-домашнему подогревали желудки и души солдат. В их ожесточенных и замороженных взглядах стали проявляться проталины тепла и осмысленности. А балагуры и шутники, которые были почти в каждом подразделении, трювили анекдоты и солдатские байки. Одна из таких группок сидела недалеко от медбата, и Меркулов слушал очередную историю, которую рассказывал шустрый, щупленький парнишка с оттопыренными ушами:

- Вот те зуб на холодец, чистая правда, - убеждал он какого-то недоверчивого. - Вон. и Пашулю можешь спросить, он подтвердит. А вот еще одна история. Ну, лежим мы значит - окоп в полный рост, солнышко светит, «чехи» не шебуршаться красота! И тут слышим, будто колокольчик позванивает. Что такое, откуда? Тут и церковей-то нет, одни мечети. Глядим, в нашу сторону корова идет, хвостом помахивает, травку жует. От нас далеко, метров триста, а блок - пост

рядом, там взвешники стояли. Ну, видят они, что к ним корова сама в котел просится, стали ее подманывать - кто хлебом, кто пучком травы. Видать, решили парного молочка попробовать. Ну, сгрудились они вокруг коровы, а тут как жахнет, и все - ни коровы, ни ментов, всех в ключья.

- Так она что же, на мину наступила? - вполне серьезно спросил один из слушателей.

- Какая мина, дура! - оборвал его «Теркин». - «Чехи» ей под пузо фугас привязали и пустили пастись. Видно, знали, что она на сочную травку полезет. А когда ее заманили на блок-пост, кнопочку нажали - и тью-тью.

Разочарованные финалом солдаты притихли, они хотели услышать веселую историю, а тут... Кто-то с досадой сказал:

- Шел бы отсюда, травила.

- Чего ты, чего ты! - заволновался шустрый рассказчик, - что было, то и рассказал.

- Тут и так на душе муторно, а ты... Корову жалко, и ребят с блок-поста жалко.

Таких страшилок про коварство и хитрость «чехов», как называли в войсках чеченских боевиков, среди солдат ходило много. И это не было враньем, скорее, полуправдой. Официально федеральные войска воевали против международных террористов, а регулярным российским войскам противостояла вся Чечня, от мала до велика. Хасавюртский «мир» сделал свое черное дело, когда отпущенная на свободу Ичкерия стала пристанищем террористов, бандитов и уголовников со всего света, а выросшая молодая поросль ничего не знала, кроме войны, и не умела ничего делать, кроме как держать в руках оружие. К тому же были еще живы воспоминания о тех, кого убили в первую чеченскую кампанию, и их родственники, верные традициям кровной мести, делали «характера» непрошенным освободителям. Поэтому здесь не удивлялись, если мальчишка выхватывал из-за пазухи пистолет и стрелял в солдата, если идущая с базара мирная женщина оставляла сумку со взрывчаткой, если где-то на заложенном фугасе подрывался бронетранспортер или машина с военнослужащими. Разбереженная рана, как известно, кровоточит и заживает дольше.

Сегодня с «вертушкой» прилетела почта, и Меркулов получил целых пять писем: одно от родителей, одно от неизвестного лица и три от Людки. Мать писала, что этой весной они не смогли засеять полностью огород, потому что отец пропадает на посевной, а у нее стрельнуло в поясницу, и она не может принести даже ведра воды. А Генка, паскудник (это мать писала про брата Меркулова, который занимался бизнесом и которому было наплевать на все огороды, потому что за тысячу долларов он мог скупить весь урожай со всех деревенских огородов), на помощь не приехал, а жрать будет, как все, когда придет с друзьями на шашлыки. Только на этот раз он получит от них шиш, пусть покупает на рынке, если такой богатый. Мать сильно беспокоилась, как он там, на войне, по телевизору каждый день сообщают о погибших и раненых, и наказывала, чтобы он лишней раз не высовывался и под пули не лез.

Второе письмо было от матери того самого солдата, вокруг которого так много было шума в стране. Татьяна Иннокентьевна сначала извинялась за то, что беспокоит его, что его адрес ей дали в госпитале, а потом целых две страницы она благодарила доктора за спасение ее кровиночки. Она благодарила его так, как могут благодарить только русские женщины: клятвенными заверениями, что она теперь всю жизнь будет молиться за его здоровье, что, если нужно, она готова оказать любую помощь, приглашала в гости вместе со всей семьей (А места-то у нас какие красивые!). В конце она сообщала, что Колька

жив и здоров, уже говорит, ходит и понемножку вспоминает свою прошлую жизнь, а также передает ему от сына поклон и благодарность.

Уже который раз Меркулова удивляла Людмила. Суховатая, даже несколько резкая в обыденности, она писала такие проникновенные и ласковые письма, что если бы он ее не знал, то подумал бы, что их писала совсем другая женщина. От этих писем веяло домашним теплом и уютом, нежной страстью и женским страданием, отчего сердце его таяло и трепетало, как в дни первого свидания. Людмила писала о всех проделках Степашки, о своей нудной работе, которая в его отсутствие вдруг стала ее спасением от мрачных дум, одиночества и суеты, о своей женской тоске...

Меркулов только дочитывал первое Людкино письмо, когда в лагере поднялась непонятная суматоха.

- Что там случилось? - спросил он пробежавшего мимо прапорщика.
- Сам не знаю, говорят, из села идут с белым флагом,

наверно, сдаваться собираются. Видать, прижало, ведь бежать-то отсюда некуда.

На окраине лагеря собрались штабные офицеры с немногочисленной охраной и высшее начальство полка. Начштаба на всякий случай дал приказ пулеметным расчетам, минометчикам и танкиста - бдиль. а вдруг вся эта мизансцена со сдачей провокация? А если нет! Ну тогда на весь полк посыпятся звания, ордена, медали, звездочки, должности...

От села шли двое: седобородый старик в каракулевой папахе и подросток лет тринадцати-четырнадцати, который размахивал белым флагом. Старик шел размеренно и степенно, словно отмерял клин под свое поле, и опирался на отполированную руками палку, а мальчишка шел рядом с ним, бросая на него взгляды, словно ждал какого-то знака. Они подошли вплотную к первой линии окопов и остановились. Флаг, сделанный из наволочки и палки, мальчишка поставил рядом с ногой и исподлобья рассматривал окруживших его военных. Старик спокойным взглядом обвел сгрудившихся около них людей и сказал:

- Мне главный командир надо. Вперед вышел комполка, представился:
- Подполковник Гафуров. С чем пришел, отец?

Игнорируя вопрос, старик внимательно посмотрел на черноусого красавца:

- Ты мусульманин, да?
- Гафуров улыбнулся.

- Я татарин, отец, в Аллаха не очень-то верую, в мечеть тоже не ходил, но все положенные ритуалы прошел. Показать? - И он показал рукой на ширинку.

Все вокруг засмеялись, старик тоже улыбнулся, провел ладонями по бороде, вскинул к белесому небу желудевые глаза и что-то пробормотал. Совершив немудреный обряд, сказал:

- Все мы дети Аллаха. Тебя тоже родила мать, командир, ты поймешь меня. Там, - он показал рукой на село, - рожают женщина. Ой, сильно тяжело рожают. Врач надо, а то умрет совсем.

- Врача? - Командир растерялся, потому что явно не был готов к такому повороту дела. Почесав затылок, он хмыкнул. -Разве у вас своих врачей нет? Раненых-то, небось, сами лечите. Да и не водится у нас гинекологов, тут рожать некому.

Но старик настаивал на своем:

- Сильно надо, командир, умрет женщина.

Гафуров задумался, подозвал Меркулова:

- Что скажешь-присоветуешь, Виталий? Черт, я думал, они сдаваться собираются, а тут... Ну, что молчишь?

- А что тут скажешь, я хирург, а не акушер. Правда, раза два приходилось принимать роды, когда на «скорой» практиковался, но...

- Но ты согласишься? Ведь надо как-то помочь, мирное население к себе привлечем. А, ты как?

- Если только посмотреть. В крайнем случае, направим в ближайший роддом.

Гафуров сказал старику, что они могут привести женщину сюда, но старик замахал свободной рукой:

- Ты меня не понял, командир, женщина хочет рожать там. Он снова показал пальцем на село.

- Но почему?

Старик помялся, часто поморгал глазами, пожевал губами, а потом решил:

- Это жена нашего командира, Солтмурада. Женщина не хочет его бросать - она так сказала.

Наступила тишина. Не каждый день чеченский полевой командир просил помощи у своих кровных врагов.

- Да-а, вот это ситуация, - протянул Гафуров. - Ты что же, старик, думаешь, что кто - то из наших врачей полезет в пасть к волку? Ты в своем уме?

- Мне восемьдесят два года, - с достоинством ответил старик, - и еще никто не считал меня сумасшедшим.

Гафуров прижал правую ладонь к сердцу.

- Извини, отец, я не хотел тебя обидеть. Но и ты пойми, что полагаться на ваше милосердие - это одно и то же, что класть свою голову в пасть бешеного льва. А запасных голов ни у кого нет, даже у врачей. Так что вряд ли мы сможем вам помочь.

Но старик не сдавался, он словно и не собирался уходить.

- Солтмурад дал слово, что он отпустит врача целым и невредимым. А его слово крепче гранита.

- А где гарантия, что твой Солтмурад сдержит свое слово!

- закричал Гафуров. - Ты что же, за идиота меня держишь, старик! Я не стану рисковать ни одним своим человеком, вот и все.

Было видно, как тяжело дается старику самообладание. Лицо его словно окаменело, и по нему побелкой разлилась бледность. В родном селе еще никто и никогда не усомнился в его честности и порядочности, никто и никогда не повышал на него голоса, а этот надутый, как индюк, подполковник посмел повысить на него голос! Но старик справился с поднявшейся от сердца обидой и дрожащим голосом сказал:

- Мы будем твоей гарантией: я и мой правнук. - Он показал глазами на подростка. - Эта война уже отняла у меня сына, двух внуков и мою старуху. Я оставляю в залог все, что у меня осталось: свою жизнь и честь и жизнь моего правнука. Разве тебе этого мало?

Гафуров отвел Меркулова в сторону, в упор посмотрел на него и сказал:

- Ну что, капитан, тебе решать. Сам понимаешь, приказать я тебе не могу да и не хочу, если откровенно говорить.

Меркулов почувствовал, как по телу пробежал озноб: так было всегда, когда он принимал на себя ответственные решения перед операцией. Такой же обжигающий сердце холодок он чувствовал, когда мальчишкой прыгал в Волгу с крутого высокого обрыва. И не клятва Гиппократата, а этот манящий позыв страха заставил сейчас его сказать:

- Ладно, я пойду, с условием, если лично переговорю с этим Солтмура-

дом. Рация у вас есть?

Старик кивнул головой.

Гафуров пожал плечами:

- Попробуем наладить связь по радиотелефону. Да только я сомневаюсь, он уже второй день молчит, видно, боится, что его засекут. Подожди-ка, у старика наверняка должен быть какой-нибудь условный сигнал.

Старик выслушал Гафурова и что-то по-чеченски сказал мальчишке. Тот кивнул головой, поднял флаг над головой и сделал им несколько вращений. Неизвестно, по каким признакам парнишка принял ответный сигнал, но он повернулся и сказал:

- Он согласен.

Связист несколько минут повозился со своим аппаратом, а потом передал трубку радиотелефона Меркулову.

- Алло, алло, меня кто-нибудь слышит? - закричал Меркулов.

Сначала стояла тишина, потом кто-то ответил:

- Слышу, грязная русская свинья. Скоро мы вас будем, как барашков, резать, и я узнаю, какого цвета у тебя печень, ха-хаха!

Меркулов сначала опешил, а потом услышал чей-то голос, кричащий что-то по-чеченски. Оскорбитель Меркулова замолчал, а усталый голос сказал:

- Я слушаю.

- Мне надо переговорить с Солтмурадом, - ответил Меркулов.

- Я - Солтмурад. Послушай, не обращай внимания на эту мразь, что оскорбила тебя. А теперь говори.

- Ничего, - ответил хирург, - я понимаю, что подонков хватает у всех народов. Я военврач, капитан медслужбы Меркулов. Что с вашей женой?

- Я точно не знаю. - Меркулов услышал в трубке, как Солтмурад тяжело вздохнул. - Женщины, которые за ней ухаживают, говорят, что ребенок неправильно лежит в животе, и говорят, что она умрет, если ей не помочь. - Наступила долгая пауза. - Я прошу тебя, капитан, помочь моей жене.

- Какой ребенок у вашей жены?

- Что? Не понял!

- Я спрашиваю, который раз рождает ваша жена?

- А-а, первый. Это будет мой ребенок, понимаешь!? закричал вдруг Солтмурад.

- У вас есть подходящее помещение, оборудование, медикаменты, инструменты, перевязочный материал?

- У нас в подвале хороший госпиталь, все есть, даже электричество.

- Ты понимаешь, Солтмурад, что твоя жена может умереть? напрямую спросил Меркулов. - Что ты тогда со мной сделаешь?

Солтмурад долго молчал. А Меркулов почти прокричал в трубку:

- Слушай, Солтмурад, будет лучше, если ты переправишь ее к нам. Я не акушер и не гинеколог, я простой хирург и не уверен, что смогу оказать квалифицированную помощь. Если ты переправишь ее к нам, мы отправим ее в хорошую больницу, и она останется жива. Ты слышишь меня, Солтмурад? Алло, алло!

Долгое время из трубки доносились только шипение и какието странные щелчки.

- Я слышу тебя, капитан, - устало отозвался Солтмурад и вдруг неожиданно спросил: - Послушай, у тебя есть дети?

Меркулова удивил вопрос, но он все-таки ответил:

- Есть. Сын.

- У меня было четверо детей, капитан, а сейчас нет ни одного. Ты меня

понял? Я хочу, чтобы у меня был сын, как у тебя.

Я не знаю, останусь ли я жить, но я хочу, чтобы мой род не заканчивался на мне. Понимаешь? - Снова долгая пауза. - Сам я, как ты понимаешь, прийти к тебе не могу, а без меня моя Айшат тоже уходить не хочет. И еще. Я не хочу отбирать у твоего ребенка отца, я знаю, что это такое. Мое слово в горах знает каждый, еще никто не сказал, что Солтмурад его нарушил. Я клянусь тебе, что тебя отпущу целым и невредимым. - В его последнем «тебя», произнесенном с нажимом, чувствовалось, что других он растерзал бы сейчас на части, попадись они в его руки.

Меркулов тяжело размышлял: черт их знает, этих горцев, когда надо, они могут поклясться чем угодно, а с другой стороны, он знал многих парней с Кавказа, которые всегда поражали его своей надежностью, обязательностью и неистовым упорством в достижении цели. Ну, не пойдет он сейчас к этому угрюмому боевику, ну, умрет его жена. Ну и что? И тут он представил, что его беременная Людка лежит в ихней комнатухе, а вокруг бегают Степашка, кричит, плачет и топает ножками. Нет, это невыносимо! И Меркулов решил:

- Хорошо, Солтмурад. Через полчаса я выйду к тебе. Скажи своим, чтобы они не стреляли. Как мне пройти к тебе?

- Я понял, капитан, ты настоящий мужчина. Жду. А дорогу подскажет старик. Гафуров покачал головой, хлопнул Меркулова по плечу:

- Шайтан его знает, может, ты и прав. Но я бы на твоём месте... - Тут он замолчал и поднял руки. - Молчу, молчу, не буду говорить под руку о плохом. Ни пуха тебе, ни пера.

К черту Меркулов его послать не успел, потому что уже в следующую секунду подполковник давал указание артиллеристам, минометчикам и снайперам:

- Держать на прицеле каждую щель, каждую мышь, все, что движется и не движется. Понятно? Если с капитаном что случится, я вас...

Что он сделает в противном случае, Гафуров не досказал, потому что уже в следующую секунду он приглашал старика и мальчишку в гости и на ходу им говорил:

- Будете у меня почетными пленниками, ведь генерал Ермолов тоже угощал вашего имама Шамиля чаем, когда вел с ним переговоры. Эх, где же сейчас все эти Ермоловы да Шамили...

Меркулов сидел в палатке в «трофейном» трехногом кресле, которое притащили ему разведчики, низко склонив голову и сжав ее ладонями. Откровенно говоря, уже через несколько минут после разговора с Солтмурадом он сожалел о своем решении помочь роженице. Он и сам не понимал, почему так сделал. Дело было не в клятве Гиппократы, которая обязывала его помогать умирающим и раненым независимо от того, был ли он бедным или богатым, другом или врагом, не в жалости и не во врачебной этике, а в чем-то другом, чему он и сам не мог дать объяснения. Сейчас он понимал, что добровольно сунул свою голову в пасть льву. Возможно, что когда при разговоре с Солтмурадом перед его мысленным взором мелькнула Людмила с животом, которая тоже могла нуждаться в помощи, он инстинктивно отозвался на чужую беду? А, может быть, в его подсознании сидела эгоистическая мысль, что от рождения или нерождения чеченского младенца зависил исход этой проклятой, непонятной, дурацкой войны? Но прочь сомнения и самокопания!

Конечно, все это глупость. Ничто и никто не может зависеть в этом мире от одного маленького человека. А, может быть, взять и отказаться? Вот прямо сейчас, сию секунду! И пусть все катятся к черту! Его поймут и не осудят, кроме Солтмурада, этого кровожадного чеченского борза, у которого руки по локоть в

русской кровушке. Но как же та женщина, которая умирает сейчас в муках в этом, ими же самими осажденном, полуразрушенном горном селении?

Но, видно, сидело в Меркулове что-то еще, вроде ржавого гвоздя, который не мог выдернуть из него никто, который называли русским упрямством и который определяли краткой и точной поговоркой «давши слово-крепись, а не давши-держись».

«Ну что ж, была не была», - с такой мыслью Меркулов встал, взял со стола приготовленный Леночкой саквояж с инструментами и вышел из палатки. Провожали его комбат Кудашов, с которым Меркулов сильно подружился здесь, и три автоматчика. Стояла странная тишина. Она казалась неестественной на фоне изгрызанной гусеницами танков земли, рядов окопов и блиндажей, бетонных нагромождений и дымящихся развалин селения, которое распласталось в долине горной речушки, похожей на изумрудную ящерицу, прячущуюся в сочной траве.

Уже выйдя за линию окопов и чувствуя спиной взгляды провожающих, Меркулов пожалел, что не позвонил Людмиле по сотовой связи, которой ему позволяли иногда пользоваться в штабе, но потом подумал, что возвращаться с полдороги - это плохая примета.

У околицы его встретили трое молчаливых бородачей, которые взяли его в «клещи» и повели в центр села, где стояла высокая, почти неразрушенная мечеть. Недалеко от нее Меркулову завязали платком глаза, и он счел это тоже хорошей приметой: ведь если врагу не хотят что-то показать, значит, ему сохранят жизнь и отпустят. Обязательно отпустят. От этой мысли Меркулову стало как-то легче и спокойнее.

Вот, под руки, его ввели в какое-то помещение, и повели, иногда предупреждая о возникающих препятствиях на пути. По скрипу ржавых дверных петель Меркулов определил, что двери были тяжелыми и массивным, видимо, металлическими. Неожиданно голос предупредил: - Спускайся вниз, капитан, тут двенадцать ступенек.

Внизу повеяло прохладой и запахом мокрого бетона, смешанного с хапахами побелки, лекарств, плесени и чего-то еще, неопределимого по запаху. Теперь они шли по длинному коридору и тот же голос сзади направлял его:

- Прямо, направо, налево, прямо...

А двое других управляли им словно лошадью, дергая то за правый, то за левый рукав камуфляжа. Меркулова удивило, какими длинными и запутанными были подземные переходы. Ему казалось, что они плутали по ним минут двадцать и им нет конца. Только сейчас он понял, почему так неуловимы и непредсказуемы были боевики. Когда федералы ждали их в одном месте, они вдруг появлялись с другой стороны, а иногда и с тыла, открывая шквальный огонь, а потом словно проваливались сквозь землю. Артрязведка засекала расположение противника, минометчики и артиллеристы начинали бить по нему из всех стволов, перемалывая уже не раз искрошенный бетон и гранит, но трупов так и не находили. Предполагали, что боевики уносят их с собой.

Вот открылась очередная дверь, Меркулова втолкнули в какоето помещение, сняли с глаз повязку, и при слабом свете помаргивающей электрической лампочки он увидел бородатого человека в тибетейке, который спокойно и по-свиному мудро глядел на своего гостя...

12.

Солтмурад понимал, что село ему не удержать, уж слишком неравны были силы. Его сто тридцать бойцов, которых он завел в село ночью, вооруженных автоматами, пулеметами и гранатами, если не считать с десятков бронебой-

ников, не могли противостоять танкам, артиллерии, самолетам и вертолетам федералов. Планируя операцию, он надеялся, что уверенный в своих превосходящих силах противник полезет на рожок, проламывая их оборону танками и пехотой, и тогда бы он устроил здесь хороший костер из брони, трупов и крови. Так было пять лет назад в Грозном и в Бамуте, так было в ущелье, ведущем к его родному селению, когда небольшая группа ополченцев разгромила большой отряд российских войск. Но воевать учился не только Солтмурад. На этот раз федералы не полезли, как тараканы на приманку, а окружили селение со всех сторон окопами, капонирами и минными полями и методично стали поражать цель за целью, проводя зачистку окраин и улиц.

За эти дни Солтмурад потерял двадцать два бойца, более сорока было ранено, четверо сбежали. Уже на второй день он ждал отряд Хамида, который обещал прислать на помощь Шамиль, но этому сраному выскочке-президенту вдруг стукнуло в голову снова прорываться через Дагестанскую границу, чтобы устроить там новые Кизляр и Первомайск, и отряд Хамида он забрал с собой. Солтмурад уже давно мог бросить все к шайтану и уйти из села.

Он смеялся над тройным кольцом окружения, которые соорудили здесь федералы из окопов и минных полей. Он, Солтмурад, здесь хозяин, и знает такие норы и тропы, о которых не подозревают и местные жители. Да он может пройти сквозь эти кольца и заслоны, как иголка сквозь масло!

Но в селе его держала только Айшат. Как уговаривал он ее остаться в Аргунском ущелье на базе, разве что ноги ей не целовал, но Айшат неизменно отвечала:

- Я не оставлю тебя, Солтмурад, и не уговаривай. Даже ягодка засыхает, когда отрывается от ветки, а я без тебя просто умру. Нас связала горькая судьба, и если Аллаху так угодно, у меня с тобой будет одна смерть.

Сюда она шла на своих ногах, но здесь ей стало плохо после первой же бомбежки. Женщины- санитарки пришли к Солтмураду и сказали:

- Ты погубишь ее, если сегодня же или завтра не отправишь в роддом или в какое-нибудь спокойное место.

Тогда он пришел к ней, встал на колени пред топчаном, на котором она лежала, и положил голову на ее живот. Айшат смотрела на него помудревшими глазами, гладила по его седым волосам и говорила:

- Я знаю, Солтмурад, что ты хочешь мне сказать. Но не говори слов, они не могут приказать сердцу. Я решила родить тебе сына в твоём родовом селе, где родился ты, твой отец и твой дед.

- Разве ты знаешь, Айшат, что у нас родится сын?

- Конечно, разве я могу обмануть ожидания любимого мужа, - с улыбкой ответила Айшат.

Именно после этого разговора с женой одна женщина подсказала ему, что в крайнем случае можно попросить помощи у федералов, у них есть хорошие врачи. Ведь прямо перед селением на высоте у них есть передвижной госпиталь, где есть все необходимое. Солтмурад в гнев накричал на советницу: как, он, Солтмурад, пойдет с поклоном к тем, кого люто ненавидит и кто уничтожил всех его родных!? Да никогда! Скорее горы сдвинутся с места и реки повернутся вспять! Ведь он, Солтмурад, давал клятву перед Всевышним беспощадно уничтожать этих бешенных собак до своего последнего вдоха.

Но Айшат, его любимая Айшат! Ради нее и того, кого она носила в себе, он уже через день готов был преступить любые клятвы, лишь бы они остались живы. И когда он послал парламентаров и они подали условный сигнал, что федералы согласны ему помочь, Солтмурад вдруг с удивлением почувствовал,

что в нем поднимается давно забытые чувства благодарности и нежности к тому человеку, который ради жизни его близких готов пожертвовать своей. Он уже заранее был благодарен ему за это. Он даже подумал, что в этом они чем-то схожи.

И вот наступили минуты, когда две судьбы пошли навстречу друг другу и, наконец, сошлись. Дверь его бункера открылась, охранники ввели человека, сняли с его глаз повязку и ушли. Перед Солтмурадом стоял худощавый, высокий военный, который в открытую разглядывал его и молчал. Молчал и Солтмурад. Ему отчего-то трудно было произнести первое слово приветствия тому, кого он позвал в гости, но сейчас от этого молодого капитана зависели жизни двоих нет, троих, если считать и его самого, потому что без Айшат и их ребенка он не представлял своего дальнейшего существования на этой земле.

Он жестом пригласил врача сесть на стул и, когда Меркулов подчинился, глухим, застоявшимся голосом сказал первые слова: - Мне не хочется с тобой говорить, капитан, ты мой враг.

- Это я понимаю, - ответил Меркулов. - Только в данный момент это лишние слова. Ты меня позвал на помощь, и я пришел, значит не ты мне нужен, а я тебе. Ведь так?

В его ответе Солтмурад услышал вызов, от сердца к голове хлынула горячая волна негодования и ненависти, в эту секунду он готов был растерзать этого дерзкого, смелого человека - да как смеет он, неверный, дерзить ему! Но, как и всегда в критические моменты, Солтмурад сумел справиться с собой, потому что вспомнил один из мудрых советов покойного отца, которые всю жизнь были для него вторым Кораном: «Горячность и месть съедают разум, сынок, держи их в узде, иначе горячий конь жизни разобьет тебя». Он встал и сказал:

- Извини, капитан, ты прав. Не будем горячиться и терять время. Пойдем со мной.

У выхода стояли трое тех же бродачей. Солтмурад сказал им по-чеченски:

- Когда Айшат родит, будем уходить в горы. Понятно? Приготовьте людей и все необходимое в дорогу.

Один из бродачей ответил:

- Все не уйдем, Солтмурад. Что сказать людям?

Солтмурад секунду подумал:

- Пока ничего. А вы будьте все время рядом.

13.

И снова повязка на глаза, снова коридоры, снова повороты и ступени. Наконец Меркулов почувствовал свежий воздух, повязку с него сняли, и все, пригнувшись, стали пробираться среди развалин на другую улицу. Метров через двести нырнули в кирпичный сарай, в котором оказался вход в просторный бетонный подвал. Где-то сбоку тарахтел движок - видно, это была передвижная электростанция. Помещение оказалось большим и довольно чистым. Прямо на полу, кто на сене, кто на матрацах, кто на железных койках лежали раненые, около которых хлопотало несколько женщин и две девчонки - подростки. Стоны и крики заполняли все пространство, будто здесь в данный момент находилась весь мировой сгусток боли и страданий.

Солтмурад прошел мимо лежащих раненых, будто их здесь и не было, перешагивая через них, как через бревна. Меркулов шел за ним, широко поднимая ноги, чтобы нечаянно не причинить кому-нибудь боль. С первого же взгляда он понял, что многие из них не проживут и несколько часов. «Интересно, куда они их будет девать?» - подумал Меркулов.

Они прошли в угол, огороженный большими деревянными щитами,

вошли в проход, занавешенный серым одеялом. Солтмурад сказал:

- Это моя жена, помоги ей, капитан.

Впервые в его голосе Меркулов различил нотку сострадания. Значит, не такой уж он и отмороженный, подумалось.

Импровизированная палата была залита светом лампы-киловаттки. Меркулов взглянул на женщину и сразу же определил, что дело ее плохо. На панцирной кровати с дощатым настилом лежала очень молодая и красивая женщина с оставившимся взглядом, устремленным куда-то вверх, сквозь бетон, большой слой земли, сквозь боль и страдание. Ее смугловатая кожа ужа начала приобретать синеватый оттенок. Можно было подумать, что она мертва, если бы не трепет длинных, черных ресниц и тяжелое, прерывистое дыхание.

Меркулов рывком сбросил с нее одеяло и увидел, как на ее белой рубашке между ног разрастается кровавое пятно.

- Что же вы стоите! - заорал он, не зная на кого, и неожиданно для всех да, наверное, и для самого себя завернул такой русский матерок, что испуганный медперсонал тут же пришел в движение. - Халат! Перчатки! Горячей воды! Инструменты! Все быстро тащите сюда! Да быстрее же!

Солтмурад стоял рядом, ошарашенно смотрел на Меркулова, и его широко распахнутые серые глаза были похожи в этот момент на глаза ребенка, который не знал, что предпринять. Казалось, он умел делать все: строить, выращивать хлеб и скотину, мыслить и убивать, но он не мог делать того, что умел делать вот этот грозный военный врач - возвращать людей к жизни, который только при помощи только одного русского мата умел всех подчинять себе. И разве мог Солтмурад предположить хоть когда-нибудь, что вот этот враг в камуфляже будет казаться ему самим Богом, на которого он готов молиться. Боевой командир с растерянностью наблюдал, как хирург моет руки, надевает халат и марлевую повязку.

А Меркулов все громыхал:

- Плазма и системы есть? И кровь, самое главное, кровь!

Тащите сюда! Вы будете держать капельницу, - приказал он женщине постарше.

Солтмурад стоял рядом, Меркулов спросил его:

- Ты тоже будешь смотреть? Я тебе не советую.

Чужим, совершенно незнакомым самому ему голосом Солтмурад сказал:

- Капитан, очень прошу тебя, сделай все, чтобы они

остались живы. Я отдам тебе все, что у меня есть, я стану твоим рабом, я всю жизнь буду...

- Не надо, командир... Я все понимаю, и постараюсь все сделать. А теперь уйди отсюда, ладно.

А по другую сторону «операционного стола» уже стояли две женщины. Одна из них держала над головой капельницу, а другая спросила Меркулова:

- Наркоз делать будем?

- Нет, - резко ответил Меркулов. - Она уже давно в шоке и ничего не чувствует. Я удивляюсь, как она до сих пор держится. А что же вы-то смотрели!...

Он махнул рукой и, обработав высящийся холмом живот, несколькими уверенными движениями разрезал его и вскрыл матку. Из нее хлынула кровавая околоплодная жидкость. Меркулов вытащил ребенка, похожего на синюю свернувшуюся гусеницу, и передал женщине.

- А теперь обезболивающее и больше крови, - сказал Меркулов.

После нескольких шлепков ребенок закричал. Айшат будто этого ждала, она глубоко вздохнула, широко раскрыла безумно прекрасные глаза, поднялась на локтях, будто пытаясь взлететь, и спросила:

- Кто?
- Сын! - закричала женщина, державшая еще окровавленного ребенка,
- У тебя сын, Айшат!
- Слава Аллаху, он услышал мои молитвы! - прошептала женщина и потеряла сознание.

Когда Меркулов вышел от роженицы, Солтмурад сказал: - Спасибо за сына, капитан... Скажи, она будет жить?

Меркулов прямо посмотрел в его встревоженные глаза и ответил:

- Я сделал все что мог, Солтмурад, теперь все в руках Господа. Но она потеряла слишком много крови. Я удивляюсь, командир, что твоя жена сумела столько продержаться ради твоего сына. Другая бы...

- Ты еще побудешь с ней? - спросил Солтмурад, словно Меркулов пришел в его дом по вызову, а не был заложником.

- Конечно, - ответил Меркулов после некоторого раздумья.

- Сделай все, капитан, чтобы она жила, иначе... - Солтмурад несдержанно сверкнул взглядом и сжал челюсти так, что у него заныли зубы.

Меркулов слегка побледнел, не столько от испуга, сколько от неожиданной несдержанности командира, а потом покачал головой и укоризненно сказал:

- Эх, командир, тебе ли не знать, что еще ни одна пуля не помогла вернуть человека с того света. Ну, расстреляешь ты меня, а дальше? Потерпи, сейчас все в руках Всевышнего.

Перед смертью Айшат пришла в сознание и попросила позвать Солтмурада. Он пришел, поникший и тихий, как ягненок, встал перед ней на колени. Румянец на ее щеках и полные веселого, лихорадочного блеска глаза напомнили ему ту Айшат, которую он выкупил у двух подонков и привел в свой дом, совсем не предполагая, что она станет его женой. Солтмурад помнил эти глаза при свете полной луны, когда он ласкал ее красивое, шелковое тело и их окутывал лишь туман страсти. Вот и сейчас он взял ее за горячую руку, ощутил родное тепло ее тела и хрипло проговорил:

- Спасибо за сына, Айшат. Ты дала жизнь не только нашему сыну, ты дала вторую жизнь мне. Скоро, совсем скоро кончится эта проклятая война, и мы уйдем далеко в горы, подальше от людей, которые грызутся, как голодные волки. Там, высоко в горах, мы построим простую саклю, сделаем большой очаг, ты родишь еще много детей, Айшат, и мы будем счастливы и свободны, как орлы.

- Да, Солтмурад, так и будет. - Айшат закашлялась, потом погладила его по коротким седым волосам. - Ты самый крепкий, самый красивый и самый добрый мужчина на свете, твой сын будет похож на тебя. Береги его, Солтмурад...

Это были ее последние слова. Айшат умерла тихо и спокойно, словно полная веселая луна спряталась за легкие, прозрачные облака, а потом и вовсе растворилась в темном, блестящем от жестких звезд небе. Похоронили ее тоже ночью, в белом саване под черным пологом неба.

Солтмурад сидел в подвале один и ощущал себя узником в этом тесном, замкнутом пространстве, и не знал, как вырваться из него. Он сейчас не думал, кто заставил или что сделало его пленником своей собственной судьбы: бездарные политики, которые вместо пламени слов предпочли пожар меча, съедающая его месть за погибших родных, обида за свою несчастную, растерзанную распрями родину? Сейчас он думал о той, которая еще несколько часов назад связывала его с этим грешным и прекрасным миром, с горячим земным солнцем, с землей, нашипованной снарядами и костями и пропитанной кровью неверных и его единоверцев. А, может быть, правду говорят, что Бог един у всех

людей, и не Бог делит их по языкам, по цвету кожи, по обычаям, а сами люди делят Бога так, как им нравится? Со смертью Айшат в Солтмураде будто что-то нарушилось: словно в крепком дубе перестали течь и бродить свежие, оживляющие соки, питающие его развесистую крону.

И снова, уже в который раз, он вспомнил своего отца, который когда-то рассказал ему древнее предание о Тамерлане. Однажды хромой будущий покоритель мира зашел в кузницу и увидел там спящего кузнеца. Он не стал его тревожить и решил дождаться его пробуждения. Тамерлан увидел, как из носа спящего выползла муха, переползла через щипцы, лежащие поперек кадки с водой, на наковальню. Затем муха спустилась в трещину за наковальней, выползла оттуда и поползла назад. Но во время переправы неожиданно упала в воду. Муха долго билась в воде, с трудом выползла на щипцы и снова спряталась в нос.

Когда кузнец проснулся, Тамерлан попросил рассказать, что тому снилось. «А что рассказывать, - ответил кузнец. - Мне приснилось, будто бы я переправлялся через широкую реку и железную гору, а в ее пещере нашел большой клад. Я долго любовался сиянием золота, серебра и драгоценных камней. А когда возвращался назад, то упал с моста и чуть не утонул. Вот и весь мой сон. Но разве можно добраться до того, что видишь во сне,» - с сожалением закончил кузнец. Тамерлан понял, что в образе мухи из кузнеца выходила душа, и догадался, что она указывала место клада. Он за хорошие деньги перекупил кузницу, открыл под наковальней сокровища, собрал на них большое войско и покорил весь мир.

- Ты не должен, - учил отец Солтмурада, - позволять своей душе уподобляться той мухе, которая то выползает из твоего тела, то вползает в него. Как бы ни было тебе горько и трудно, держи ее в себе, потому что душа есть стержень, крепость и скала жизни.

И вот сейчас Солтмурад чувствовал, как его душа начинает уподобляться той самой мухе, готовой выползти из его тела. В гневе на себя он встал, взял лежащий на столе нож и вонзил его в свою левую руку.

- Не-ет! - закричал он. - Ты из меня никуда не уползешь, сволочь! У меня есть сын, моя родная кровь, и ты должна еще послужить мне! Я должен вырастить из него настоящего мужчину, продолжателя моего рода, продолжателя моего народа и моей веры!

На его дикие крики в бункер ворвались охранники. Один из них, увидев его окровавленную руку, спросил:

- Что с тобой, командир? Тебе помочь?

И услышал странный ответ:

- Я убил в себе эту муху! Она никогда больше не посмеет выползть из меня! - Увидев на лицах охранников «полтинники» вытаращенных глаз, он засмеялся и сказал: - Не бойтесь, Солтмурад не сошел с ума. На рассвете мы уходим.

- Все?

- Готовь только охрану. Наемников, наркоманов, арабов и всякую другую шваль оставим здесь. Пусть бьются во имя Аллаха и во имя Линкольна. Ты, - он толкнул второго в грудь, - тоже останешься здесь. Сделаешь так, чтобы с капитанской головы ни один волос не упал, иначе с твоих плеч упадет твоя голова. Понял?

- Понял, командир, - ответил охранник, а потом предложил: - Давай перевяжу руку.

Солтмурад удивленно посмотрел на свою окровавленную руку и, протянув ее, сказал:

- Перевяжи, только потуже...

14.

Меркулов хотел вернуться в расположение части в этот же день, но к тому времени, когда он закончил операцию, на Кавказ опустилась ночь. Солтмурад, убитый горем, словно забыл о нем, а женщины, которые вместе с ним принимали роды у Айшат, посоветовали переночевать здесь. Глядя на капитана, одна из них сказала:

- Ты не бойся, доктор, Солтмурад тебя не тронет. Он вспыльчивый, но если дал слово, то обязательно его сдержит. Сейчас ночь, куда пойдешь. А в темноте все кошки серы. Стрельнет какой-нибудь дурак, и все...

Меркулов согласился, он понимал, что в эту пугливую пору может дрогнуть рука стрелка как с одной, так и с другой стороны. А помирать по-глупому ему не хотелось, ему сейчас хотелось есть, и он сказал об этом. Его накормили. У охранника, который постоянно крутился около него, Меркулов попросил, чтобы ему помогли связаться со своими. Пришел радист. Радиотелефон долго молчал, в эфире были слышны лишь далекие разговоры, смешанные из русских ругательств, чеченской и арабской речи. Но вот наконец Меркулов услышал знакомый голос Гафурова:

- Алло, это ты, Виталий Сергеич? А мы уж думали, что тебе хана, брат, после обеда хотели уютить это бандитское гнездо, чтобы от него и праха не осталось. Как ты? Как чеченка, родила?

Меркулов устало ответил:

- Со мной нормально, родился мальчик, меня оставили до утра, остальное расскажу при встрече. Но я вот что хотел сказать... - Радист тронул его за рукав и приложил палец к губам - молчи, мол, а потом обхватил свою голову руками и покрутил ее, дав понять, что будет с Меркуловым, если он скажет что-то лишнее. - Я вот что хотел сказать, на столе я оставил письма, которые получил сегодня, а прочитать их не успел. Ты побереги их, пожалуйста, а то боюсь - пропадут.

- Уже сделано, капитан. Что еще?

- Как там парламентареры, живы?

- А что им делается, - засмеялся Гафуров, - чай пьют, кашу едят, правда, спрашивают, а есть ли в ней свинина. Да ты не бойся, с твоей страховкой ничего не случится, ребята их хорошо охраняют. Ну, до встречи, брат, завтра утром увидимся.

- До встречи, - эхом ответил Меркулов.

Его отвели в какую-то каморку, похожую на тюремную камеру.

В какое-то мгновение Меркулов уже пожалел, что согласился остаться до утра. Помещение было похоже на камеру в милицейском КПЗ, куда он однажды угодил по пьяной лавочке. Такая же грязная, обитая железом дверь, тусклая от пыли и паутины сорокаваттная лампочка, запах плесени и влаги, только вместо деревянных нар здесь стояли кровати в два яруса, намертво приваренные к стене.

Делать было нечего, и Меркулов стал готовиться ко сну. Он лег на кровать, брезгливо смахнув с дырявого матраса пыль, и прикрыл глаза. Он пожалел сейчас и еще об одном - что не взял с собой Людкины письма. Из них бы он узнал, что сорванец Степашка разбил нос, когда пытался прокатиться на перилах; что она проходила исследование на УЗИ, и ей сказали, что у них будет девочка; что ей снился странный, нехороший сон. Будто бы она и Меркулов ангелами летали в небе, собирали колючие, холодные цветы в виде звездочек, порхали бабочками и смеялись, смеялись. А по земле ходили люди и совсем их не замечали. Потом вдруг появились белые облака, и она, Людка, оказалась

вдруг одна. Она долго искала его, попыталась спуститься на землю, но облака не пускали ее. Они висели сплошной завесой и были похожи на каучуковые подушки, от которых она отскакивала мячиком.

Она так и не смогла пробиться сквозь облака, и в страхе проснулась. Потом Людка ходила к гадалке, и та сказала ей, что сон плохой и предвещает неприятные известия от тех, кто далеко. Жена ходила в церковь и поставила свечку за его здоровье, а в письме умоляла, чтобы он был осторожен и не лез бы куда не надо.

Но всего этого Меркулов знать не мог. Сейчас он никак не мог уснуть, потому что его постоянно тревожило тяжелое, тоскливое чувство. Он открыл глаза и неожиданно увидел лежащие на цементном полу железные цепи с кандалами и нацарапанные на стене надписи:»Нижне-ск, Марченко, в.ч. 6603; перед привет ольге курушиной, прощ.; чехи бляди; спаси нас и сохрани (рядом с православным крестом); полумесяц, пронзенный штыком; сер бирюлев 24. 3. 95г.; Нас пыт. Спасите!; Иштмурад - каратель; мы отомстим!; жору убили вчера; Ларисе Барановой привет!» .

Лишь сейчас до Меркулова дошло, что эти надписи делали пленники и невольники, которых здесь содержали чеченские боевики. И у него пробежал мороз по коже. Он понял, что бурые пятна на матрасе не что иное, как следы от крови, представил, какие муки и страдания претерпели сидящие здесь, и содрогнулся. Жив ли кто-нибудь из них? Нет, этого так оставлять нельзя! Меркулов вытащил свой блокнот, шариковую ручку и аккуратно и старательно переписал все надписи на стене - вдруг кому-то пригодятся. Он не понял, откуда Марченко, из Нижнекамска, Нижнеудинска или Нижневартовска, кем был Бирюлев, сержантом или его звали Сергеем, но для него было важным записать эти имена и эти свидетельства, чтобы о них знали все.

Меркулов так и не сомкнул глаз до самого рассвета. Вот дверь открылась, Меркулов автоматически посмотрел на часы шесть-десять - и вышел в коридор.

15.

Солтмурад со своим небольшим отрядом вышел из села еще затемно. Впереди шли четверо его охранников и одна из санитарок с младенцем, которого она привязала к своей груди серым одеялом, сзади еще с десяток боевиков. Все шли молча и размеренно, чтобы не нарушать предутренней тишины. Видно было, что этот путь уже многим знаком и они проходили по нему не раз. Скоро небольшая балка кончилась и незаметная, узкая тропа нырнула в заросшую орешником расщелину, и отряд под покровом листьев стал спускаться к речке.

Солтмурад знал, что все выходы из села были давно перекрыты и заминированы, даже на воде были расставлены сигнальные мины, и если кто-то нарвется на такую мину, сразу начнется шквальный, заранее скорректированный огонь, из которого живым не выбраться никому.

Шум быстро скачущей по порогам речушки оглушал. Отряд вошел под плотную кисею из дикого винограда, хмеля и плюща, свисающую с карниза до самой воды, и очутился в пещере. Зажглись несколько электрических фонарей, и отряд двинулся по сырому, низкому тоннелю дальше. Минут через двадцать впереди показался серый просвет, и скоро через узкую, глинистую щель все вылезли наружу. Глубокая расщелина, где очутился отряд, заросла частым, непролазным густарником, отчего здесь было темно и утренный свет еле проникал сквозь густые заросли, напоминающие тяжелый, плотный саван. С листьев на ополченцев падали крупные, холодные капли росы, образовавшиеся из тумана.

Тяжелым взглядом Солтмурад обвел обступивших его товарищей и сказал:

- Ну что ж, мои боевые друзья, я прощаюсь с вами. Я сделал все что мог, я сражался и не прятался за спины других. Ведь так, Хасан?

Бородатый пулеметчик из охраны поник головой и ответил в землю:

- Это истинная правда.

- Каждый из вас был моей опорой, - продолжал Солтмурад, я никогда не оглядывался в бою, потому что знал, что за моей спиной скала, которая всегда защитит меня. И, Аллах свидетель, Всевышний покарает того, кто назовет нас трусами.

Ему ответил разрозненный хор голосов:

- Правильно говоришь, Солтмурад... Это так, командир... Из уст твоих льется правда... Истинны слова твои...

Солтмурад прервал их восхваления:

- Что слова... Мы как могли защищали свое родовое гнездо, своих жен, матерей, отцов и детей. Все эти годы я был вашим командиром, и вы верили мне, как я верил вам. Но теперь я больше не могу вами командовать. - Все ополченцы потрясенно молчали, а Солтмурад продолжал: - Сегодня я исполнил свой последний долг, я вывел вас из окруженного села, где были ваши дома, и больше я ничем не могу вам помочь.

- Но почему, Солтмурад? - спросил его верный телохранитель Хасан. - Почему ты не можешь быть нашим командиром? Разве мы обидели тебя чем-то? Солтмурад тяжело вздохнул:

- Потому что я уже стар, и мне больше пристало молиться Аллаху, чем воевать, потому что моя ненависть истаяла в моем сердце, как снег на горных вершинах. А теперь уходите все!

Солтмурад резко взмахнул рукой и отвернулся, чтобы бойцы не увидели последнюю слезу его ненависти. Отряд сдержанно попрощался с командиром, потом стал подниматься в гору, а скоро совсем растворился в «зеленке». Рядом с ним осталась только женщина с его новорожденным сыном. Он посмотрел на нее и властно приказал:

- Иди в условленное место и жди меня, как договорились. Я скоро приду.

Уверенный, что женщина выполнит все, что он сказал, Солтмурад больше на нее не смотрел. Он стал взбираться наверх, к самому гребню высокой скалы.

Все было точно так же, как и шесть лет назад, когда после обучения снайперскому искусству он вышел на свою первую охоту. Позиция была прекрасной: справа и слева нависали горы, а перед ним в туманной дымке расстилалась плешина высоты, на которой расположились федералы; а еще дальше, только чуть правее и ниже, сквозь утреннюю пелену еле просматривались руины его родного села. И хотя в эту минуту Солтмурада уже почти ничто не роднило с этим пустым, выжженным огнем войны местом, по щеке его скатилась холодная слеза.

Солтмурад смахнул ее ладонью и тяжело вздохнул. Он подтянул за ремень свою старую, верную снайперскую винтовку, щелчком затвора дослал патрон в ствол и приник к окуляру. В сгустившейся в диоптриях дымке мелькали лишь неясные тени, больше похожие на привидения, в которые попасть было невозможно. И он стал ждать, когда рассеется туман. Ему достаточно было выстрелить в воздух, чтобы дать понять оставшимся в селении верным ему людям, что головной отряд уже вне досягаемости федералов. Но в последний момент, когда он прощался со своими боевыми товарищами, он вдруг увидел перед собой лица своей жены, отца, сына и дочерей, последнюю улыбку Айшат,

которой она одарила его перед смертью, и внутри его что-то взорвалось. И вспомнил про единственный патрон, оставшийся в его старой винтовке. Он не хотел использовать его вхолостую.

Солтмурад понимал, что это был последний вздох войны, которая все последние годы жила в нем, и этот вздох должен быть сделан во что бы то ни стало. Он снова прислонился щекой к ласковому ложу винтовки, которая стала для него роднее жены, притинк глазом к окуляру и нашел неясную, но вполне удобную цель, в самый последний момент показавшуюся ему знакомой, и нажал на курок...

16.

- Ну что, капитан, пойдем к своим, - сказал возникший в двери бородачатый охранник. В этой фразе было столько двусмысленности, что Меркулов вздрогнул, куда к своим: к тем, кто уже погиб, к тем, кто ждет его на позициях или к тем, которые пережили свои последние муки в этой камере? Бородач, видимо, не заметил его смятения, он завязал ему глаза, хотя мог бы этого и не делать, потому что Меркулов и так был заплутался в этом подземном лабиринте, по которому его вели. Эта подземная дорога казалась ему сейчас тем запутанным жизненным путем, которым он до сих пор плутал: вроде бы что-то происходило последние двадцать семь лет, но ни ощутить, ни почувствовать, ни увидеть всего прошедшего уже невозможно. Потому что жизнью для человека являются только те мгновения, когда он видит, слышит, обоняет, чувствует и ощущает, когда этот короткий миг разделяют призрачное прошлое и не менее призрачное будущее.

А вот и последние минуты переживаний, которые тоже уже никогда не вернуться, от них остались лишь отдающиеся в ушах скрип несмазанных дверных петель и гулкий топот сапог. Охранник снял с Меркулова повязку, и в глаза ему ударил мерклый, спокойный земной свет. Он легко и глубоко вздохнул и, не оглядываясь, пошел к своим, перепрыгивая через кучи кирпичей, поваленные деревья и обходя воронки. И все-таки человек жизнь осязает намного острее, когда позади большое испытание. Меркулов чувствовал, как глубоко его дыхание, как легки шаги, как невесомо тело, а душа наполнена жадной неистребимой радости и желания жить.

Сейчас Меркулову было хорошо, как никогда. У околицы села он оглянулся и увидел стоящего у кирпичной стены чеченца. Он стоял бесстрастно и неподвижно, как сфинкс, и у Меркулова не было сейчас к нему ни ненависти, ни страха перед ним.

Поднимаясь на гору, Меркулов вдруг всей кожей ощутил холодок, будто кто-то невидимый и всесильный вперил в него свой взгляд. Этот непонятный страх заставил его остановиться и оглядеться. Но вокруг было тихо и спокойно: сквозь утреннюю туманную дымку проглядывались очертания серых гор и пробивающееся сквозь пелену диск солнца, больше похожий на полную луну; чуть в стороне бродила одинокая корова, оставшаяся без хозяина, а за нею дымился БТР, подбитый накануне боевиками.

Вот видны передние траншеи с земляными буграми, выглядывающие из капониров стволы танков, чуть дальше виднеются шлемы палаток, антенная паутина взвода связи, шеренги машин и еле заметный шлейф дыма от походных кухонь. У нагромождения бетонных блоков стоит группа людей. Среди них Меркулов увидел командира разведвзвода, подполковника Гафурова, сапера, с которым они вынимали гранату из солдата, и медсестру Леночку с распущенными белыми волосами. «Ага, - с удовлетворением подумал Меркулов, - и начальство тоже здесь.»

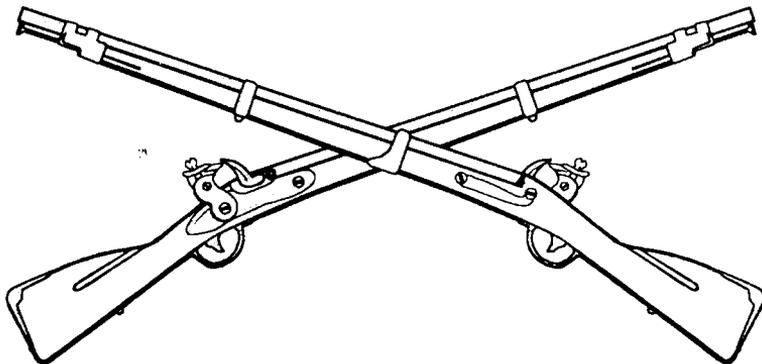
Он различал их улыбки и даже некоторые слова, которые еле доносились до него, как вдруг толчок в левый бок сбил его с шага и уронил на землю. «Что это со мной?» - успел подумать Меркулов и лишь через несколько секунд услышал отторгнутый от гор одинокий выстрел.

17.

Солтмурад все выше и выше взбирался в горы, туда, где нет войны, и где люди не убивают друг друга. Он, как и обещал Айшат, построит там теплую саклю, сложит большой очаг и будет воспитывать своего единственного оставшегося орленка, который потом вырастет в прекрасного и могучего орла и будет верным стражем его маленькой и такой беззащитной родины...

18.

А Меркулов так и не узнал, что это был последний выстрел Солтмурада.

« Дайте сна до утра... »

...
Завьюжили хмурой порошей заботы,
Все чаще за ворот снежок забывая.
Все реже на чьей-то улыбке хорошей
Усталый,холодный зрачок отдыхает.
Казалось недавно,под взглядом упорным,
Неслась ,как на крыльях,земли не касаясь,
Теперь взгляды редки,случайны - и больно,-
Так клапаны: левый и правый, стреляют...
Они, как капканы,хватают и держат
Все строчки судьбы,сортируя,читают.
Счастливые- легки,летят безмятежно.
А горькие- тяжки,они оседают.

И портят чело безобразной морщиной,
То складкой у рта,то мешком под глазами.
Да где-уж тут встретить взгляд нежный мужчины,
Да нечем и встретить - душа умирает...

ГРЕШНАЯ МОЛИТВА

Дайте смертную казнь!
Дайте смертную казнь наркобесам,
Расстрелявшим шприцами в упор полстраны !
Не взирайте печально сквозь веши небесные
На смертельные пляски новейшей чумы
Дайте смертную какзнь!

Дайте смертную казнь!
Им, потомкам зловонных вампиров,
Пьющих кровь из бугристых,растерзанных иглами вен,
Поколений детей самых жалких и, самых любимых,
Обреченных на тяжкий,безжалостный плен.

Дайте смертную казнь!
Дайте ужас конца!
Дайте ужас конца покрывавшим
Наркобесье и, их охранявших ментам!
Стать изгоем везде,- мать-Россию предавшим,
Чтоб ни отдыха им, ни приюта гниющим чреслам.
Дайте ужас конца!

Дайте сна до утра...
Дайте сна до утра матерям,
Что весь вечер всех вас проклинали
И всю ночь, до рассвета, моля о пощаде сынам,
На коленях пред образом Матери Божьей стояли!
Дайте сна матерям!

Всех ушедших Уже,
Всех ушедших Уже пожалейте!
Всем идущим Уже и впервые шагнувшим Туда,
Всем, всем, всем им и любящим их, пожелайте
Избавленья от мук, исцеленья, терпенья, прощенья греха.
Всем идущим Уже...
Дайте Родине свет!
Дайте Родине свет лучезарный,
Пусть рождаются сонмы желанных, здоровых детей.
Дайте женам мужей, не обкуренных, грязных и пьяных,
Настоящих мужчин, на свиной не похожих людей!
Дайте Родине свет!

Землю сотворив, Создатель,
После праведных трудов,
Ноги свесив со полатей,
(По преданью мудрецов),
Отдохнуть решил с устатку...
Но зеваки- тут как тут!
Ерзают пред очей Святца,
Все вопросы задают:
Что да- как? С какой-де стати
(Вот в Раю - уж как в Раю!),
Землю-ж мучают ненастья:
Ветры, зной. Дожди «клюют»...
Мол понятно, деву Еву-
За измену... фиг бы с ней!
Потерпевшего-ж - Адама,
Ну его-то, уж зачем?!
Нервы треплят «папарацци»,
У порога стерегут,
Ни пройтись, ни прогуляться,
Микрофоны - там и тут!
Но Создатель - сам не промах,
(Сколько он имеет лиц!),

Двойника завел в хоромах,
Сам..за удочку, - и-и-и - вниз!
- Взгляд любовный в землю вперил,
- Знатно деял -спору нет!
Океаны, горы, степи,
Облаков игривый бег!
Вот, уж есть где прогуляться,
(Ну, не то, - чтоб сад в Раю...),
Никаких нет «папарацци»,
Здесь же люди не живут!
Только вот - Адам да Ева...
В гости что-ли заглянуть?..
Как Адам-тот, правит девой?
Если что, - то- подмогнуть!
Указать ей бабье место,-
Мол у печки, да рожать...
Видит - чешет косы Ева,
А Адам-то, - Божья Мать!
То - на реку - бросить невод,
То - в дубраву - бить зверье,
Мыть, мести, а деве-Еве
Все не так,- не по ее!
Мол,- дурак и простофиля
(Да и, как бы, - не дурак!),
То - не так он невод кинул,
То - быка забил не так...
Рассердился тут Создатель: -
Все, Адам! Назад, наверх!
Дева мужа - хвать за платье,
Это мой, мол,человек!
А Адам и так не рвется,
Добровольно во плену!
Перед Евой гнется, мнется,
Ну,- ни «тпру» тебе,- ни- «ну!»..
-Ох-, задумался Создатель,
-Кто мужчина? Кто ребро ?!
Сколько сил и время тратил,
Все напрасно. Вот - оно!
Вот - могущество и сила
В женском взгляде и руке!
Много-ль мужа-то «носила»,
И ищи уж - в каблуке...
-Ну, живите , в этом свете:
Еве - в муках все рожать,
А Адам - в любви, как в сетях,

Задыхаться и страдать!
И, с тех пор на землю, к людям,
Наш Создатель - ни ногой!
Наблюдает в небе с грустью,
Шепчет с болью и тоской:
-Вот дела... Ну, что за люди!
Подлость, праздность,- мир греха!
Ведь, хотел я сделать лучше,
Получилась - чепуха!

Сатирический рассказ

ДАМЫ ПОЧТУ ИЗ

«ХЕЛЛОУИНА» ...

И не думал, что в народе быстро прилипают точные и литературно талантливые «имена собственные» к людям,- прорвавшимся к власти. Да, как удачно!

Еду в автобусе. Две, преклонного возраста бабушки, по-виду, бывшие интеллигентки (учителя, врачи, библиотекари...) - говорят-судачат меж собой о делах-бытье, о давно минувшем, о пришедшем...

- А теперь в администрации,- говорит одна,- такая дама восседает, из наших, педагогичек, знаете?

- Которая-то?- вопрошает собеседница.

- Так, Тамара Девяткина!- радуется объемности своей информации первая.

- Тamarочка?- удивленно переспрашивает та, которая, видимо хорошо знает этот объект пересудов.- Так какая же она дама! Ни умом, ни статью не вышла,- одно, право-слово - «Хеллоуин»!

- Кто-кто?- пораженно откидывается на спинку сидения старушка. - Это что за кличка?

- Это, миленькая, не кличка, а сущность!- довольная своей «маленькой отместкой», удовлетворенно кивает головой собеседница. - Вы ж, поди и в институте не английский изучали? А я сорок лет его ребятам преподавала, потому за точность попадания в «цель»,- ручаюсь. А уж, когда речь о Тамаре - вдвойне...

Призадумался я о том разговоре, когда пришлось действительно оценить дела этой энергичной, экстравагантной, инициативной до-огури, женщины - управленца...

Тамара Владимировна Девяткина - в пору своей молодости активная комомолка, организатор всех тогдашних «компобед» городской педагогической молодежи, но - довольно скромный по специальности и талантам - педагог,- вдруг одним махом вознеслась в директора городской гимназии (очень неудачного прототипа главных учебно-воспитательных, элитных заведений до революции). Вошла вместе с «продвинутым» коллективом педагогинь во вновь возведенное здание, оформили его с «претензией», но, под типовую образо-

ванную школку, и - стали формировать новую элитарность!

И почему-то прежде всего сменили программу подготовки школьников - ну, на очень наукообразную! А поскольку, писали труды сии люди от педнауки уж очень редкие, то и цена их «учебников» для родителей гимназистов была особая. А издавались они спецями из Сибирского института развития обучения «Пеленг» в ...городе Томске! А что интересно, что тиражи этих методработок не составляли, судя по выходным данным, положенных по закону лицензирования 1001 экземпляра, - и это то на всю Россию?! Иными словами, - мы закупали книги, выпущенные «в темную», тиражи их не облагались налогом... Мало того, я, как человек давно занимающийся издательской деятельностью, слегка подсчитал себестоимость одного такого «продвинутого учебника», на 2000г. она составила 5 рублей 70 копеек. А вот продавали его димитровградским школьникам по указанию Девяткиной уже по 33 рубля! Любой здравомыслящий экономически человек сразу поймет, что имея даже десяток фирм-посредников, можно «подкрутить» к их цене прямо в гимназии еще рублей пять на одну книжку!

Внешне малоприметный, благородный, «интеллигентный» бизнес... Занимались этим «новообразованием» в Томске, Москве и ...даже в Харькове спецы-новаторы В.Репкин, Е.Восторгова, А.Захарова, В.Давыдов и т.д. Многие из них, заработав на этом бизнесе, давно уже уехали в Израиль.

А вот Тамара Владимировна - осталась. И даже очень приглянулась, как специалист по «продвинутым» делам новому Главе С.Морозову, да так, что ее повысили в должности аж - до первого зам. мэра. Это, конечно, не наше дело, нас больше интересует: за что же милovidная дама, славящаяся своей коммуникабельностью, вдруг получила в интеллигентской среде города, которую она успешно курирует, такую сучью кличку - «Хеллоуин»?

А просто при этой даме, приятной во всех отношениях, сначала в гимназии, «продвинутые» педагоги, а теперь и в других школах города, курируемых все той же Девяткиной, подвергают наших ребятишек католицизированной обработке, поправ все традиции и каноны российские - справляют весело праздник бесовщины и торжества злых духов...

Есть в книге известного советского писателя (живущего ныне в США) Виталия Коротича «Лицо ненависти» главы, посвященные именно этому американскому «празднику». Перед его шабашом, полиция, газеты, радио Америки предупреждают всех жителей о том, чтобы они относились с большей предосторожностью к покупкам и подаяниям. Есть у хеллоуина такая традиция - на самом деле издеваться над живой доверчивой душой! И писатель приводит примеры, когда люди в покупках обнаруживали яд, гвозди в колбасе, запеченных в торт мышей... Факты говорят, что врачи спасали жизни детей, съевших яблоки с заложенными в них бритвенными лезвиями, конфеты с отравленной начинкой. Воистину, - Бесовщина правит бал в дни этого католического (протестантского толка) действия - хеллоуин! «Герои» данного, гимназического, ново-традиционного праздника: мертвецы, лешаки, ведьмаки, уроды, в которых переодеваются глупые еще, но православные ребятишки и, вместе с педагогами, ВЕДАЮЩИМИ И ВНЕДРЯЮЩИМИ ПРОГРАММУ ОБОЛВАНИВАНИЯ наших

детей устраивают ПРОКЛЯТЫЙ ЦЕРКОВЬЮ шабаш. Не отсюда ли и назвали Девяткину, главу этого хеллоуина, ее коллеги по советской школе таким страшным именем? Идентичным с Вальпургиевой ночью Сил зла на Ведыминой горе и олицетворяющим во всех религиях сразу - Адское племя!

Теперь ее «славу» переняла Ирина Вячеславовна Чеканова, педагог новой «формации», достойный продолжатель дела «новообразования».

И «хеллоуин» вошел в новую стадию своей бесовской традиции. Весь шабаш, как и следовало ожидать, перешел на ребяташек начальных классов.

А Тамара, став главой городской соцзащиты, культуры и образования, - однажды в интервью газете «Местное время» сказала «правду-матку» о том, что они творят:

«Мы планируем также открыть в городе СОБСТВЕННУЮ филармонию...- Сегодня нельзя работать по старинке...обязательно пригласим в город специалистов ... из фонда Сороса, которые спонсируют многие инновационные проекты... НАМ ХОЧЕТСЯ, чтобы горожане... активно участвовали в них... Создастся и социальное агенство «Город равных возможностей», по-сути - управляющая компания, в которой будут работать... два человека(!)». А главной задачей, считает Девяткина, - будет перевод димитровградской культуры из разряда сельской (сиречь, - глубинной, многовековой, русской, традиционной и отечественной!) - каковой ОНА ПО СУЩЕСТВУ СЕЙЧАС И ЯВЛЯЕТСЯ, - в ... городскую. Любопытнейший посыл, если не считать, что стараниями этой дамы, теперь всех нас обращают в хеллоуинов!

ИННОВАЦИИ - это: скверные словоблудия из «Сквера актуальной словестности», явно заимствованные на Ведыминой горе. Это - каменный фаллос-призыв к студентикам филиала УлГУ, низвергающий семя спидоносное.

Это - дичайшее, рогносное, хеллоуиностное чудище около общежитий на пр. Димитрова, это - истребление библиотек, клубов, училищ, традиционалистики российской в образовании, воспитании, - бывшей комсомолкой!

Как только ее дочь, распахив локтями работающих во Дворце бракосочетания всех специалистов-конкурентов, сокращенных по приказам подруги «Хеллоуина» - директора этого «прихваченного» места традиционного семейного счастья, стала там «верховодить», у стен Дворца тут же появились «символы нового счастья»: ночные шабаши (читай официальную горгазету «ДП»), мещанские символы похоти - два спаривающихся в экстазе лебедя, не чурающиеся мужеложества...

Пришедшие к власти «соросовцы» хорошо усвоили опыт интернационалистов, предшественников их фондирования. Если в 1920-1922 годах в нашем регионе кумир девяткиных прошлой поры - Ульянов-Ленин искусственно создал голод, чтобы потопить в смертельных корчах опору России-крестьянство, непокоренное ему, собрал всех малолетних детей-сирот в комунны, чтобы вырастить из них будущую, родства не помнящую опору власти коммунистов - «совков» необразованных, то уже не прибегая к помощи польского кровавого террориста Ф.Дзержинского, его выученики: морозовы, девяткины, путины - делают все, чтобы малолетние дети наши стали заложниками новых «продвинутых» схем образования и учебных программ ИХ хеллоуина!

А вот вам и свеженький пример: такая же «хеллоуинстная» дама, новый директор горгимназии Чеканова, следуя курсом своей «патронши», усугубляет программу «новаторства», отстаивает права *своих* в этой камарилье. Сегодня «под-Девятиной» хорошо устроился руководить всем ГОРОДСКИМ образованием некто,- Тихонов,- более известный в Димитровграде, как покровитель маньяков-педофилов, охотников за невинностью местных «Лолит», за что и был смещен со своего поста директора средней школы бывшим мэром-традиционалом В. Паршиным, благо, «отмазался» от явной уголовщины...

Но «хеллоуинистые» корни глубоко залегли в тех, кто «дорог сердцу» нынешних девяткинских последователей! Если в начальном образовании горгимназии детей невинных делают уже на - ИМУЩИХ и - НИЩИХ!

У нас в руках копия письма родителей (более 20 подписей, или - 90 процентов всех учащихся), которое было вручено на чрезвычайном собрании директору Чекалиной в июне с.г. Родители,- и «нищие» и «богатые», в своем - 21-м требовании, на уровне традиционного подсознания, извещают, что - в классе,- где «педагогствует» профессионально-переученная на новый лад страшилок-хеллоуинов Светлана (имя-то какое русско-светлое!) БУТОРИНА, «уровень детей по сравнению с ПЕРВЫМ классом, значительно СНИЗИЛСЯ!» И - это - в 3-«И» классе!

Претензий - масса! Здесь и - некомпетентность учителя, недостаточность владения самим педагогом учебным материалом, третирование детей, вплоть до их истязаний, пропажа наглядных учебных пособий, купленных на деньги РОДИТЕЛЕЙ (о том, как и по каким ценам в горгимназии продают «продвинутые» методики нынешних бизнесменов Израиля, и о чем ОНИ,- мы говорили выше!), осуждение личной жизни родителей учеников, отсутствие у педагогини такта, вымогательство денег и подарков, навешивание кличек своим ученикам унижение их и т.д.

Проступки эти столь серьезны, тем более - подтвержденные неубоявшимися расправы над их чадами, мыслящими ГОСУДАРСТВЕННО родителями, - тянут, как минимум - НА УГОЛОВНОЕ ДЕЛО! Однако, жалея малоумную педагогиню, чей разум подавлен «новациями хеллоуинов», даже понесшие утраты родители, просили директора ГОРГИМНАЗИИ - ТОЛЬКО ЗАМЕНИТЬ В ЭТОМ КЛАССЕ ПЕДАГОГА! О том, что назрел УГОЛОВНЫЙ КОНФЛИКТ в ЕЕ школе, тут же была информирована Т.В. Девяткина, которая в доверительной беседе с автором воскликнула: «Да таких учителей - нужно гнать из школы!»

Но - хеллоуин - религия «посвященных и растлевающих» - сильнее даже разума, бывших идеалов! В школе начались показушные проверки, давление на «нестойких» родителей. Присланные комиссии, заседаая на уроках Буториной, «на камчатке» - листали любезно ЕЮ ЖЕ ПОДКИНУТЫЕ сектантские хеллоуинские проспекты губных помад, кремов, тушей, псевдолекарств,- всего, что так четко и объемно зазомбируют в недорослевские мозги слабых «на головку» педагогов те, кто под именем венгерских евреев- «соросов», скрывают свою дьявольскую личину! И только наступательной и очистительной деятельностью Русской Православной Церкви еще сдерживаются на расстоянии от Всеобъемлющего Духа Господнего!

Потому все эти «хеллоуины» и ликом и духом,- черны, морщинисты, убоги - чтобы противостоять НАМ!

Страшилище в облике нашей ВЛАСТИ - подруга ПОКРОВИТЕЛЕЙ РАСТЛЕНИЯ ДЕТЕЙ - БУТОРИНА, сам ПОКРОВИТЕЛЬ грязного и греховного дела, ТИХОНОВ и его супруга - все они употребленные дьявольским непотребьем, оккупировавшие под эгидой своего кумира и повелителя МОРОЗОВА нечисти. И путь борьбы с ними - один- ИСТРЕБЛЕНИЕ! Так повелевает нам наш ГОСПОДЬ, так трактуют КАНОНЫ ПРАВОСЛАВИЯ. Ибо, без ИСТИННОГО БОГА В ДУШЕ - нет нам ВСЕМ ИСКУПЛЕНИЯ!

Человек удивительной судьбы - наш земляк - Николай Алексеевич ПЛАКСИН! Его в наш город привезли малым ребенком родители, вызванные из Самары на работу в наш НИИ атомных реакторов. В Мелекесе Плаксин закончил среднюю школу, пошел работать в НИИАРовское подразделение РМЗ слесарем экспериментального участка, отсюда был призван в ряды Советской армии. Служил в спецподразделениях ВВС, стал радиотелеграфистом I-го класса. Затем опять работа на РМЗ, параллельно - учеба на механическом факультете в УСХИ. Потом - служба в частях Госпожнадзора, прорабство в ПМК сельского строительства, пуск цеха керамической плитки на кирпичном заводе, реконструкция и компьютеризация нефтебазы, где он был уже главным инженером... И - резкий уход в самостоятельное «плавание», создание фирмы «Бортник», занимавшейся пчеловодством, несколько лет жизни вдали от городской суеты в поселке Курлан. Сегодня Николай Плаксин - ведущий инженер технического надзора на строительстве нефтепроводов известного предприятия - Транснефть...

Но все эти годы была у него одна, но «пламенная» страсть, которой он делился только с самым ему близким человеком - женой Татьяной Ивановной! Плаксин писал добротные, лирические, полные нежности и честности стихи, и посвящал их той, единственной и любимой женщине, с которой сидел еще за одной партой в школе - своей Татьяне, своей Музе!

В творчестве одаренного человека, как в зеркале, отражается и его характер, и его судьба, и его редкое дарование, которым, читая их неподкупные строки, всегда верят люди, ценят читатели. Поэзия Николая Пласкина, словно нефтяной фонтан из недр его щедрой души, вырывается красотой слов, объемом образов, любовью к родной нашей земле мелекесской, к своим землякам, к Женщине и Матери. Дар этот талантливого человека, словно ждал своего звездного часа, чтобы обогатить нас еще одной гранью мелекесской поэзии. И Плаксин - доверил нашему изданию - эксклюзивно познакомить только наших читателей - его земляков со своим, поистине человеколюбивым творчеством, со своей народной поэзией. Читайте!

Из лирического цикла «Шконка»

РОССИИ

Опять крысье тебя грызет,
Куски утаскивая в норы!
Народ - до нищеты дойдет,
А Русь,- доходит до позора!
Но - Крысолов уже в пути:
Свои настраивает сети.
Приманку сможет Русь найти,-

Залезут крысы сами в клетки!
Окалив пасти и визжа,
Почуяв жар костра под задом,
На ту «приманку», аж дрожа,
Все лезут крысы.
Лезут Гады!
Да, по счетам мы спросим с них:
За грязь, куда втоптать хотели,
За ограбление одних
И - сытость крыс,
Чтобы в аду они горели!
Бегите, крысы, с Корабля!-
Оставив все свое злорадство...
Русь - не потонет никогда,
Отыщем ваше мы богатство!

Всех русских храмов купола
Над Русью звоном разгорятся,
Нас, Божьей милостью храня.
И разольется БЛАГОДАТСТВО!

ВАСИЛЬКИ

Ты укрой меня, милая, простынью
Васильковую, голубой.
Может быть я забудусь...
И в ростани -
Овладеет, со сном, мной покой.
И приснятся поля мне ржаные,
Голубые все от васильков,
К нам сошлись небеса, как живые,
В этот синий букетик цветов!

...А, возможно, приснятся продолжи мне,
В смраде «хат» всех российских сизо?
Где властители дум наших, болей
Беспредельный «плетут» свой «узор»...
Сотворить не удастся им «быдло»,
Не размазать всех о «шубу» стен!
Не купить нас и пайкой несытной
И баландой со свиноферм...

Ты укрой меня, милая, простынью
Тех ржаных, васильковых полей.
Посиди в изголовьи просто так,-
Лишь с прекрасной улыбкой твоей...

ЗАСТУПНИЦА!

Божьей Матери эту иконочку,-
На груди понесу я с собой!
Семистрельница, Семизвоночка,

Божья Матерь,- рабы пред тобой!
Со старинной дощечки простенькой
Лик Твой Светлый смотрит на нас.
Каждый - верит!Заступы просит,
Пред Тобой неумело крестясь!
На колени встаю я мысленно,
Поразмыслить о светлом,молясь...
Ты,возможно, перед Всевышним
Там,- замолвишь словечко за нас!
И - придешь на защиту грешникам,
Указуя всем верный путь.
Семистрельницей,в путь завещанной,
В том пути не дай нам свернуть!
Так замолви за нас перед Господом,
Хоть,грешны мы,как все здесь кругом,
Слово Правое и за подданных,
Чтобы мы возвратились в свой Дом!

ТАТЬЯНЕ...

Ясной звездочкой ты мне была и будешь,
Женщина любимая моя!
Знаю - даже непутевым приголубишь,
И прощаешь,истинно любя!
Я срывался в ясный день и в непогоду,
Что-то поискать на стороне...
В жизнь,как в реку,- не войти,не зная брода,
Без тебя-Луча,что светит мне!
С детства,помнишь,- все такой я- непутевый,
И - по-жизни - непоседа я...
Но пока есть ты,- я под защитой крова,
Где - Татьяна - значит и семья!
Любовью,добротой твоей согретый я,
На призыв твой двигаюсь и свет...
Звездочка,путеводная,заветная,-
Все влюблен в тебя я столько лет!

ЛАДУШКА

Подари-ка Ладушка,подари мне счастье,
Подойди и крепко обними!
Не за бусы новые,не за красно-платье,
А за наши лучшие дни...
Обойми руками,ласковое что-то шепни,
Разбуди пожар в моей груди!
В этом мире и на всей земле - мы с тобой одни -
Ладушка,у нас все впереди!
...Сколько лет прошло уже,- а мы с тобою вместе.
Годы счастья - аж не приподнять!
Даже в шалаше нам с тобою не было тесно,
Оттого ты - Ладушка опять!
Я на ласки твои откликаюсь,как верный пес.

С губ твоих напыюсь поцелуем.
А в глазах твоих увижу страсть, а с ней и вопрос,
Ладушкой меня ты волнуешь!
Вот уже - раздета и согрета наша постель.
Как качели- сильные руки!
Наши тени - как картины в музее наших стен,
Шепот Лады - как флейты звуки!
Проживем мы с тобой все, что Богом отмерено,
И любви нашей Крест пронесем.
Как в судьбу свою, моя Лада, в тебя верую,
Потому я тобою Спасен !

ВОСПОМИНАНИЯ

Вот и лето.
Опять в деревню
Отвозил пацана отец...
Дядя Саша встречал степенно:
-Ну, приехали, наконец!
Что за прелесть, эта деревня..
Как из песен взошла она.
В даль шиханов - враг глубенный,
За оврагом течет река.
По утрам убежал на улицу:
С ребятней поиграть в «чижа»,
Разобраться с вихрастым Курицыным,-
Что девчонку обидел, кержак...
Начался сенокос в деревне,
Но паев не хватило всем,-
Потому, с «литовкою» верной
На луга поспешают чуть свет.
Накопился и я - по-силам,
А, как солнышко припекло,
Мы сбежали на речку сннюю,
Чтобы смыть и усталость, и пот.
В вечеру, на телегу, дядя
Уложил тот душистый воз,
Хитрованом на Кольку глядя,
За прогул учиняет допрос...
Застучала телега по кочкам,
Припустился за нею пацан,-
Обгоняя лошадку, чтоб к ночи,
Миновать всем глубокий урман...
Но усталого, малого Кольку,
Дядя вмиг посадил на возок:
-До деревни-то, - вон еще сколько!
Подремай пока сверху, сынок...
Потихоньку плетется лошадка,
Объезжая коварный урман,
Все - в сонливости сладко-сладкой,
А в траве, непросохшей,- дурман!
Покосился вдруг купол звездный,

Опрокинуло все вдруг в овраг!
Воз, телега,- со всхлипом грозным,-
Опрокинули нас во мрак...
Ну, не зря же ходили байки
Про урман тот и про гадюк!
Где не девки, «крутые» парни,-
Обходя его, делали «крюк»!
Надо мною все сыпалась «глыба»,
Сквозь нее все - стыла Луна,
Как лисенок, проворно прыгнув,
Юркнул в дырочку я-сатана!
Хрипло смерть принимала кобыла,
Разлетался с откоса рыдван,-
Чей-то голос ,- ну, как из могилы,
Что-то спрашивал или рыдал...
- Колька, жив-ли? Скорей отзовись-ка!
Это-ж, дядя, с вопросом ко мне!
-Дядя! Жив я, о, Боже, пречистый,
Жив твой Колька!
Я за - грудой камней...

- Да, нехватит тебе и силенок,
Из завала меня приподнять...
Сам вылезай скорей, постреленок,
Дуй в деревню, на помощь позвать...
Поспешай, племяшок, задохнись я!
Ребра все перебил мне костыль...
Вверх рванулся я скоро, не трусая,
Побежал из ребяческих сил!
Кожу резала зло ежевика,
Топь болотная хлюпала зло...
Но от страшного детского крика,
Взбудоражено было село!
Колотил я в соседские окна,
Что-то хрипло кричал про овраг...
Жеребца уже кто-то настегивал,
Пересилив молву ту, и - страх!
Вот - меня - на седло подхватили,-
От испуга - стучало в висках,-
Но, вцепившийся намертво в гриву,
Я - уже перескакивал страх!
Вот - овраг! Мужики - гомонили,
Разбирая в потемках завал.
Дядю - вырвали и - положили
На траву. Чтобы смерти не ждал...
Откачали, не дав задохнуться,
Обмотали всем, кто - что дал...
Он не мог теперь ворохнуться,
Матерился, дышал и стонал...
Приподнялся, меня увидев,
Подозвал, приобнял:

- Жив, племяш!
Уж, прости... не подумал,- так выйдет...
Поцалуй меня, Колька, уваж...
Был тот миг мне всей жизни дороже,
(скуп на ласки русский мужик!),
В эту ночь, дядя стал вдруг моложе,
В эту ночь - где Господь продлил ему жизнь!

...Что за прелесть - эта деревня...
Жаль, что лето подходит к концу!
А на волбных хлебах, подокрепшему,
Вот и в город пора бы, мальцу...

Так назвали на своем первом организационном собрании новую в районе литературную группу студенты из Рысанова. Начинаящие литераторы сгруппировались под руководством очень неравнодушных и больших знатоков литературы - библиотекарей телецентра Г.В.Барышевой и В.И.Трубниковой, которые и стали первыми ценителями произведений своих воспитанников.

В КРУГУ ДРУЗЕЙ

На первом собрании литгруппы присутствовали и гости – члены районного литературного объединения "Большой Черемшан", председатель Димитровградского писательского отделения СП России, редактор литературно-краеведческого журнала "Черемшан", выпускающий редактор районной Роман-газеты "Большой Черемшан", член Союза писателей России В. Гордеев, член ДПО, сатирик В. Зиновьев и поэт Н.Плаксин.

Обобщенный интерес молодых талантливых людей и известных уже литераторов вылился в целый поэтический концерт. По итогам этой встречи в "Большом Черемшане" выйдет подборка стихов рызановских литераторов. Вызвало сожаление, что во встрече не смогли участвовать многие студенты, занимающиеся литературным творчеством, они были в это время заняты на лекциях, а также во всех последующих встречах, которые намече-

но проводить раз в месяц, хотелось бы видеть уже известного в районе литератора из этого села и нашего автора В.Кишенину.

Много добрых слов в напутствие рызановской молодежи сказал Николай Алексеевич Плаксин. А Владимир Зиновьев сделал фото на память.

Уважаемые наши молодые коллеги по литературному цеху, эти встречи по нашим интересам, надеемся, станут регулярными, и вы еще сможете принять в них участие. По всем вопросам и за справками вы теперь можете обращаться к студентке-правоведу из группы 22-"Ю" - Василе Динуловой, которая была выбрана руководителем литгруппы "В кругу друзей".

На снимке: поэт Н.Плаксин, биографы Г.Барышева, В.Трубникова, молодые литераторы - В.Динулова, В.Сытина, В.Губерня, Е.Баландина, С.Гумбатова и А.Васильев

МЕТОДИКА ВЫЯВЛЕНИЯ ГЕОЛАТОГЕННЫХ ЗОН

Практическое пособие для начинающих биолокаторов

Загадки земного излучения

О загадочных явлениях, связанных с земным излучением, мне довелось услышать в конце пятидесятих годов прошлого столетия, когда жил на Урале. Наш район граничил с Пермской областью, откуда и пошла легенда, дожившая до тех лет. А произошло это событие будто бы в начале 20 го столетия.

Как гласит эта легенда, в одном из селений от одной и той же тяжелой болезни умерли сравнительно молодыми несколько поколений мужчин - отец, сын и внук. Каждый из них наследовал отцовское владение, жил в той же избе, что и его предшественник, спал на той же кровати, которая стояла бессменно на одном и том же месте.

Об этой печальной истории будто бы прослышал странствовавший в тех местах некий рудознатец-лозоход. Явившись в село, он обратился к родственникам последнего умершего с просьбой позволить ему обследовать как саму избу, так и то место, на котором спали несчастные. Когда рудознатец поместил свою лозу в одну из точек над кроватью, которой пользовался умерший, то эта лоза начала в его руке самопроизвольно вращаться, чем повергла присутствующих в изумление. Хозяева избы и жители села решили, что на этом месте поселился дьявол.

Пригласили местного священника. Поп окропил избу и саму кровать святой водой, отслужил молебен. Но это не помогло, лоза продолжала такие же манипуляции. В конце концов сельский сход решил: избу сжечь, место как нечистое огородить, а хозяевам всем миром поставить избу в другом месте.

Много позже, ознакомившись с литературой о земном излучении и его вредоносном влиянии на живую природу, в том числе и на человека, я вспомнил об этой легенде и понял, что это был за «дьявол». В основе тех трагедий лежало самое обычное земное явление. Учитывая важность проблемы, по крайней мере на бытовом уровне, о нем необходимо иметь представление каждому из нас, чтобы уметь обследовать свое жилище или рабочее место и избежать тяжелых послед-

ствий от воздействия земного излучения.

Испытал на себе вредное воздействие этого явления и я, автор этих строк. После того, как наша семья переменила место жительства, я вдруг начал по утрам вставать в новой квартире буквально разбитый, с тяжелой головой. Чтобы вернуться в обычную форму, требовалось несколько часов. Потому и - не меньше жителей пермского селая изумился, когда, освоив метод биолокации, вдруг обнаружил, что в самом центре моей подушки, на которой спал, находился фокус земного излучения, именуемый в научных кругах как геопатогенная зона. Её наличие отчетливо показали мои приборы. Это и было причиной моего тяжелого состояния по утрам. Чтобы избавиться от этой неприятности, которая могла кончиться для меня тяжелейшими последствиями, много труда не понадобилось. Так знание предотвратило беду.

Так что же это за явление - земное излучение?

К каким оно ведет последствиям и как от него уберечься?

Земное излучение и геопатогенные зоны - это реальность. С давних пор люди заметили, что в некоторых местах на земле существуют так называемые геопатогенные зоны, т. е. зоны, вредные для здоровья человека, и научились выявлять их с помощью обычного расщепленного прута (лозы). С помощью такого нехитрого приспособления умельцы отыскивали также рудные месторождения, спрятанные в земле клады, находили подземные водные жилы для рытья колодцев. Таких умельцев в народе называли лозоходцами или рудознатцами.

Со временем было замечено, что длительное пребывание в такой зоне (имеются в виду геопатогенные зоны) вызывает у людей тяжелые заболевания - рак, сердечно-сосудистые расстройства, рассеянный склероз, серьезные заболевания внутренних органов, суставов, психические расстройства. Нередко такие заболевания заканчиваются печальным исходом. Подобная участь постигает порой несколько поколений живущих в таких домах людей.

Не зная истинной причины трагедий, люди считали свое жилище обиталищем всякого рода нечисти или построенным на проклятом месте. Они навсегда покидали такие дома, нередко их сжигали. И пока жившие в таких поселениях люди хранили это событие в своей памяти, никто не отважился занимать опустевшую сельтебу.

Со временем люди начали постигать некоторые тайны, связанные с геопатогенными зонами, усовершенствовали методы их выявления и изучения их природы. Однако, цельного представления о них пока не выработано. Нет пока на этот счет и единого мнения ученых.

Одни исследователи видят в их происхождении кристаллическое строение земли, наличие в ней некоего энергосилового каркаса, другие связывают с существованием разломов и трещин в земной коре, наличием земных токов, действием гравитационных, магнитных, электрических и механических сил атмосферного и космического происхождения. Бесспорным фактором образования таких зон признано наличие подземных водных жил. Определенную роль играют и техногенные факторы - линии электропередач, канализационные потоки, водопроводы и другие искусственные сооружения. Однако, выявленная строгая упорядоченность расположения на земной поверхности геопатогенных зон, вынуждает искать другие первопричины, хотя исключать вторичную роль перечисленных выше факторов нельзя.

Геопатогенные зоны и здоровье человека

А теперь перейдем к конкретному рассмотрению структуры геопатогенных зон. На земной поверхности выявлена целая система различных полос, где наблюдается излучение электромагнитных волн различной длины, в основном сантиметрового диапазона.

Основной среди них принято считать глобальную прямоугольную решетчатую сеть, строго ориентированную по странам света. (Рис.1) Она устроена так, что через каждые два с половиной метра от земной поверхности с севера на юг чередуются вертикально вверх, в виде плоскостей, идут полосы шириной (толщиной) от 10 до 20 сантиметров, излучающие электромагнитные колебания. Каждая такая, вторая полоса имеет двойную структуру, а каждая четвертая - еще большую. И так они чередуются, опоясывая землю и уходя в небесную высь.

Полосы, идущие в направлении восток - запад, располагаются одна от другой через каждые два метра. Среди них также имеются полосы с усиленным излучением.

Таким образом, на земной поверхности этими вертикальными плоскостями образована так называемая глобальная решетчатая прямоугольная сеть с ячейками размером 2 x 2,5 метра.

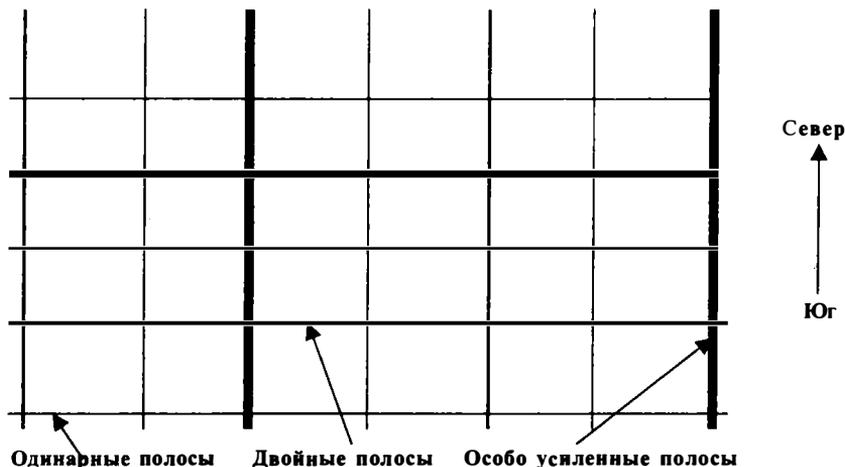

Рис. 1. Глобальная решетчатая прямоугольная сеть .

Кроме названной глобальной решетчатой сети выявлена целая система решеток с диагональным расположением полос по отношению к экватору, т. е. с направлением с С.- З. на Ю. - В. и наоборот, с С. - В. на Ю. - З. Углы наклона полос к экватору в этих сетях и расстояния между полосами не одинаковы. Наибольшего внимания из них заслуживает диагональная сетка с решеткой размером 5 x 6 метров и углом наклона в 50 - 60 градусов, обнаруженная директором баварского медико-биологического института М. Курри и, названная его именем.

Принято считать, что диагональные решетчатые сети и образуемые ими зоны возникают от взаимодействия полос глобальной прямоугольной решетчатой сети с космическими и геофизическими процессами и являются, таким образом, сетями второго порядка. Прямоугольная решетчатая сеть и диагональные сети,

особенно сетка Курри, являющаяся патогенными, т.е. оказывают на человека вредное воздействие. Их вредоносные свойства резко усиливаются в местах их взаимного пересечения, а особенно с подземными водными жилами. Самое же сильное воздействие на людей оказывают зоны, расположенные над тем местом, где перекрещиваются два подземных водных потока, текущих на разных уровнях, с одновременным совпадением в этой точке перекрестия диагональной сетки Курри. Установлено также, что в местах пересечения усиленных, т.е. двойных полос основной решетчатой сети с подземным водным потоком образуются целые пучки точечного излучения, особенно опасные для здоровья человека. Длительное пребывание в местах такого пересечения как правило ведет к раковым заболеваниям. Если спальное место человека расположено в геопатогенной зоне, его владелец чувствует себя в нем неуютно. Характерными симптомами в таком случае являются сонливость или наоборот, явление бессонницы, чувство усталости и разбитости по утрам, нервозность, грумость и другие отрицательные явления. Порой человек чувствует отчужденность к своему ложу, оно отталкивает его...

Особенно чувствительны к таким местам дети. У них под воздействием излучения нередко появляется неизъяснимое чувство страха, неожиданные вскрики во время сна, скрип зубами. Дети бессознательно ередвигаются в своей кровати из облученного места в другое, более безопасное.

Животные тоже реагируют на пребывание в таких зонах. Собаки чувствуют эти места и избегают их. Домашние животные, если их стойла расположены в патогенных зонах, болеют, снижают продуктивность и привесы. Кошки же, напротив, предпочитают находиться в таких местах. Муравьи строят свои кучи, как правило, в таких зонах, предпочитают перекрестия подземных водных жил.

Растительный мир тоже не безразличен к таким зонам, реагируя на них по разному. Яблони, груши, липа, сирень, кактусы, в том числе и как комнатные растения, лучше развиваются вне патогенных зон. А вот такой цветок как герань предпочитает такие места. Слива, вишня, дуб и некоторые другие деревья тоже лучше растут в таких зонах. В деревья, растущие в таких местах, чаще ударяет молния...

Бывая в лесу, многим из нас приходилось встречать деревья с изуродованными стволами, хотя, казалось, к этому не было видимых оснований. Скорее всего, над такими деревьями поработало земное излучение. Глядя на такое дерево, можно представить и себя после длительного пребывания в геопатогенной зоне. Медленно, но неуклонно идет процесс ослабления защитных сил организма и его постепенного разрушения.

Биолокация - основной метод выявления геопатогенных зон

Сущность этого метода состоит в том, что зажатая в руке человека (оператора, биолокатора) рамка соответствующей конструкции, изготовленная из проволоки, или раздвоенная лоза отклоняется или даже вращается при прохождении человека через аномальную зону. Таким же способом отыскиваются подземные воды, спрятанные в земле клады, рудные месторождения и другие интересующие человека объекты.

Со временем на помощь рамке пришел и маятник обыкновенный грузик, подвешенный на нитке. Использование маятника расширило возможности исследований. Так, работая с маятником, помещенным над географической картой, можно выявить рудные залежи, различные подземные сооружения, узнать места повреж-

дений магистральных трубопроводов, место нахождения какого-либо корабля и т. д. И все это не выходя за стены жилья или служебного помещения.

Чтобы убедиться, что это не досужая фантазия, для начала обследуйте методом биолокации собственное жильё квартиры, дом или своё рабочее место. С этой целью начертите на листе бумаги план своего жилища, соблюдая при этом масштаб с обязательным указанием стран света. Когда такой план будет готов, положите его на любой стол в любой из комнат своей квартиры, квартиры соседа, любого дома в своем городе, в другом городе или даже любого государства. Сориентируйте свой план по странам света и с помощью маятника обследуйте его по всей площади, медленно перемещая маятник с зажатой в руке нитью и грузиком, висящим над планом. При этом мысленно или вслух настройте себя на поиск геопатогенных зон в обследуемом помещении. При этом вы обнаружите, что над некоторыми точками вашего плана грузик начнет совершать колебательные или вращательные движения. Пометьте эти точки на своем плане. Когда весь план будет обследован, пройдите так же не спеша, но уже не на чертеже, а по своей квартире с рамкой, а затем с маятником, и вы убедитесь, что в отмеченных на плане точках ваши приборы подадут вам соответствующие сигналы. Эти места и есть геопатогенные точки или зоны в обследуемом помещении.

Работать с картой, планом, схемой можно и в том случае, если исследуемые вами объекты удалены от вас даже на сотни, тысячи километров. Важно только, чтобы вы настроились на поиск интересующих вас моментов, а карта или план были сориентированы по странам света. Метод этот в литературе назван картографическим.

С помощью следующего метода, так называемой информационной биолокации, используя маятник, можно получить ответы на многие интересующие вопросы. В частности, можно выявить наличие в воде или продуктах питания токсических веществ, уровень загрязненности ими воды, совместимость конкретных продуктов питания или с данным конкретным человеком. Обследовав с помощью маятника самого человека, можно выявить у него наличие заболеваний тех или иных органов и, что особенно важно, наличие т. н. инкубационного периода того или иного заболевания. С помощью маятника можно проконтролировать даже ход лечения больного. Круг вопросов, на которые методом биолокации можно получить ответы, практически безграничен. Результат биолокатора получает, наблюдая за движением находящегося в его руке маятника или рамки. Ответы даются только однозначные, в форме «Да» или «Нет» после того как будет задан соответствующий вопрос.

Принято считать, что биолокация как таковая основана на использовании экстрасенсорных способностей человека, т. е. на его способности к сверхчувственному восприятию. Исследователи этого явления считают, что до десяти процентов людей обладают этими способностями в полной мере и в состоянии овладеть методами биолокации в совершенстве. И лишь каждый десятый лишен возможности овладеть этим занятием. Остальные - середнячки - обладают несколько пониженной способностью. Однако, этого вполне достаточно, чтобы самостоятельно обследовать свое жилище и обезопасить себя и свою семью от возможной опасности. При систематических занятиях уровень восприятия значительно повышается.

Биолокация - это не просто рефлекторная, произвольная реакция мышц руки человека на слабый сигнал, поступающий из внешней среды, а затем передаваемый на индикатор. Такое понимание, как утверждают ученые, изучившие эту проблему, является слишком упрощенным. Оно не дает этому явлению правильного объяснения. Американский исследователь Э. Джурка установил, что

во время сеанса биолокации происходит изменение сознания оператора, оно становится похожим на сознание человека при глубокой медитации, схожим с той, в которую погружают себя йоги во время своих сеансов. Поэтому по времени сеансы нужно строго дозировать, проводить их в день не более одного часа. Рамка и маятник - главные помощники биолокатора

Выявление геопатогенных зон и получение ответов на другие интересные вопросы биолокатор (оператор) осуществляет посредством индикаторов (указателей) рамки или маятника.

Рамки имеют очень простую конструкцию, и каждый при желании может изготовить их самостоятельно. Делается рамка из проволоки, желательно калиброванной.

Материалом для рамки может служить сталь, медь, латунь. Диаметр применяемой проволоки рекомендуется в пределах 3 - 5 миллиметров. Размеры и форма рамок бывают самые различные. Наиболее распространенными считаются Г - образные рамки с вертикальной осью вращения и чувствительным плечом, вращающимся в горизонтальной плоскости, и П - образные с горизонтальной осью вращения и двумя чувствительными плечами (Рис. 2 и 3).

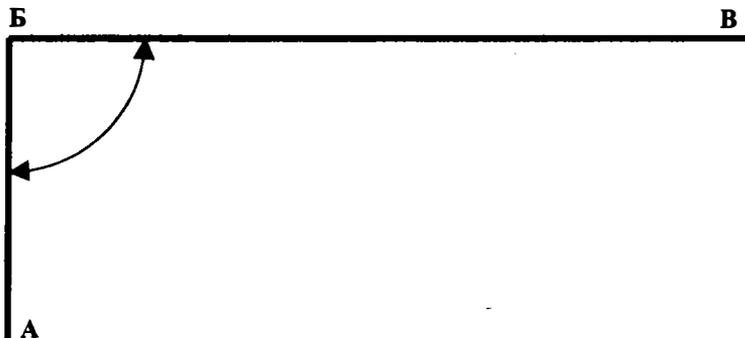

Рис. 2. Г - образная рамка
АВ - рукоятка,
БВ - чувствительное плечо
Угол АБВ - 90 градусов

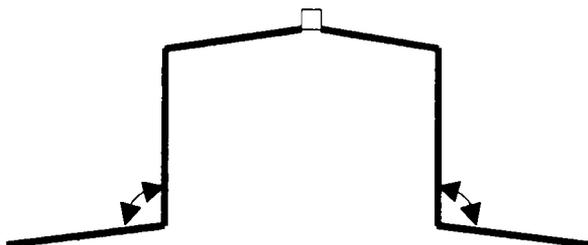

Рис 3. П - образная рамка
АБ и ЕЖ - рукоятки
БВГ и ГДЕ - чувствительные плечи
Г - петля для закрепления резонатора
Углы АБВ и ДЕЖ - по 100 градусов каждый

Длина рукоятки подбирается такой, чтобы она несколько выступала из сжатого кулака оператора. Обычно длина её достаточна в пределах 12 - 15 сантиметров. Размер чувствительного плеча Г - образной рамки принимается в пределах 30 - 50 сантиметров. У П образной рамки оно несколько короче - от 25 до 30 сантиметров. Между плечами П - образной рамки делается из той же проволоки небольшая петля для закрепления резонатора (о нем ниже).Рукоятка по отношению к плечу в Г - образной рамке расположена под углом около 90 градусов, а в П - образной рамке под углом около 100 градусов, что способствует удержанию рамки в горизонтальном положении, которое является исходным при работе с нею.

Маятник представляет собой обыкновенный грузик, подвешенный на нитке. Форма грузика может быть различной - шарообразной, цилиндрической, конической. Но желательно, чтобы его нижняя часть имела заостренное окончание. Это необходимо для более точной фиксации маятника над исследуемым предметом. (Рис. 4).

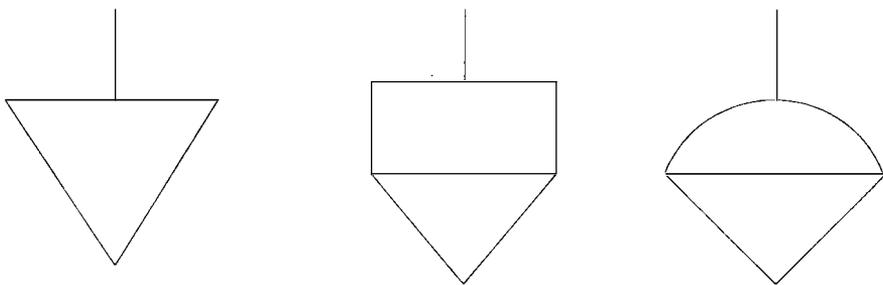

Рис. 4. Разновидности форм маятников

Вес грузика обычно принимается от 20 до 50 граммов. Длина нити в маятнике для работы в полевых условиях берется около 20 - 30 сантиметров. При работе в помещениях её длину рекомендуется увеличивать до 50 сантиметров. Равным образом это относится и к подбору грузика. Для работы в полевых условиях он берется весом 20 - 30 граммов, в помещении - до 50 граммов. Материалом для грузика может служить сталь, медь, латунь, бронза. Можно использовать и другие материалы. Нить крепится к грузику в центре с помощью любого устройства. Изготовить её можно из любого материала. Для лучшего удержания нити пальцами во время работы с маятником на ней завязываются узелки.

Практическая биолокация

Сам практический метод обнаружения геопатогенных зон сводится к тому, что человек (оператор) с П - образной рамкой, удерживаемой двумя руками, или двумя Г - образными рамками в руках передвигается по местности или в помещении и при пересечении аномальных мест рамка (рамки) начинают поворачиваться в сторону потока энергии или вращаться. После прохождения возмущающего объекта рамка (рамки) возвращаются в исходное положение.

Если используется Г - образная рамка, то лучше иметь их две, для обеих рук. Рамки удерживаются в зажатых кулаках за рукоятки, но достаточно свободно, чтобы они имели возможность поворачиваться. Эти же требования относятся и

к П образной рамке. Во время движения рамки выставляются вперед, локти оператора должны быть прижаты к туловищу.

В начале движения с двумя рамками их длинные плечи направляются вперед. При встрече с возмущающим объектом оба длинные плеча начнут поворачиваться навстречу друг другу до полного их перекрещивания. После того, как этот объект будет пройден, длинные концы рамок самостоятельно вернуться в исходное положение. (Рис. 5). Чтобы удостовериться, что рамки поворачиваются под воздействием внешних сил, а не случайно, передние концы длинных плеч наклоните слегка вниз. Тем самым вы опустите их центры тяжести ниже точки опоры, чем будет исключена возможность самопроизвольного отклонения .

При работе с П - образной рамкой оператор удерживает её за обе ручки двумя руками. Исходным считается горизонтальное положение чувствительных плеч. Оператор передвигается так же, как и с Г - образными рамками. При встрече с возмущающим объектом рамка резко поднимается вверх или отклоняется вниз. В отдельных случаях она может совершать полные обороты вокруг своей оси. При работе с рамками или маятником оператор мысленно настраивает себя на поиск патогенных зон или задает вопросы на интересующие его темы.

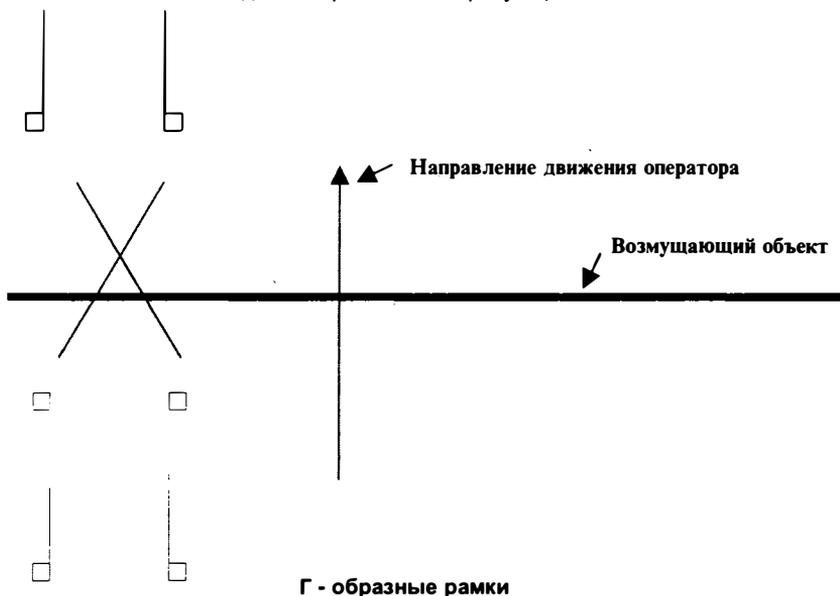

Рис. 5. Реакция рамок

Основная цель настоящего пособия, по крайней мере на первых порах, - научиться с его помощью обследовать свое жилище, особенно спальные места, свое рабочее место, помещение для скота. Начинать нужно с подбора конструкции рамки. Предпочтительнее пользоваться двумя Г - образными рамками. Медленно передвигаясь по помещению, нужно обследовать его описанным выше способом. Точки, в которых рамки будут перекрещиваться, отметить, оставляя на них кусочки бумаги. После окончания обследования желательно перепроверить полученные результаты еще раз. Лучше для этого использовать маятник. Над отмеченными точками, если они определены верно, маятник будет совершать колебательные, а чаще -

вращательные движения. При этом - \$. иметь в виду, что при восходящем потоке энергии, т.е. от земли в космос, маятник будет вращаться по часовой стрелке (если смотреть на него сверху) и наоборот, при нисходящем потоке - против часовой стрелки. О том же, как пользоваться маятником, см. ниже. Удостоверившись, что вами действительно определены патогенные зоны, нанесите их на план данного помещения. Попробуйте с помощью приобретенных уже знаний о прямоугольной и диагональных сетях соединить точки на плане прямыми линиями. Вы получите, таким образом, представление о том, как данное помещение пронизывают решетчатые сети. А теперь посмотрите, где и как расположены ваши спальные места. При всей скудости нашей жилплощади надо попытаться разместить их так, чтобы на спящих не приходилось, по крайней мере, точки пересечения линий, как наиболее опасные для здоровья людей. Было бы лучше, если была бы возможность разместить кровати таким образом, чтобы спящих не пересекали и сами линии прямоугольной или диагональных решетчатых сетей.

В квартирах, особенно городских, к естественным часто добавляются и геопатогенные зоны искусственного (техногенного) происхождения, которые, взаимодействуя с первыми, оказывают на людей не менее вредное воздействие. Поэтому их также необходимо принимать в расчет. Выявляются искусственные зоны аналогичным путем.

Для тех, кто пожелает заниматься биолокацией более основательно, например, изучением местности, необходимо иметь в виду, что чувствительное плечо Г - образной рамки отклоняется всегда в сторону водного потока или потока энергии. Причем, при движении оператора по течению подземного водного потока или энергии плечи рамок отклоняются на меньший угол, чем при встречном потоке.

При поисках подземных водных жил, рудных месторождений, зарытых в земле кладов и т.п. рекомендуется к петле на П-образной рамке привязывать т.н. резонатор в виде смоченного водой маленького кусочка поролона или другого вещества, которое мы намерены отыскать.

Чтобы освоить метод биолокации более основательно, нужна постоянная тренировка в различных условиях.

Работа с маятником не менее интересна и полезна.

Освоив её, можно узнать об очень многом. Но здесь особенно нужна тренировка, ведение записей, усиленная работа памяти, умение сопоставлять, анализировать. Сама же работа с маятником до предела проста. Пальцами руки удерживаете нить на которой подвешен грузик. Этот грузик качается над исследуемым предметом, картой или просто чистым листом бумаги, которые находятся на столе перед оператором. Задавая интересующие вас вопросы, вы получаете искомый ответ. Вопросы можно задавать вслух или про себя, как в положительном, так и в отрицательном ключе. Если вопрос, независимо от того, в каком ключе он задан, соответствует фактическому положению вещей, маятник среагирует на него своим движением - покачиванием или вращением по кругу. Бывает, маятник долго вращается по кругу, меняет направление вращения, совершает разные колебательные движения - пусть вас это не смущает, маятник ищет ответ на поставленный вопрос. Наберитесь терпения, и вы получите ответ.

С помощью маятника кроме получения ответов на интересующие вопросы можно обследовать и самого человека на предмет выявления заболевания того или иного органа. С этой целью оператор с помощью маятника обследует другого человека. Доступные места на своем теле можно обследовать и самому.

Над здоровыми частями тела или внутренними

органами маятник «молчит», о больных же местах тут же даст вам знать. Он

отметит даже те места, на которые вы не жалуетесь, но в прошлом получившие органические повреждения независимо от срока этих повреждений. Такая самодиагностика особенно важна тем из нас, кто избегает врачей и обращается за их помощью слишком поздно. Сигналы маятника в этом случае - предупреждение о необходимости срочной явки к врачу.

При обследовании продуктов питания и лекарств на совместимость их с вашим организмом маятник в случае их допустимости даст знать движениями, над несовместимыми же он «молчит».

Исследователи, занимающиеся вопросами биолокации на профессиональном уровне, предупреждают, что при работе с индикаторами всех видов, а особенно с маятником, возможны неточности в получаемых ответах, особенно в тех, которые касаются того или иного будущего. Объясняются эти неточности различными причинами: перенасыщением информацией окружающего мира, недостаточным опытом биолокатора, а порой и недостаточной его восприимчивостью. Наиболее обоснованный ответ относительно информации, касающейся будущего, на наш взгляд, можно получить в работе Р. Кругликова «Принцип детерминизма и деятельность мозга», в которой он пишет: «следствие никогда не может быть абсолютно тождественным своей причине. Следствие всегда содержит нечто, отсутствующее в причине. Таким путем реализуется участие причинности в развитии, т.е. в возникновении нового». Это же положение подтверждает в своей работе «Самоорганизующиеся системы во вселенной» и академик И.Розгачева. «Дело в том, - пишет она, - что организм человека, как и любая система со сложными внутренними и внешними связями, является неинтегрируемой системой. Такие системы несимметричны относительно прошлого и будущего: как бы точно ни задавалось прошлое, нельзя абсолютно точно предсказать будущее». Из этого следует, что предсказание (в нашем случае предсказание будущего с помощью маятника) носит вероятностный характер. Это всегда надо учитывать в работе, особенно с маятником.

Регулярные занятия биолокацией, анализ своих наблюдений способствуют значительному повышению уровня восприятия и получению информации по самым сложным вопросам.

Способность оператора получать нужную информацию во многом зависит от душевно-духовного уровня его развития, личной чувствительности к совершенно особым колебаниям, освобождения от эгоизма любого происхождения. Во время занятий необходимо полное внутреннее сосредоточение человека над заданным своему инструменту вопросу, глубокое благоговение перед стоящей над нами силой (Богом, космосом - как бы кто её ни назвал). Неуместны никакие волевые усилия. Ваши инструменты - это ваши помощники. Они выступают в желаемой вами роли лишь в том случае, если вы будете пользоваться ими правильно и только с добрыми намерениями.

Исследователями в этой области выработаны важнейшие требования для успешной работы:

- ни при каких обстоятельствах не действовать из эгоистических побуждений;
- не демонстрировать своих способностей перед другими людьми, особенно чтобы блеснуть ими;
- никогда не относитесь к полученным результатам как к бесспорным, в случае сомнений проверяйте их;
- работа с рамками и маятником требует от оператора полной самоотдачи и внутренней собранности. Не работайте при плохом самочувствии или плохом расположении духа;
- не передавайте свои инструменты в чужие руки. Чтобы исключить

всякие недоразумения во взаимоотношениях между оператором и инструментами, особенно маятником, оператору нужно спросить у них какие движения что обозначают, считая их в дальнейшей работе только такими. При работе с рамками такой договоренности не требуется, так как перечень движений там слишком узок и во всех случаях постоянен у каждого оператора. Иное дело с маятником.

Вот как выглядят движения маятника в моей работе с ним:

Задаю вопрос: Какое движение совершает маятник, если на мой вопрос хочет ответить «Да» ?

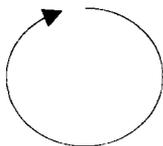
Ответ маятника: Покачивание в стороны.

Вопрос: Если маятник хочет ответить «Нет», какое движение он совершает ?

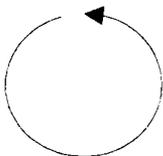
Ответ маятника: Маятник не движется.

Если проверяется наличие геопатогенной зоны и маятник ее определил, то он движется в направлении, показанном на рисунке стрелками:

А) при восходящем потоке энергии -

Б) при нисходящем потоке

При соответствии продукта питания или лекарства с моим организмом:

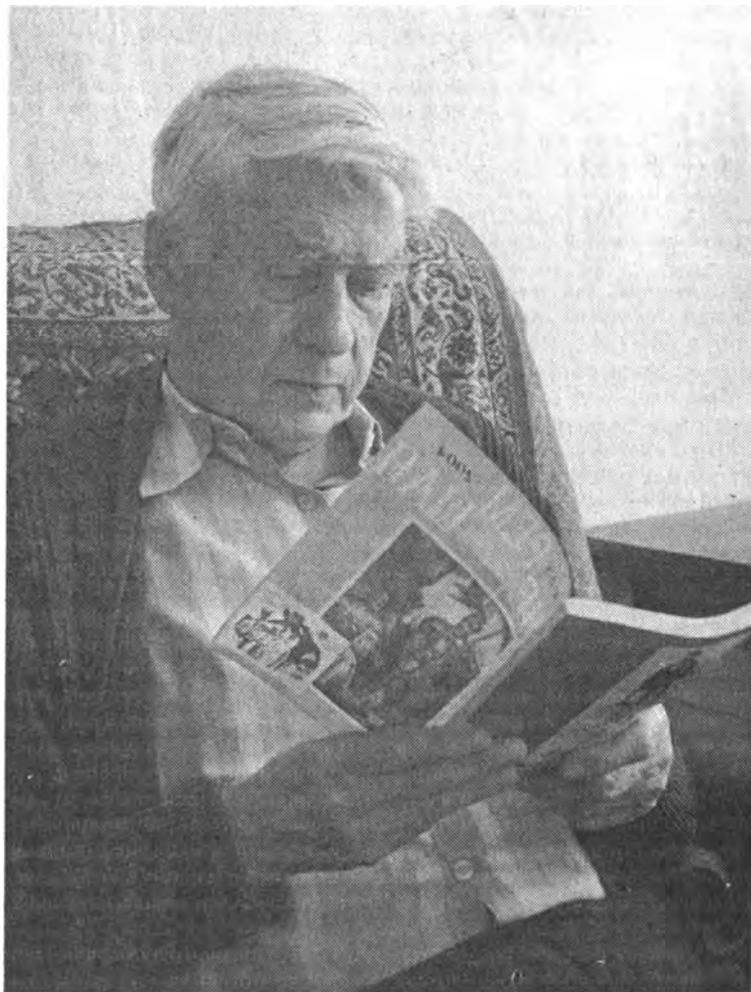

При несоответствии продукта питания или лекарства маятник <молчит> (не движется).

Инструменты, особенно маятник, могут прореагировать с задержкой, поэтому не старайтесь их раскачивать или понуждать совершать движения каким-либо иным способом.

Работайте, особенно на первых порах, в полном уединении. Если будете привлекать к работе помощника, то и он должен сосредоточиться на интересующем вопросе, не предваряя результат заранее. Не пытайтесь обвинить свои инструменты в ошибке. Если она случилась, ищите её в себе. В то же время, старайтесь работать творчески, с выдумкой. Помните, полученные в настоящем пособии знания, - это всего лишь первая ступенька. Если вы заинтересуетесь этим делом всерьез, перед вами откроются удивительные перспективы. Перед вами откроется мир, о котором вы прежде и не мечтали. И это не досужий вымысел, а реальность.

За два десятка лет занятий биолокацией я много получил от неё лично, помогал и людям - друзьям и близким по собственной инициативе, незнакомым - по их просьбе. Что касается меня самого, могу со всей ответственностью сказать, что маятник - это мой консультант и советчик. С маятником я работаю не просто в режиме вопрос - ответ, а веду с ним интересные диалоги по любым вопросам.

Автор этой уникальной по сути своей методике биолокации, Дмитрий Егорович Смольников, сам неординарный человек, биолокаторщик и экстрасенс, - еще и автор удивительной книги рассказов «Колдун», и вот эти обстоятельства, - позволяют нам относиться к его мудрым советам с совершенным доверием...

Мы искренно и от всей души поздравляем нашего друга по литературному цеху, преданного автора «Черемшана» с тем, что в октябре этого года Дмитрий Смольников был принят в ряды членов Союза писателей России! Желаем Вам, Колдун и Кудесник Русского слова, здоровья, долголетия, творческого неувядания, любви близких!

Все - кто уважает Вас и ценит Ваш писательский труд.

В КУЛЬТУРНОЙ СТОЛИЦЕ - ВСЕ ДОЛЖНО БЫТЬ

ПРЕКРАСНО!

А ВОТ УЛЬЯНОВЦЫ -

«ЗА»...

Мэр Димитровграда, сложив свои полномочия, оставив «на хозяйстве пустой звук», - теперь хочет быть еще и губернатором. Свое превосходство над остальными кандидатами он «пропиаривает» фальшивыми успехами и откровенной лажей в окультуренном им Димитровграде. Потому, вмерзшие в эпоху одервенения Романенко ульяновцы, гомонят, чтобы им отдали теперь их выкормыша Морозова. Ставят на него, как на их ипподrome - на племенного жеребца...

Ужасаешься, - до чего же идиотизм русской глухомани и необразованности поразил народ! Ну, - что им - губернатор!

При хорошем, самостоятельном, упорном, образованном и не боявшемся угроз мэре, областной голова - ровно ничего для Ульяновска стоить не будет. Так, как Шаманов сегодня. От того, что Морозову, к примеру, ставшему «старшим» в нашей области, захочется «причесать» ульяновские городские власти и реально подмочь горожанам, - ровно ничего не изменится!

У губернатора - свое «мифическое» хозяйство, у мэра Ульяновска - свое! Но, прощещать никого не станем. Только возрадуемся: хотите Морозова «на царство» - берите скорее, ради Бога! Димитровградцы хотя бы спокойно вздохнут без этого... - моржового!

Все дело в том, что наш димитровградский бывший мэр, все больше напоминает нам известного вруна - барона Мюнхаузена. Вот - он на всю губернию вещает в теле-рекламе, что за время его правления в Димитровграде было обновлено дорожное полотно на 94 МАГИСТРАЛЬНЫХ улицах! Впечатляет? Еще как! Но, мы живем рядышком, - чего бы, хоть одному дотошному симбирянину не проехать по старенькому Мелекессу? Вот тут - как в телерекламе-обманке, почувствуйте разницу своим сидалищем и амортизаторами! Тем более, что ездить вам придется только по МАГИСТРАЛЬНЫМ улицам! Но, подлог то в том, что краеведы, по нашей просьбе, долго считали, - а

А вот - И. Гончаров или... Ленивый Обломов, даже нуждавшийся в деньгах, - такого бы и не вообразили...

сколько же всего в Димитровграде СЕГОДНЯ есть ВСЕХ, а не только магистральных улиц? Результат - более чем...

В городке СЕГОДНЯ (вместе с одним кривым переулком, уже бывшим до Морозова, но обозначенным, как ОТКРЫТИЕ НОВОЙ, ЗА ЧЕТЫРЕ ГОДА ЕГО ПРАВЛЕНИЯ УЛИЦЫ, им. майора Кузнецова)- всего то 123 улицы и переулка насчитывается! Значит ли это, что все они - теперь по воле ... моржового - МАГИСТРАЛЬНЫЕ?

В этом плане «завирульности» нашего ВСЕМИ ЛЮБИМОГО И ЖЕЛАННОГО мало кто переплюнет. О его профвыкрутасах и «доходном месте» писала газета «73-й регион», а мы оттуда перепечатаваем только... Потому - голосуй за Морозова, - не голосуй - все равно получишь... самый устойчивый рейтинг!

«НЕ ПИШИТЕ ПРО МЕНЯ И МОИ ДОСТОЙНЫЕ ДЕЛА ВСЯКУЮ Х-НЮ!»

Приблизительно так высказался бывший мэр в отношении некоторых известных и уважаемых в России писателей, которые своим интеллектом, заслугами, талантами, душой и «мозгой в голове» - а не... давно снискали авторитет и НЕ В ДИМИТРОВГРАДИ-КЕ. Они - пишут правду и только правду о том, как при Морозове в городке было уничтожено свободное и язвительное Слово, как приятные ему шоу-болтуны и прохвосты от настоящего искусства стали процветать. Пишут - не в пику мэру, а наоборот -, чтобы хоть на дюйм образумить это все бесовское уродство. Но, мэр - себе на уме (или - на чьем-то?), он называет нас прилюдно «бумагомараками». Да, мы - мараем бумагу, чтобы хоть нам, Вас образумить, облагородить! А вот Вы - измарали за четыре года сотни судеб, жизней, здоровья, сознания наших земляков. Мы - перегибаем «палку», чтобы защитить и Вас, и нас - писателей, от вонь смердящей, создаваемой и в переносном, и в буквальном смысле, вокруг «Белого Дома» в нашей «столице», язык не поворачивается назвать ее «культурной»...

У писателей и просто литераторов к Вам счет особый! В феврале 2001 года после Вашей иннаугурации, Вы захотели собрать общегородскую конференцию творческой интеллигенции. Первую - в истории Димитровграда. На которой - «яблоку негде было упасть»! Там Вы, триумфально выступая, завоевали Своими обещаниями сердца, - голоса и души многих. Если память у Вас отшибло, то есть в архиве, так и не позволенного Вами открыться Литературного музея Димитровграда, ВИДИОЗАПИСЬ ВАШЕГО ВЫСТУПЛЕНИЯ, где только манны небесной писателям, актерам, художникам, обществоведам не было обещано...

Теперь, когда Вы нас «кинули на хапок» (это - чисто милицейский прием), - мы же, открыто, а не как Вы, «подзаборно» - пишем о том! Хотя, Вами же, для осторожения от этой «любовой» правды в лоб, предприняты многие - репрессивные, незаконные меры к ограничению свободы и прессы в Димитровграде: без аукциона, проданы доли общегородские (а не ВАШИ, личные) в эфирной ТРК «Димитровград», молчит наглухо городское проводное радио, уничтожена Вами независимая ранее газета «Местное время» - «зеленая», был обезъязычен литературно-краеведческий журнал «Черемшан», удушена литгазета «Мелекесская...», уничтожено независимое от ВАС, но - популярное во всех «пограничных с Димитровградом регионах», книжное издательство Посад Мелекес», газета «Молодежь и К», почти отсечены «головы» всем книгам местных авторов... Ну, - не удалось Вам прикрыть «Черемшан», и «Площадь Советов», прибрать «к ноге» - «25-й Канал», - так это - не потери! Они, разоблачающие Вас от того, чего нет на голом, пинающие Вас, чтоб «карась не дремал», - только оказывают Вам услугу, отчищая Ваш имидж от дерьма Ваших же подчиненных!

СТОЛИЦА ПОГРЯЗЛА...

Повязали «адъютанта ВАШЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА», поймав его на взятке В.Поваляев, о котором всегда нелестно писала Ваша «ДП» - наконец-то влип на «мелочи», видимо, собирая «с миру - по нитке в коробку из под ксерокса». Вопрос: для кого были все эти боборы на выборы?

Ведь Вы, Сергей Иванович, очень сейчас нуждаетесь в деньгах, после того, как газеты «Жизнь» и «Народная...» опубликовали имена ВАШИХ ПОДЧИНЕННЫХ ВАМ ПО СЛУЖБЕ «ШЕСТЕРОК», которые, оторвав от кормящей даже груди матери-кормилицы (Баланцевой), от своих «копеек» бюджетного заработка малого и нерегулярного, перечислили ВАМ в ВАШ залог, вместо отказавших ВАМ избирателей в НАШЕЙ области, 1,500 000 рублей, внося за ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО - по 100 000 рублей каждый!

Залог - дело законное. Вы, своей зарплатой, конечно же, если не наберете более 5 процентов голосов избирателей 5 декабря (А вдруг!), возвратите бедному водиле и декретивной маме их «кровные»! А вот как быть с тем, что в эти «щи» морозоватые попали ваши «подпевалы» Девяткина, Шерин... Витийствующий о своем «новом месте в Ульяновске» - Сюсин, Калинина, Сороса, Царева и пр., которые, в случае Вашего «пролета» останутся на своих «бобах»? Что же с ними будет? Ведь даже такой умеренный кандидат на пост нового мэра, как Н.А. Плаксин, - не станет держать в мэрии подобных... А в городке? И - зачем? Чего они смогут сделать доброго? Чем?

ВСЕ ОТДАНО ВАМ...

Культурная столица, оставшись без «монарха», хиреет на глазах. Нет пригляда, - нет отрады...Лес, в районе заповедной парковой зоны в Соцгороде и не только, - валят беспощадно. Валят те, кому Вы, уходя в ваш омут губернаторский, подписали УНИЧТОЖИТЕЛЬНЫЕ для будущих поколений горожан, для всех нынешних детишек - смертный приговор, лишая их кислорода, особой жизнетворной ауры! Ну, как прав все таки «73-й регион», намекая на Ваше ...баронство здесь?

Почему это и такая малопринципная партия, как Ваша «ЕдРо» - вдруг устами своих еще не «скурвившихся» лидеров дает Вам отлуп в поддержке Вас на губернаторство? Все не потому ли?..

Мы, коренные мелекесцы, димитровградцы, - готовы отдать на откуп многое, чтобы только не видеть Вашей рожи в наших пенатах! Поймите же это, наконец! Будьте - хоть шахиншахом, - но не у нас. От Вашего злодейства мы как нибудь теперь уберемся, выстоим, выживем. Н есмотря на то, что Вы за четыре года рапродали почти все, чем владели еще в родном городе налогопательщики... Прощаем! И не требуем Вас за это линчевать, дерьмом мазать и обсыпать цыплячьим пером... Только не надо бы Вам оставлять после себя говенные следы. Типа «ОТМОРОЗКОВ» - от Морозова подарочков. Каковые Вы уже нам рекомендовали: такие все пухлые, сладкие, молочненькие... Они все равно в то же место и время вляпаются!

Не резон бы нищим писателям цапаться со Всемогущими... ВСЕ- да не ВСЕ! Эти политические «кастраты» оказывается, нас боятся! СЛОВО - сильнее их ВОЛИ! Их недоумства.

Однажды мы уличили в литературном ВОРОВСТВЕ чужого интеллекта и произведения одну - ныне «отморозову», первую ПРЕСС-ЛЕДИ - г-жу Ф...

Теперь Генпрокуратура России по мотивированной жалобе кандидата в Главы города Н.А. Плаксина, разбирается с «прихвизатором» не только финансов из госбюджета, но и народного имущества - ВСЕГОРОДСКОЙ ГАЗЕТЫ ее, пока, главного редактора, видимо, круто поделившегося со своими патронами... С кем бы?

Да, и это - отдадим, харкнем в ненасытные пасти! Только - изыдите скорее, отродья ненасытные, бесноватые из нашей родины, нашей ВОТЧИНЫ!

Но - им - «ОТМОРОЗОВЫМ» - все мало! В редакции «Димитровград-панорамы» ее убогонькая литературно управленка, не выдержав интеллектуального соперничества, объяла: всем «своим» работникам указала - НЕ СМЕТЬ ПЕЧАТАТЬСЯ В ЛИТИЗДАНИЯХ, не ЕЮ осрамленных! Вплоть - до вышвыривания из «ЕЕ» газеты! Даже - писателям!

Это что, - цензура Малюты Скуратова? Или - насраение на Законоканон Российский, - как бы выразился Петри? Не зря, вишь, прокуроры треплят рать кайфовую... Идите вы, все, кайфовать не на нашей трассе! Не в Мелекессе! Хватит! Чума на Ваши дома, навсегда!

ДИАЛОГИ С МЕРТВЫМИ ДУШАМИ

Почти гоголевская история происходит в маленьком городке Димитровград. Завершал здесь свой новоявленный Чичиков... Помнится, герой Николая Васильевича скитался по южным губерниям Российской Империи, заводил практические знакомства с разнообразными помещиками там, платил хорошие деньги, выкупая у них крестьянские души и фамилии, давно уже мертвых людишек. Тем самым - Чичиков пытался создать себе реноме состоятельного человека, управляющего успешно своими мифическими именьями, населенными фактически мертвыми душами. Это бы - и способствовало оборотистому аферисту-карьеристу проникнуть в аристократические верха, в элитное общество тех, кто управлял губерниями, страной...

История - столь старая, сколь поучительная. Оказалось, не зря Гоголя называли классиком русской литературы! Гениально воспроизведенные им образы, настолько убедительны, а придуманные истории реальны, что и сегодня в нашем обществе появились продолжатели дела Чичикова, его последователи и почитатели таланта обращаться с мертвецами...

Речь здесь идет о Главе Димитровграда С.И. Морозове. Мелекесская и димитровградская пресса уже писала о неприглядной истории, когда была оскорблена Морозовым семья покойного фронтовика, ветерана ВОВ, кавалера орденов и медалей Николая Аношкина.

Коротко суть дела такова: Н. Аношкин, в годы войны находился в отряде чекистов-диверсантов, действовавших за линией фронта. За свои подвиги наш земляк был награжден совершенно редкими для ульяновцев знаками боевого отличия: орденом Трудового Красного Знамени и медалью «Партизанская Слава II степени». После Победы кадровики НКВД обнаружили, что Аношкин скрыл от них факт раскулачивания его отца, крестьянина из Новомалыклинского района, за что и в комсомол его не приняли... Пришлось боевому диверсанту, на счету которого были сотни операций в тылу врага, тысячи убитых фашистских вояк, десятки пущенных под откос эшелонов врага, - отсидеть свою «десятку» в Архангельских лагерях для «врагов народа»... Но и после этого, когда уже ветеран работал на хлебопекарном производстве в городе, его еще продолжали травить его же родные, в войну, органы, видимо не могли простить себе «прокола» в деле чекиста-диверсанта, орденосоца Аношкина.

Когда, затравленный, с обострившимися рецидивами ранений, больной, но - с очень заслуженной боевой биографией человек, умер, - на его похороны не пришел никто из «морозовского» Совета ветеранов, кличущих себя «боевыми братьями», никто, включая Главу города, тоже в прошлом служившего в этих карательных органах, даже похристиански, не выразил простое соболезнование и слова утешения вдове и детям

героя...

Зато, спустя несколько месяцев, когда еще не поросла травкой могилка Аношкина, ЛИЧНО САМ С. Морозов прислал поздравительную бравурную открытку ветерану на дом, где еще теплились поминальные свечи, с ПОЗДРАВЛЕНИЕМ покойного с его радостным праздником Победы!..

Дело даже не в такте или незетичном поведении Морозова или его «бригады», формирующей ЭТАКИЕ поздравления ДАЖЕ МЕРТВЫМ ДУШАМ. Ну что возьмешь с недоумков-чиновников! Дело в другом: после публичного разоблачения этого вопиющего факта, оскорбившего ИМЕНЕМ Главы города всю семью ветерана и оскорбившего его память, - Морозов даже не удосужился принести свои, в общем-то никому не нужные, извинения...

И здесь уже просматривается ТЕНДЕНЦИЯ в поведении этого Главы города. Следует уяснить, что все его пустомельные речи о «неустанной заботе о жизни каждого горожанина и наших правах» - всего лишь - трюковатый, провокационно-ментовской ход, применяемый, чтобы «расколоть» даже невиновного на допросе. А второе - это уже таков, зафиксированный в словарях русского языка, характер того, кто следует «ЧИЧИКОВЩИНЕ», т.е. аферам, обманам,мошеничеству, в угоду собственным амбициям.

Штука эта - заразная! Потому - дальше - больше «распоясывается» Морозов в своем дьявольском поиске мертвых душ, на останках которых он хочет потешаться. Недавно, в преддверии очень чтимого у нас праздника - Дня пожилого человека, наш Глава Морозов, вновь отличился «чичиковщиной»! Он и его «бригада» вновь решили помпезно поздравить ВСЕХ ветеранов войны и труда в Димитровграде ИНДИВИДУАЛЬНО. И - опять «промахнулись»! Свидетельствует бывшая работница ДААЗа Т.И.-Трембач:

- И плакала, и смеялась; когда получила поздравление от Морозова лично, но - на свою ДЕВИЧЬЮ фамилию Власова, которую сменила сорок лет назад на фамилию мужа, о чем записано в брачном Свидетельстве... Видимо наш мэр решил «подновить» нас, подмолодить, и еще раз осчастливить иными брачными узами. А страшнее всего то, что мне с возмущением рассказывали еще в двух хорошо знакомых семьях, где тоже получили КОЩУНСТВЕННОЕ поздравление от Морозова, за его подписью, пожеланиями счастья и здоровья ТЕМ, КОГО УЖЕ ЛЕТ ДВАДЦАТЬ, как схоронили! Да и «мое» послание пришло по адресу, г дя я уже сорок лет как не живу...

Интересны в этой связи «душевные» морозовские строки: «И по сей день Вы для нас являетесь непререкаемым авторитетом... Ощущая Вашу поддержку... В Ваших добрых и сильных сердцах черпаем понимание и любовь... Пусть осень Вашей жизни будет наполнена мягким светом... Мы будем помогать Вам во всем...» Прекрасные слова! Если бы... не были обращены к тем, у кого на местном кладбище уже вечная зима, вместо мэрской осени. И пожелание Морозова: «Здоровья Вам, благополучия, - долгих лет жизни», - в его послании к покойникам, звучит уже как ИЗДЕВАТЕЛЬСТВО над памятью!

В своем рвении «окучить» как можно больше нужного ему «электората» С. Морозов не останавливается ни перед чем. Амбиции - прежде всего! А то, что ЕГО ГУБЕРНИЯ на которую он замахнулся, - всего-то - КЛАДБИЩЕ, на котором он чувствует свой «электорат», как вампир-некрофил, не имеет никакого значения перед ЕГО ЛИЧНОЙ ЦЕЛЬЮ - управлять НАМИ ЛИ, «опущенными» ЕГО реформами ЖКХ в нищету и могильную беспросветность, - МЕРТВЫМИ ЛИ ДУШАМИ, которым уже хуже не станет от того, кто глумится над их памятью и прахом... Похужеет от чичиковщины только нам

всем - живым ПОКА, над которыми издеваются собиратели голосов ТРУПОВ.

Кроме всего прочего,- заглянул в словарь В. Даля, и-ахнул: «чичига», в малоросской транскрипции - «чичика»- означает ИЗМОРОЗЬ! Ну, как тут не подивиться прозорливости классика! Гоголь словно подглядел у нас то, что - у них было еще только изморозью... А у нас - родной правнук Чичикова - стал уже самым городничим - Морозовым! Вот ведь как помогают мертвые души и пример прадедов в обольванивании дюдей!

СИМ-СИМ, ОТКРОЙ ЛИЧИКО...

Выходящая в Димитровграде оппозиционная к нынешнему градоначальству газета «Площадь Советов», которую патронирует предприниматель В.Н. Куренков, в одном из своих материалов, критикующих работу Главы города С.Морозова, назвала его лишь по начальным буквам ФИО - «СИМ». Чем поставила меня в тупик. С одной стороны - изобретать «велосипед» заново - никому не возбраняется. С другой же - вроде, как и плагиат налицо... Все дело в том, что когда в «Ульяновской правде» 24 января 2003 года, в мой день рождения, вышла большая подборка моих стихов, в городской мэрии был шок среди чиновничества. В этой подборке оказалось ранее не опубликованное стихотворение из большого «туркменского» цикла, посвященное «Симу...»

Сами, привыкшие делать гадости людям из вредности и карьерных соображений, некоторые работники горадминистрации тут же «расшифровали» этот заголовок на свой необразованный лад! Подобострастно преподнесли газету Главе города, и сумели убедить его, что «Симу...»- это значит посвящение Сергею Ивановичу Морозову!?

И, как не убеждала своего шефа наиболее просвещенный из его пресс-службы специалист Ольга Ряскова, что поэт, видимо, писал на библейский сюжет, имея в виду знаменитый конфликт меж сыновьями НОЯ - Хамом и Симом, «назначенный» в СИМЫ мэр этому не поверил...

А речь в стихотворении идет о падишахе государства Дехистан, в IV веке до Рождества Христова располагавшемся в предгорьях Большого Балхана на Атрекской низменности. Путем дворцовых интриг падишах Сим (из рода Аршакидов) был свергнут и убит. Вослед ему неслись справедливые проклятья за его неверную службу народу.»- Суммировав» эти претензии к правителю, я поэтизировал их, поскольку такие народные стенания исторически бессмертны, как и поступки любого властелина, типа нынешнего Туркменбаши.

Но, оказалось, что все гадости и нынешних мэров и губернаторов настолько типичны и безнравственны, что строки обращенные мною к языческому падишаху, поданные нового градоначальника тут же, вместе с рифмованными грехами, занесли в актив С.Морозова...

Специально цитирую еще раз несколько строк из стиха «Симу...», чтобы все, понимающие поэзию, убедились в бесплодности прямого переноса греха на Сергея Ивановича Морозова. Чтобы в газете «Площадь Советов», впредь аккуратнее подбирали аббревиатуры. А то, не дай, Бог, станет наш мэр губернатором в Симбирске, так чиновники легко докажут ему, что это его наследное поместье родовое, - ведь, тоже начинается на «СИМ...»:

*...Прошедших с тобою - сквозь тернии к звездам -
Навзничь!
Укрывавших твою колыбель в черных грозах -
На казни!
Грудью тебя напивавших кормилец -
В бляди!
Не опустившихся до полуниц -
Сзади!
Кто же тебя окружают теперь? - Тихушники,
Мусор?
Долго ж таился в тебе этот Зверь
Юзом...
Руку подать иль отсечь по-плечо
С корнем!
Искусствам в столице твоей - не почет-
Порно!
Веру утративший, в Храм не взойдет
Без Бога!
Только - под холм тебя приведет
Эта дорога...
Тот эмират - от кривды стократ
Вымер.
Памятью черной ты измарал, брат
Свое Имя...*

Вот это и есть поэтическая, фактическая и историческая правда. А выдумщики-чинуши - пусть себе понимают, то, о чем им хотелось бы думать. А Морозов-то и сейчас здесь, вроде как опять не причем остается. Не верьте никому, Сергей Иванович!

**Валерий Гордеев, член Союза писателей России, председатель
Димитровградского писательского отделения СП.**

«СТОЛИЦА» В ФОТОИЛЛЮСТРАЦИЯХ:

*Не правда ли, бешеный страус - чем-то неуловимо на Морозова похож?
Промежностью...*

Плакат - лучший иллюстратор того, чем Морозов нас хочет убить, читайте, - все на «кирпичиках знаний»: секс, пиво, р-ролл, спид, наркота...

Ну вот, - на димитровградскую свободную журналистику и нахлобучили камень от Морозова. Да еще в мешке! Да - под истрепанным плакатом-идиотом...

Чтобы мы и перьями-то больше не трепыхали, что-ли?..

А вот - фотоответ на гнусную ложь в «ДП» - нет, не оберегаем мы реликтовую рощу березовую! А руками или замыслами Морозова - вот - на нижнем снимке - из реликтов, стругаем пни для тех, кто закусывает здесь или - ширяется?

ВОПРОС. КОНЕЧНО. ИНТЕРЕСНЫЙ...

Частный димитровградский телеканал «43-й», день в день уведомил нас, что Глава города Димитровграда С.И. Морозов сложил досрочно свои полномочия, в связи с выдвижением его кандидатуры на выборах на должность Главы администрации Ульяновской области». Через день - официальная городская газета «Димитроград панорама» подкорректировала это сообщение: «С 11 октября глава города С.И. Морозов находится в отпуске»...

Хотя, в таких случаях веры больше все таки - частным СМИ, где всегда знают много больше, - суть от этого не меняется. Глава города Димитровграда, которого мы избирали с надеждой на его расторопность и порядочность, - «вытер ноги о наши чаяния» ради своих непомерных амбиций. Он нас, своих земляков и избирателей, выражаясь на ментовском сленге, - просто кинул... За два месяца до истечения срока его полномочий. Но в политике, в которую играет Морозов, нет места нравственным угрызениям...

Потому, когда 18 октября в городке состоялся юбилейный вечер в честь памяти покровителя Димитровграда, Святого проповедника, архимандрита Мелекесского о. Гавриила, где с пиаровской миссией побывал аж сам представитель президента России в Приволжском федеральном округе С. Кириенко («девичья» фамилия - Израите), почему то никого не удивило, что в зале присутствовало ДВА мэра городка!

Один, С. Морозов, прибыл отпираться под портретом Святого пророка. Другой, оставленный им «на хозяйстве» де-юре, но - де-фактивно - В. Шерин, чтобы угодить своему работодателю...

Святой архимандрит Мелекесский Гавриил в своих проповедях предостерегал нас от отраспей и напастей. Но юбилейные торжества в Его честь не прошли без конфуза их устроителей! Хотя на каждом фонарном столбе от имени горадминистрации были вывешены приглашения ВСЕМ димитровградцам СВОБОДНО посетить сей фарисейский вечер, рядом с ДК «Восходом» было выставлено три милицейских кордона. Нужно сказать, весьма уважительно «ощупывающих» публику. А вот в дверях фойе уже стоял сам «предводитель» городского казачества. Стоял насмерть! И, если у спецкора «Ульяновской правды» и председателя городской писательской организации, одного из немногих и в области членов Союза писателей России В. Гордеева и кандидата на должность нового Главы города Н.А. ПЛАКСИНА, не оказалось приглашений, то их и тормознул на проходе бравый есаул! Неудобные пиарившимся гости, около часа доказывали свое «не верблюжье» происхождение, указывали, что на ПРАВОСЛАВНЫЙ вечер в честь ПРАВОСЛАВНОГО иповедника БЕЗ ПРИГЛАШЕНИЙ прошел, например ректор филиала УлГУ, что в фойе ДК полно шашлычников, лавочников, ростовщиков явно - армянского, мусульманского, иудейского толков, - это не возымело на церберов никакого действия. Караул явно еще не был уставшим! Изгой обращались к работнику обл администрации С. Галанту, зам. главы администрации города Н. Калининой (вроде бы юристу по образованности), зывали к коллегам с телеканала «2Х2 на

Волге», которых как безбилетных, через казачий «кордон» подручку проводили работники пресслужбы мэрии, - но все было тщетно! Сам, исполняющий роль Главы города Шерин, узнавший возопивших к его совести «непускантов», улыбался, и, пятясь задом в двери, как рак, неустанно повторял: «Такого в моем городе быть не может! Я вам не верю!»

И только глава главной - законодательной власти Димитровграда - пред. горсовета Александр Барышев спокойно «въехал» в ситуацию и, «накрутив хвост» юристочке Калининой, помог явно непростым гостям войти в ДК...

А дальше, вобщем-то на профессиональном уровне выполненное концертное действо, было разбавлено совершенно незаконным! На сцене, рядом с полпредом президента, Владыкой Проклом и прямо под портретом о. Гавриила, чью могилу он осквернил перезахоронением и разорением, - появился вдруг в ранге Главы города, сложивший полномочия претендент на губернаторство Морозов...

А после вечера, не Кириенко, не Владыко, не председатель ЗС области, не первый зам. действующего губернатора Шканов, даже не земляк архимандрита и глава Новоульяновска Малиновский, - под объективы телекамер всех областных телестудий предстали... да, опять Морозов, раздававший свои пиаровские интервью направо и налево, что законом ему запрещено, как ОСОБЫЙ ВИД яростной предвыборной агитации.

Так Димитровград, якобы чувствуя одного своего Покровителя Святого о. Гавриила, стараниями администраторов от мэрии, чествовал в проводах на «губернский престол» совсем не святого, другого и по другим делам покровителя иной, подзаконной «паствы» и братства - С. Морозова. Чествовал с помпой, с тайной мыслью - никогда его больше не видеть в Димитровграде и - уж явно не в должности Главы. Пусть теперь «порадуются» такому подарку в областной столице, а с нас хватит...

В.КИРИЕШКИН.

«Площадь Советов» № 43 от 27.10.04 г.

ДИМИТРОЎГРАД - НА КАРТЕ МИРОЎАГО КАЙФА

А ГОРОДОК-ТО "ПОДМАРАФЕТИЛИ"

Не нужно заблуждаться, что наша Ульяновская область стоит «благополучным особняком» в этой смертоносной истории. Уже в конце 80-х годов прошлого столетия в областном УВД был создан новый отдел, призванный бороться с наркозаразой, проникающей в наш регион. Его возглавил С. Морозов.

Сегодня только диву даешься, что этой глобальной в современном мире проблемой так наивно занимались тогда ульяновские менты! Ловили первых проституток в «Венце», отбирали «дурь» у детишек высокопоставленных особ, страшали «карами» людей заслуженных, работников культуры, ученых мужей - да так, что некоторым из них пришлось, как писателю А. Наумову, бежать из области...

Между тем зараза расплзлась по городам и весям региона, и уже к 2000 году областные власти во всеулышание заговорили о программе борьбы с наркоманией, а депутаты Законодательного собрания на реализацию это программы вынуждены были вписывать отдельные строки в и без того скудный бюджет области.

Наиболее подверженным «наркотической эпидемии» и сопутствующему ей росту преступности оказался Димитровград, город специфический - в плане издавна размещившихся здесь исправительных учреждений. В 2002 году на учете в городе состояло уже более 500 наркоманов, а неучтенных, как считают специалисты, обычно больше официальной цифры в три-четыре раза. Согласно тем же официальным сводкам, только подростковая преступность в городе за 2003 год возросла на треть, а каждое четвертое преступление было совершено под воздействием наркотического

опьянения. Подмечена тенденция роста наркоманов, как минимум на 120 человек в год, и самое страшное - за счет школьников! А это значит, что не работают никакие (огромные!) деньги в даже образованном мэрией фонде по борьбе с наркоманией, громко названном «Наркокон».

НАША СПРАВКА

Россия стала главной и доступной базой хранения, перераспределения и доставки наркотиков в Европу. Путь прост - из Афганистана через почти неохраняемую с этого года границу Таджикистана, через Самарскую и Ульяновскую области – в Белоруссию - Польшу-Прибалтику - в Центральную и Северную Европу.

Причем, используют, как “дыры” в границах, так и желудки наркокурьеров, а особый метод - это провоз «груза» в клетках с хищными зверями передвижных зоопарков! Полюбопытствуйте, сколько их на недельку-другую, заглядывают в города нашей области, а главное,- чьи они? И с изумлением узнаете, что почти все, поголовно, они из... Таджикистана... Поистине, эта бывшая советская республика в одночасье стала родиной слонов и леопардов... А если везти наркоту в цистернах газа и бензовозов?..

ПРИЧЕМ ТУТ ДИМИТРОВГРАД?

Специалисты считают, что Димитровград - очень привлекательный на трассе наркотрафика город. От базы наркоотрасли к нему протянуты щупальца от Самары, через Тольятти. Кстати сказать, случайно это или нет, но за последние годы в Димитровградском ГУВД появились новые кадры из республик бывшего СССР: Казахстана, Узбекистана, Таджикистана. Здесь в операх ходил даже личный телохранитель президента Набиева, впоследствии обвиненного оппозицией в наркотрафике...

И вот что любопытно: сразу как-то здорово «подросли» показатели работы по борьбе с наркотиками - сотни мелких притонов и точек незаконной торговли «зельем» были раскрыты и прикрыты. Зато странно возросло число употребляющих наркотики! В первом полугодии только 2001 г. в Ульяновской области за незаконный оборот наркотиков было осуждено 734 человека - в два раза больше, чем за 2000 год. Но - за волокиту в расследовании этих дел, судами вынесено за тот же период - 29 частных определений в адрес органов дознания. 19 из них, падает на долю Димитровградского ГУВД... А руководил им, а потом и мэрией города все тот же С. Морозов.

НАША СПРАВКА

Дороги Поволжья стали непрорываемыми нитями переброски наркотиков от Хороза, Кайракума, Худжента, до Зайсана, Туркестана, Актюбинска Самары, Димитровграда, Набережных Челнов, Тольятти, Тулы, Орши, Гродно, Оломоуца, Гданьска, Белостока, Калининграда, Клайпеды, Лиды, а оттуда-Каунаса, Гента, Лимбурга, Хельсинки, Амьена, Парижа...

Это ли не карта «мирового кайфа»? Это ли не поле для деятельности понимающих в этом людей!

“ТЕМНЫЕ ПЯТНА” НА МИЛИЦЕЙСКИХ МУНДИРАХ

Вообще-то, вся Димитровградская статистика в плане распространения наркотиков и борьбы с этим злом полна тайн и «темных пятен» на красивых милицейских мундирах. Точно можно сказать одно: за последнее время все мелкие приторговцы наркотиками в городе были уничтожены, как по команде: курдские, армянские, чувашские, цыганские группки буквально расстреливались из автоматов. До сих пор неизвестно, за что был убит в гараже под своим домом бывший начальник городской милиции полковник Батанов. А «попавшие под руку» двое димитровградцев, на которых списали это убийство, до сей поры находятся в международном розыске, хотя, по слухам добрототов, не тужат на черноморском побережье...

Затем милиционеры буквально забили несколько человек в камерах, но – самое

интересное – эти люди, официально подозреваемые в сбыте наркоты, якобы, “умерли сами” в закрытых для любого доступа камерах особого изолятора для временно содержащихся под стражей... от передозировки наркотиков, неизвестно кем туда доставленных!

Следом состоялся массовый расстрел из автоматов “крутых” ребят, трое из которых были армянами, один – русский, у престижного кафе “Монарх”. Говорят, что этих ребят выследили на сходняке, при дележе мест реализации наркотиков...

Далее менты забивают при задержании студента Димитровградского индустриального техникума Гагарина. Димитровград посещает “барон цыган Поволжья”, разбираться, почему после учредительного съезда в Самаре – по организации в России “Цыганской автономной республики” в Димитровграде загадочно погибают два делегата этого съезда...

ГОРОДА - ПОБРАТИМЫ?

И вот еще любопытные совпадения, которые наводят на размышления. Димитровградцы не так давно стали побратимами таких городов, как Кайракум – в Таджикистане, Алексин – в Тульской области, Лида – в Белоруссии, Лимбург – в Бельгии... Остались пока “неокученными” Омолуц в Польше, Хельсинки, Клайпеда... Ничего не напоминает?!

Да, да, - ту самую карту мирового кайфа, приведенную выше!

В Димитровграде в последнее время побывали посланцы из Таджикистана: Санган Сафаров - лидер кулябской группировки, Махмедрасул Саломов из Толукана, Абдугафор Худойдов, Гаибназаров и Юсупов, нынешние хакимы регионов - «побратимов»...

И вновь - нераскрытые и «немотивированные» убийства...

В Чечне в командировке нелепо погибает сотрудник ФСБ майор Кузнецов. Следом давший неосторожное интервью местной газете о своей дружбе с майором - лейтенант юстиции, много знавший о «нравах» в ИТК города, начальник пресс-службы ГУВД, талантливый прозаик, член Союза писателей России В. Первушин. Его тело сами димитровградские сыщики, якобы, обнаружили лишь спустя пять месяцев, с известной криминалу приметой - забитой в рот крышкой от бутылки...

В Димитровграде расцвела проституция, сопутствующий наркоделу бизнес. В городских газетах, вопреки законам и нормам морали в открытую публикуются объявления салонов «анжелик капризов» и т.д., где горожанам объявляют о невиданных и легких удовольствиях, которые им с доставкой на дом обеспечат обученные девушки...

Зараза идет рука об руку с другой заразой! Естественно, что это может быть только при условии **ОДНОГО ХОЗЯИНА ВСЕЙ ЭТОЙ ЗАРАЗЫ**. И он уже есть! Кто это? Конкретный человек или группа людей?

Владимир КНУТОВ
Газета «73-й Регион» № 40 от 15 октября 2004 года.

«Кому еще будем молиться?»

Самый
главный
бывший
мент
Замутил эксперимент...
На коне
пушистом,
белом
Рысью в Думу прискакал...
Перебежчиков
“партийных”
В новой секте
приласкал...
Бурчит тоскливо
о копеечных
надбавках,
Молчит
о европейских ценах
на прилавках...

Безликие
“первые”
лица...
Как долго
все это
продлится?
Кому еще
будем
молиться,
Чтоб
лживым
посулам
присниться?

Город слоганов -
На
уровне
бреда...
Нью-богдыханов
пустая
победа!

Первооткрывателям
культуры
Память вечную
мы
вскоре
взгромоздим.
На отходах
из
макулатуры
Памятник
для хлама
сотворим...

Благожелательность
и толерантность -
Провозглашаемая
громко
псевдо-данность...
Но стоит лишь
не вовремя
чихнуть,
Спешат "приспешники",
неосторожному
хребет
свернуть...

Это что
за
камарилья?
Кровососов
эскадрилья?
Это - наша
горе-власть
Тужится
над нами
всласть!

"Кириешки"
да "Кампашки" -
Из компьютера
"букашки"...
Трудно
жить
не по бумажке,
Не хвалить
"суперкакашки»?

В зеркало
 смотреть
 противно?
Все изъяны
 четко
 видно?
Вот ведь,
 до чего
 обидно!
Было бы еще
 хоть
 стыдно...

Свято место
 пусто
 не бывает.
Свора новая
 на пятки
 наступает...
Маскируют
 хищники
 кровавые
 клыки.
А Ум,
 и Честь,
 и Совесть
“Пойдут”
 на шашлыки...

Навороченные
 “тачки”
Возят
 бабушкам
 подачки...
Горько,
 бабушки,
 наплачесь!
Внучками
 за все
 расплатитесь...

Шайки
шустрых,
обнаглевших
перевертышей,
Беспардоннейше
внедряются
во власть...

Жесткие
“наезды”
и
джентльменские
“откаты”,

Щедры
финансируют
“политики” -
на “ять”!!!

Предвкушают
с ликованием
под себя
подмять,

В пятый угол -
ненавистный
Божий свет
загнать!

Возрождение
тирании
Угрожает
всей
России
За фальшивыми
улыбками -
Силуэты
дыбы
с пытками...

В убойной
поэтической
обойме
Скучает
не один
снаряженный
патрон...
Навскидку
выстрел
минимый,

Дает виртуальный –
эффект
конкретный
и реальный.

Ручеек звенит
привольно...
Пахнет травами
с полей...
Облака гуляют
вольно...
И «плевать» им
на
«царей...»

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

В ЧЕМ ПРОВИНИЛСЯ СОВЕТСКИЙ КЛАССИК ПЕРЕД МЕЛЕКЕССОМ?

Речь пойдет об авторе книги «Железный поток», воспевшим жесточайшую бойню, - которую учинили татары, китайцы, евреи, немцы, венгры и другие их соплеменники над Русской армией в 1920 году в Крыму, взяв в боях Ишуньские позиции, утопив по приказу комиссаров ЧК Белы Куна («автора» расстрела всей семьи, включая малолетних детей, Императора Всея Руси - Николая II) и горбатенькой «ведьмы революции» - Землячки - В. Залкинд, - в крови миллионы не согласных с ними людей...

Александр Серафимович Серафимович - подлинная фамилия - Попов (он и выходец из самой священнической семьи) долгое время числился в классиках русской и советской литературы. Его кошмарные литературные изыски, именуемые критиками, - то очерками, то рассказами, то новеллами, то - чуть ли не повестями, - были обязательны к изучению в советских школах и вузах. Именно потому, что они яро пропагандировали классовое насилие одного слоя населения над другим. Он даже был осужден вместе с А. Ульяновым, С. Говорухиным и И. Гордеевым за покушение на убийство царя - Александра III и сослан в Архангельскую губернию. В нынешней России - сидеть бы этому Серафимовичу долго и за - разжигание национальной розни и призыв к насилию над конституционным строем...

Но - все это слова. А факты таковы: В нашем районном центре, одной только ветвью власти - городской - решено (без никакого согласования с населением районного центра), ЕДИНОЛИЧНО - мэром городка, поставить бюст писателя-негодяя на площадке перед Центральной районной библиотекой, видимо, в назидание грядущему поколению...

ДАЕМ СПРАВКУ:

А. С. СЕРАФИМОВИЧ (19.01.1863г. - 19.01.1949г.), - террорист, на старости лет, в 55, вступил в Компартию, 80 лет назад издавший свой «Железный поток», советский, прокоммунистически образованный писатель. Его творчество - это тоже - образец террористической пропаганды, воспевание насилия над несогласными с политикой большевиков.

Он лично был обласкан преступником В. Лениным, направлен им в действующую против законного правительства армию в качестве ведущего корреспондента большевистского главного органа печати - газеты «Правда».

Вот тогда то, в 1918 году, впервые пересекся большевистский комиссар Александр Серафимович с нами, мелекесцами. От этой нелицеприятной истории остался, в невеликом по объему творчестве Серафимовича, очерк(!), связующий, по мнению нынешнего Главы Димитровграда наш район с «великим» литератором...

Для тех, кому уже недоступно по-правилам образования суверенной России, творчество бывшего изувера, цитируют, что он о НАС - мелекесцах - димитровградцах, о дедах наших писал на всю страну!

ОЧЕРК - «В ТЕПЛУШКЕ»:

Суть его проста - «великого писателя», бегущего с дрогнувшего перед армией Колчака фронта, в Бугульме сажают не в комфортабельный люкс-вагон, а в обычную фронтую «теплушку» ко вшивым и грубым солдатам. Серафимович возмущен тем,

что в «теплушку» не погрузили дров для отопления, что среди солдатни есть уже тифозные больные, а главное, что на любом полустанке, железнодорожники требуют литеры на проезд этого, бегущего в тыл эшелона, задерживают его, пропуская «фронтовые», не дают питья, еды, тепла, пути...

Более десяти часов перед Симбирском продержали «теплушку» с великим комиссаром в нашем Мелекессе. А, отправив эшелон с артснарядами(!) далее, под угрозой расстрела, свели его на один путь с драпающим бронепоездом моряка А. Полупанова, чудом избежавших крушения...

Так вот,- человек, который раз в жизни проехал по железной дороге через наш Мелекесс, и -10 часов всего просидевший в вагоне на станции, но в заслугу которому мы сегодня ставим памятник и хотим, чтобы этой лысой и усатой бородавчатой голове поклонялись наши дети, опубликовал в тогдашней центральной российской газете «Правда» на ВСЮ СТРАНУ, такие строки О НАС, МЕЛЕКЕССЦАХ:

«На железной дороге Симбирск-Бугульма было мало вагонов и мало паровозов. И ВСЕ железнодорожники, комеданты со злорадством ссылались на это, как на ПРИЧИНУ медленного движения.

...Необходимо с корнем, БЕСПОЩАДНО вырвать из тела НАРОДНОГО эту железнодорожную гангрену... малейшая халатность должна КАРАТЬСЯ БЕЗ ПОЩАДЫ, ВПЛОТЬ ДО РАССТРЕЛА!»

Итак, ну,- не мы, так наши предки, по мнению драпущего с фронта Центрокомиссара - «гангрена, которую нужно истреблять расстрелами беспощадно» - за это наследие должны сегодня и благодарить СЕРАФИМОВИЧА? Чтить его ПРАХ? Гордится тем, что по его «науьскиванию» не расстреляли нашего деда, отца или нас? Кровожадное чудище вцементировали в нашу родную землю напротив ДААЗа.

Десятки тысяч бывших крестьян, чьи предки дошли от искусственно организованного «серафимовичами» голода, выходя после смены, с родного завода, - кланяйтесь этому идолу, «завербованному» вновь властями города нас унижать!

Специально для крестьян и тех, у кого еще сохранились сельские корни, хотим еще раз процитировать этого монстра, именуемого «морозовцами» писателем: Человек, чей бюст венчает ИХ образованность, в 1921 году в очередной раз, с тайной миссией, посетил Симбирскую губернию. Ему мало было, что его не уничтожили тогда, в 18-м, мелекесские, русские железнодорожники! Он, теперь, прикрывшись уже властным удостоверением «Правды», едет в образованные искусственно правительством Ленина районы, где голодом умерщвляют крестьянство, чтобы подавить его бунт против антинародной, атирусской власти. ИМ было важно: свести в могилы миллионы русских земледельцев, «голодом выжечь поволжскую деревню», а детей крестьянских, пока умственно неполноценных, собрать в детдомах-комуннах, воспитать в преклонении к СВОЕЙ ВЛАСТИ И ИДЕОЛОГИИ!

И здесь опять понадобился ПАЛАЧ РУССКИХ - СЕРАФИМОВИЧ!

Побывав недельку в уже забытом им Симбирске, он вновь разродился очерком, в котором снова вымазал нас дерьмом. В 1921 году, когда от голода, посланного нам в Поволжье, за нашу «Чапанную провинность нашим земляком же» В.Ульяновым, Серафимович приехал поторопить органы ЧК скорее собрать и вывезти из «чумного» района ВСЕХ детей. Чтобы потом их идеологически «осоветить», сделать из них манкуртов, не помнящих родства, ненавидящих своих же родителей за их «крестьянскую несознательность»...

И этот нынешний димитровградско- «любимый БЮСТ» пишет:

Очерк - «ДЕТИ» - 1921 год -

«... а детей были **ВЫНУЖДЕНЫ** отдать в детские дома,- а сами мерли от голода.-
..Детям наказывали молчать, будто, - они не русские, чтобы их подбирали...

...мать их, патлатая, с почерневшим лицом, исхудалыми ногами,.. не спускала
воспаленно-жадных глаз, как исхудалая, облезлая волчица...

Детский дом, куда они рвались, словно находился на казарменном положении да и
этому были бесконечно рады!

Ребятишек надо было не только накормить,- но и **НАЧАТЬ ВОСПИТЫВАТЬ, ПУСТЬ
ОНИ ВЫЙДУТ НЕ ДЕТДОМОВЦАМИ, НЕ ЗВЕРЕНЫШАМИ, А СОВЕТСКИМИ РАБОТ-
НИКАМИ!»**

И это все писал, может быть - о моей или Вашей, Сергей Иванович, бабушке
«волчице»(!) тот, что сегодня стараниями городских властей внедряется в нашу жизнь
тот, чей облезлый облик красуется в центре нашего Мелекесса! Как же нужно
неуважать наших предков, истинную историю, наш город, его традиции, всех нас, что-
бы установить (для нашего устрашения?),этакое пугало нерусской истории и лите-
ратуры на **НАШЕЙ** улице?! Остается вопрос: почему же в Мелекессе не поставить
бюст **НАШЕГО** писателя, родившегося или работавшего здесь? В этом году, например,
исполняется 180 лет со дня рождения и -155 лет со дня памяти писателя и совсем
не кровожадного революционного демократа Николая Васильевича Шелгунова. 105
лет назад родился Артем Веселый, 85 лет тому - он работал в Мелекессе, а 65 лет
исполняется со дня его расстрела в застенках НКВД,которые воспевал Серафимо-
вич...50 лет назад именно в Мелекессе был освобожден невинно осужденный и
ссылнопоселенный у нас, крупный прозаик, ленинградец, основатель литобъедине-
ния «Черемшан» Александр Геврасьевич Лебедеенко. Все они - люди более, чем
достойные и благообразные. А нас заставляют любить другого, советовавшего стре-
лять нас, как собак...

ПАМЯТНЫЙ ВЕЧЕР

2 октября при непосредственном участии Димитровградского писательского отделения Союза писателей России, прошла встреча читателей и литераторов города с творчеством члена Союза писателей России, трагически погибшего на посту, молодого и талантливого прозаика Вячеслава ПЕРВУШИНА. Гдесостоялась презентация его второй книги стихов и прозы «Иль это я - приснился этой жизни...», вышедшей в свет в издательстве Казанского госуниверситета, где, в отличии от нашего города понимают, ценят и свято чтут наследие писателя, выпускника этого престижнейшего в России вуза... Вечер подготовили и проводили: литераторы Л. Степанова, В. Кононов, поэтесса В. Куликова, члены ДПО города, молодые литераторы районного поэтического клуба «Костер», под руководством библиотекаря Мелекесской райбиблиотеки О. Гузаевой (основные ценители и собиратели творчества писателя), при информационном обеспечении газеты «Димитровград панорама» и самодеятельных артистов. Следует подчеркнуть, что устраиваемые самостоятельно встречи с читателями и презентации книг мелекесских авторов, проводятся силами и средствами Клуба молодых литераторов - руководитель - член ДПО, Сергей Слюняев. И все они удаются на славу! В данном вечере звучали стихи, песни, инсценировки по произведениям В. Первушина, воспоминания о нем, восхваление спонсоров книги писателя. В зале, где было много согнанной из соседних школ молодежи, может быть - впервые в жизни, наши «тинейджеры»соприкоснулись с настоящей литературой, замечательным русским словом. Они внимали происходившему, соприкосновению с талантом, - буквально, «разинув рот». Для них, для подавляющего большинства подрастающего в Димитровграде поколения, естественно, не входящего в элитную программу городских властей по воспитанию «особо одаренных детей», это было почти колдовство!

Да и сам мэр городка С.И.Морозов, выступая перед публикой, с подозрительно сентиментально блесевшими глазами, сказал почти правду: « Я - плохо знал и самого Первушина, и его творчество. И лишь после его убийства соприкоснулся плотно с его талантом... Тогда и понял, что среди нас жил настоящий писатель, которым сегодня на всю Россию гордится наш город!»

Лучше не скажешь! Некоторые, занятые на сцене и сидящие в зале писатели с горечью отметили: «Нужно умереть или стать убитым, чтобы о тебе так говорили, оценили твою творчество! Живыми мы пока никому не нужны...»

А мэр тут же не приминул подчеркнуть, «как городская администрация заботится об имеющемся творческом потенциале Димитровграда», чуть прихвастнув, он поделился с «тинейджерами», что всегда «поддерживал писателей, что за время его правления в городе вышло в свет более 10 книг местных авторов, что он обещает наделать еще много хорошего...»

Неловко уличать бывшего законника-сыщика в неправде, но и публикации в журнале «Черемшан», и голая статистика, и исторически зафиксированные факты гласят об ином! За 8 лет до прихода к власти в городе новой администрации, с пометкой:» Издано по решению Главы города В.Паршина», на средства из бюджета и Фонда Главы города было издано, и что важно, - отпечатано в Димитровградской типографии т.е. - налогами возвращено в горбюджет (до 30 процентов от затраченного) - 17 книг местных авторов и 36 номеров литжурнала!

С 2001 года издано 10 книг (четыре в стадии ожидания финансирования), 10 номеров журналов, в том числе и «веселые картинки из жизни Морозова» - журнал-дайджест «Димитровград», но...лишь 4 книги были ПОЛНОСТЬЮ оплачены мэрией с

продвинутым ныне бюджетом! Остальные доплачивались авторами или спонсорами 8 упомянутых мэром изданий, печаталось за пределами города, в мало известных типографиях, а как и с кем делились потом деньги налогоплательщиков, - остались «непрозрачными» махинациями с горбюджетом...

Вещие стихи Славы Первушина, как раз об этих «играх» правящих дяденек во имя собственного величия, прочитанные со сцены и, встреченные бурей аплодисментов, начинающих понимать истину «тинейджеров», конечно же, не были не поняты, ни озоначены устроителями!

И только те, кто может сказать адекватно, кто знал и любил Славу, кто понимает истинную подоплеку его убийства, - поэты В. Манухин, А. Белова, П. Слюняев, Л. Степанова, - неподкупно и горько улыбались спитчам мэра...

Многое и почти невозможное, в том числе и из своих скудных средств, сделали для ПАМЯТИ о писателе его родные: мама - Таисия Константиновна, сестра Елена и зять Дамир. Низкий поклон вам, ХРАНИТЕЛИ любви и понимания большого литературного явления!

В погоне за сенсацией, «Димитровград панорама», спешащая примазаться к славе и талантам Первушина, сработала на «упреждение», опубликовав к этому дню эссе знаменитого советского поэта и большого друга Славы - Олега Николаевича Шестинского, лауреата всех мыслимых и немыслимых премий СССР, России, международных, многих почетных титулов, понимающего суть очередного убийства таланта в Димитровграде, лучше многих. И как всегда это бывает с «шестерящими изданиями», жидко села в лужу... Шестинский не просто пожилой, даже - древний человек. Он, в силу физиологических изменений в его организме, простительно - не помнит ряда ОСНОВОПОЛАГАЮЩИХ моментов и деталей. Но - даже в мало профессиональной «желтенькой» прессе сегодня не позволяют себе не знакомить читателя с автором «забойной», гвоздевой публикации номера, даже если он и на треть менее знаменит, чем Шестинский! И уж никогда не ошибутся, если, представляя СВОЕГО ГЕРОЯ, близостью с которым, вроде бы кичатся перед другими, крупно соврут по собственной бестолковости и бездарности, говоря о том, ГДЕ ИХ ГЕРОЙ (в данном случае - Первушин), БЫЛ ВПЕРВЫЕ И НА ГОСУДАРСТВЕННОМ УРОВНЕ ЗАМЕЧЕН, ОЦЕНЕН И ОТМЕЧЕН! Потому, упомянутая в эссе Сызрань (ах, как хотелось бы «официальной» газете подгадить основному конкуренту Димитровграда в борьбе за титул культурной столицы!), никаким боком к славе и признанию Славы не имеет отношения! Он был открыт, оценен и признан - то совсем в другом месте: на Всероссийском совещании молодых литераторов и принят в Союз писателей России на выездном Секретариате Правления СП России в городе ОТРАДНОМ! Чему, я, как руководитель образованного там поэтического семинара, свидетельствую...

К сему, председатель Димитровградского писательского отделения Ульяновской областной писательской организации Союза писателей России - **В. Гордеев**.

« ЭПОХА МАМАЙ»-ЭТО НОВОЕ НАШЕСТВИЕ?

В научно-культурном центре Димитровграда состоялся творческий вечер-отчет известного в городе культутрегера Л.Мамай. О том взхлеб писали городские газеты, а одна так и исторгла: - «Эпоха Мамай!»...

Но все это - издание ее книги «стихов», выставка картин, театрализованное действо,- возможно, явилось продолжением распутного шоу в рамках «культурной столицы», потому что мало походило на настоящее искусство, и совсем уж было далеко от профессионализма.

Не будем «бросать камни» в Мамай-художника, Мамай - актрису, - это не наша «епархия». А вот о шедшей в свет книге стихов «Осенние этюды», поговорить нужно вслух.

Одно время в Советском Союзе к сочинительству всего и про все кинулось огромное количество людей получивших, пусть и усредненное всеобщее, но образование. Неудовлетворенные своим «серым» делом на основном месте работы, в «литературу» поиспражняться двинулись толпы физиков,военных, многостаночников,агрономов, ткачих, ассенизаторов.Они, помню, буквально осаждали редакции со своими «эпохальными» виршами и требовали разбора их произведений прямо здесь, «не отходя от кассы». И, ежели по доброте душевной, специалисты-литераторы, пытались что-то поправить или объяснить неверность данного,- то на следующий день, вошедший в литературный зуд, вновь, уже правленным, терзал нас...

Это было новое нашествие на Русь хана-Мамай! И потому прозвище всем представителям этого явления было дано простое - «графомания!».

Казалось, с российским сувернитетом и вседозволенностью наконец-то пришло высвобождение специалистов и подлинной литературы от альбомщины, подзаборной хунвейбинщины и графоманщины. Наконец-то, за свои кровные финансовые средства, любой из чувствующих зуд чистописания, может выпускать хоть стотомное свое издевательство над людьми грамотными. И - навывускались до того, что и полуграмотное население и дети их - потеряли не только чувство настоящего слова, но и саму речь родную! Графоманы правили бал... Даже на телевидении дикторы-неучи теперь просвещают тупых, что есть в русской речи обороты, вроде - «молодая девушка» или «молодой парень»... Им, неучам, невдомек, что не может быть в жизни, по определению,- ни старой девушки,ни старого парня!

Уж, таковы нормы русского языка и его логика.

Наконец, перед потоком графоманов выставили жиденькие преграды из законов. Теперь «тухлятина» и нелитературщина все реже привечается в ценящих себя и профессию издательствах...Но- не везде.

Книга Людмилы Мамай - «Осенние этюды» яркий образчик этого. Больно говорить, но необходимо сразу расставить все акценты. Нет здесь ни поэзии, в полном понимании ее, ни литературы, как таковой. Это,скорее размышления малограмотного человека, умеющего слабым словарным запасом подгонять свои мысли и обозначения чувств под некий ритмический лад - речетатив, зачастую несущийся с эстрады, где не нужно быть умником, не нужно уважать своего слушателя забредшего на бредни от времеубивания... Чтобы продемонстрировать полную беспомощность и бесталанность автора, приведу ее рифмоплетство: «вечерам - там, суете - душе, стоят - сад, седина - поря, мудрей - поскорей»... Можно цитировать из каждого ее стихотворения, но - «глухота» автора к слову, мелодике, совпадению, антитезе, ритмике поэтики,- просто поразительна.

Может быть, в книге есть такие поэтические образы или открытия, что они затмили все безобразия «технического» характера? Посмотрим...

Вот - нарцисс. Чего же в этом явлении увидела Мамай нового, до нее не исследованного, невиданного? «Он был влюблен В свое лишь отражение... нашел покой... А , может, просто с грустью вспоминаем...» Или- в размышлениях о своем предназначении в искусстве: «Может, я была Ромашкой... Может, птицей сизокрылой... Мой нектар - палитра, краски... и всегда вперед идти...» Скажите,чего вам этот поэт добавил в предощущения души? Чего вы до него никак не могли «сформулировать» в чувствах? Да, ничего! Тогда, зачем же ломать перья? Зачем мучить своим альбомным сбором «красот» аж 500 вынужденных читателей? Не проще ли и много дешевле, в салонной обстановке своих поклонников и испражняться таким стихом, получая удовлетворение, а не мусорить ВСЮ Российскую литературу, натужничать родной для нас язык, не понимая его сути, его назначения, не слыша смысла русского слова?

Бога ради, простите меня за резкие слова! Однако, профессионализм в литературе ли, эстраде ли, на автомойке ли или у мартена,- это есть предназначение человека ХОРОШО и ЛУЧШЕ других исполняющего СВОЕ дело. Ну, не лезем же мы в «потроха» компьютерные, когда он задымит,а зовем СПЕЦИАЛИСТА, учившегося этому делу!- Так почему же продолжается это нашествие необразованных литературно людей, бесталанных в недры такого тонкого и хрупкого - как лаборатория СЛОВА? Уж, мне, лучше выматериться от души тем, чем богат наш язык, если можешь, но не стихами же калечить неподготовленного читателя к твоей эквилибристики?!

ГЛАГОЛ?

Вышел в свет первый номер молодежной городской газеты «ГЛАГОЛ», учрежденной НП «Клуб молодых литераторов», видимо, без объявления о том, отпочковавшегося от породившего его своим решением Димитровградского писательского отделения Ульяновской областной писательской организации Союза писателей России. Конечно, дорогие наши «малыши», вы можете законно создавать любые СВОИ общественные формирования, можете даже союзы писательские себе, по своим интересам выбирать: русский, общезсенговский, еврейский, независимый ни от кого, самый демократский - «Апрель», моринистский, военно-патриотический, инвалидский, даже - литературный союз для плохо видящих и слабо слышащих людей... Выбор тот широк. Главное, что мы все, писатели и литераторы - рады за вас. Искренне рады, что вы любыми путями (пусть даже подлыми во всечеловеческом понимании этого), смогли САМИ, без нас, ваших наставников, достать деньги на выпуск в городке еще одного ЛИТИЗДАНИЯ. Нет и не может быть меж настоящими литераторами никаких распрей, касающихся нашего «ремесла». Могут быть только временные, тактические расхождения, но ИДУЩИЕ ВО БЛАГО ПИСАТЕЛЯ И ЧИТАТЕЛЯ!

Писательское отделение всегда придерживалось этого принципа. Чем больше и лучше будет в Димитровграде литературы, тем лучше и духовно богаче станет жизнь всех, кто понимает, ценит, любит родное Слово! И вовсе неважно, откуда пришли чистые-ли, «грязные» деньги, ВАЖНО, - что увидел свет твой опус...

Дорогие «малыши»! Флаг вам в руки! Мы только рады, что в этом многовековом «болоте», именуемом сегодня Димитровградом, появились НОВЫЕ И ЛИТЕРАТУРНО,

И ОРГАНИЗАЦИОННО ОДАРЕННЫЕ люди - наши ПОСЛЕДОВАТЕЛИ!

У вас - впереди своя, трудная и опасная жизнь. Свои победы и разочарования. И, простите нас, удостоенных сегодня звания - высшего в России - членов Союза ЕЕ писателей,- что мы вновь «зудим», предостерегая вас,- наших детей, от подлости и лицемерия, от недостойных поступков, и призываем к честности Слова...

И это - не декларация! Выход вашей (и нашей моллигазеты) тут же использовали в своих низменных целях недоросли из горадминистрации, против которых последний год открыто борется наш и ваш журнал «Черемшан». Вы - умники и умнички, таланты наши бесценные, появление которых на литературном небосводе могут оценить только настоящие писатели книг и судеб,многого пока не смыслите. Не видите - подсасывающих вас и из вашего искусства придурков,которые пытаются в силу своей примитивной ментальности, - ехать НА НАШЕЙ ШЕЕ - литературных работяг!

Давайте просто и вместе прокомментируем последовавшее за выходом в свет «Глагола» ОФИЦИАЛЬНОЕ, оттого-преступное во лжи, СООБЩЕНИЕ пресс-службы Администрации города Димитровграда от 20.10.2004 г.:

«Димитровград славен многими именами художников,музыкантов,ПОЭТОВ И ПИСАТЕЛЕЙ» - для этих, «простых», нерусских дам - ПОЭТ - это - НЕ ПИСАТЕЛЬ! А кто же тогда ПРОЗАИК? ДРАМАТУРГ? ПЕРЕВОДЧИК? ПЕСЕННИК? НОВВЕЛИСТ?- ПУБЛИЦИСТ? По «ИХНЕМУ»- конечно, - не писатель!

Далее ОНИ - сообщают нам, безграмотным, что в городке «издавался литературный журнал «Черемшан»... Если ОНИ, вы и мы, читаем ЭТОТ НОМЕР «Черемшана», то почему, простите, «издавался»? Да живы мы, несмотря на все поносные потуги ВАШЕГО мэра-моржового!

Про нас и вас сказанули адмдамы, что «здесь работают БОЛЕЕ 20 членов Союза писателей России»... Вот уж, «пернули» - так - дух пошел! Уточняем: 6 октября 2004 года в Волгограде на выездном заседании Правления Союза писателей России из пяти кандидатов от Димитровграда - в члены СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ БЫЛ ПРИНЯТ всего-то - седьмой из ныне живущих здесь - ПРОЗАИК - ДМИТРИЙ ЕГОРОВИЧ СМОЛЬНИКОВ. С чем мы его сердечно поздравляем!

А ОНИ - ПРИДУРКИ в искусстве, литературе, градоуправлении, в жизни,- все меряют на свой недоношенный аршин: ПЕКУТ ПИСАТЕЛЕЙ (!), как своих прихвостней-недоучек: ансамбли потаскух, музыкантов-лабухов, художников- мазилок, бордели шлюшные! Можно было бы долго «крыть» недоумков, но вы, «малыши»,- видите и чувствуете обостреннее нас всю ложь! Потому лишь, давайте опровергнем еще один адмпостулат, что в городке, только с финансовой помощью мэра издавались книги наших коллег! ВСЕ книги, вышедшие за последние четыре года под УПРАВЛЕНИЕМ МОРОЗОВА,- а мы это фиксировали сами,- были лишь наполовину (в лучшем случае) оплачены из горбюджета! До того,- восемь лет, писатели никогда не искали среди «шашлычников»- спонсоров для издания нужных землякам, удешевленных по смете книг!

Морозовцы, в своем раже «БЛАГОДЕТЕЛЕЙ» приписали нам-писателям участие в издании книги о подвигах наших, погибших в Афганистане и Чечне ребят-воинов. Книга,где кроме фото воина и его коротких биографических данных ничем не выразительная, НЕ МОГЛА БЫТЬ ТРУДОМ ПИСАТЕЛЕЙ! Нам просто не дали сказать об этих ГЕРОЯХ так, и ВСЕ, как мы могли и УМЕЕМ! А деньги, на крови солдат и на памяти их ПОДЕЛИЛИ ТЕ, кто НАС ТЕПЕРЬ ХОЧЕТ ПОДСТАВИТЬ ПОД СВОЕ МЗДОИМСТВО!

Враки пресс-службы Морозова доходят до НЕПРИЛИЧИЯ! ОНИ - сообщают через Интернет, что Глава города,з аботаясь о «настоящей литературе», финансировал книгу члена Союза писателей России А.Беловой! Все «малыши» хорошо знают Александр

ру Георгиевну. Позвоните ей и узнайте, сколько сил, стыда и просто сношенных башмаков ей стоило, чтобы САМОЙ обойти десятки наших спонсоров, наших друзей и умников-фирмачей, чтобы собрать ПОКА ЛИШЬ ТРЕТЬ ФИНАНСОВ НА СВОЮ ВЕЛИКУЮ КНИГУ?! А мэ-р-то,- все обещает... Зато, его прихвостни эти обещания уже воплотили в мифическую книгу.

Так что, «ГЛАГОЛ», - это еще не ваше ПРАВО И ТАЛАНТ, а только предвыборные интриги! Будьте осторожны в выборе ориентиров, пожалуйста!

В.ГОРДЕЕВ, друг.

Дополнительные комментарии переводчика «Слова о полку Игореве», опубликованного в «Черемшане» № 2-3

НОВАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ.

1 Стр. 12 *Нам не лучше ль, други, рассказать
Старыми словами повесть эту...?*

Первые слова "Не лепо ли ны бяшетъ, братие, начати старыми словесы..." некоторые предлагают перевести, как «не следует ли...?», другие как «нелепо» т.е. как «нелзя»!. Я думаю, что если бы в тексте слово «нелепо» звучало вместе, то на древнеславянском языке это бы выглядело так : «Не лепо ли ны, братие, ...» однако в оригинале сказано: «Не лепо ли ны...» Поэтому я перевожу: «Нам не лучше ль, други...» Это единственный вариант.

2 Стр. Обращение «братие», само собой разумеется, что речь идёт не о братьях, поэтому я заменяю его другим обращением «други» - друзья, товарищи.

3 Стр. 15 *Птичий крик и свист зверей будтила... Речь идёт о сусликах, которые свистят. То же самое имеется в «Тихом Доне», описывается степь и свист сусликов.*

4 Стр. 15 *Див взметнулся, вертит головой.*

На вершине древка выше войска...

У Чернова Див-это птица, сидящая на вершине древка княжеского бунчука, наверно, это очень маленькая птица. Я думаю, что Див-это полуживь, полуптица, которая изображена на знамени, знамя развевается по ветру, и Див «вертит головой».

5 Стр. 18 *Нет хоти прекрасней и милей. Хоти - жена. Это половецкое слово встречается в тексте несколько раз.*

6 Стр. 20 *Пламя в своём роге раздавала... Д. С. Лихачев считает, что "мыканье смаги" - это неизвестный нам погребальный обряд. До принятия христианства славяне не хоронили покойников, а сжигали и пепел собирали в урну, как это до сих пор делается в Индии. В поэме же речь идёт о двоеверии. Поэтому я считаю, что под «мыканьем смаги» понимается языческий погребальный обряд, связанный с сожжением покойников. Ну а пламенный рог-это рог, в котором подносили угли для поджигания погребального костра, ведь спичек и зажигалок тогда не было. Окончательный вывод: в те времена покойников хоронили и по христианскому обряду и по языческому /особенно у простых людей/, «смагу мыкая в пламенном роге». Однако, я не исключаю и тот вариант, когда хоронили по христианскому обряду, а говорили по традиции, «смагу мыкая».*

7 Стр. 22 *Ольберы, топчаки, ревуги, шельбиры - я думаю, что это вовсе не перечисление титулов или прозвищ высокопоставленных тюркских лиц. Ковуи*

- это тюрки, которые перешли в подданство Киевской Руси и охраняли южные границы. Тюрки делились на племена, роды, колена, ответвления, семьи, и т.п. В бою они издавали кличи/свой «уран». Например, если на барласа напали враги, то он кричал «барлас, барлас!»/т.е. «я погибаю, барласы, идите на помощь»/ или просто угрожали, / «барлас идёт, бойтесь!». Вот поэтому славяне, которые не понимали чужого языка, говорили, что поганые идут с воем. Поэтому я считаю, что перечисление ольберов, ревууг, топчакоев и т.д. касается ковуев, которые по национальному составу не были однородными.

8 Стр. 22 Ликованье хиновам всем дав... Современное слово гунны имеет прямое отношение к хиновам, ведь самоназвание гуннов-это хунну по имени одного из тюркских племён, входивших в их состав. Поэтому, тут может быть только одно толкование. Тем более, что это слово не имеет никакого отношения ни к китайцам ни к другим неизвестным народам.

9 Стр. 29 Овлур за рекой тихонько свистит... Вряд ли Игорь начинал свой побег со свиста Овлура, но в поэме так и написано, поэтому я перевожу:

Если сокол с криком звонким

Улетел тайком домой ...

10 Стр. 31 Слава всем князьям поныне,

А дружине

АМИНЕ!

В конце поэмы слова дружины и князя повторяются дважды. Один раз они связываются со словами слава и здоровье. Естественно, это касается живых князей и дружины, которые «поборая за христиан на поганые полки». Во втором случае слово дружина связана со словом аминь /конец/. Если мы вспомним, что Автор несколько раз с сожалением и вздохом говорил о погибшей дружине /а что стоит князь без дружины/, то я думаю, что здесь речь идёт о погибшей дружине князя Игоря: князьям - слава, а дружине-конец. Некоторые считают, что в концовке надо заменить союз а на союз и и перевести так: «князьям слава и дружине, аминь». Я думаю, что отождествлять эти два союза нельзя. Я прочитал вновь всю поэму и нигде не нашел чтобы союз а был равноценен союзу и. Поэтому князьям - слава, а дружине-аминь /конец/. Но поскольку «аминь» стоит в конце, то я не исключаю варианта с переводом «аминь» «истинно», «да будет так»-, «конец литературного произведения», не исключаю возможности двойного или даже тройного перевода этого слова, как это было в поэме уже не раз.

11 Стр. 31 Все старинные книги заканчиваются концовкой: треугольник, направленный острым углом книзу, и на самом остром треугольника стоит слово «аминь». Я этот треугольник постарался сохранить:

Слава всем князьям поныне,

А дружине

АМИНЕ!

В Сысеев.

Поправки:

1. Редактор журнала «Черемшан» извещает, что в номере 4 была опубликована подборка стихов Екатерины Сорри, в которой ошибочно были представлены произведения другого автора. Приносим свои извинения Е Соррри и читателям. Редакция журнала «Черемшан» готова в следующих номерах предоставить место «обиженному» нами автору.

2. В номере 4 журнала в подборке стихов Николая Высотина по вине автора было опубликовано стихотворение другого автора. Редакция приносит свои извинения за допущенный брак в работе.

БАРЕНЦЕВ РЕГИОН

Часть первая

ЧЕРЕПАШЬИМИ ТЕМПАМИ.

По мере приближения отпуска радужные летние планы, которые строились всю долгую зиму, рушились, как картонный домик. Мною овладевало уныние при мысли, что отпуск придется провести на грядках. За неделю перед отпуском мы с мужем лениво обходили торговые ряды «ГРУШИ» под заунывные песнопения кришнаитов. Почти одновременно протянули руки к небольшой книжке «ЗАПОЛЯРЬЕ». Видимо в этот миг сама СУДЬБА взяла нас за руки и повела, озаряя сиянием образов, рожденных словами: ТУНДРА, СЕМГА, ЯГЕЛЬ, МОРОШКА, ВЕЧНАЯ МЕРЗЛОТА, ПОЛЯРНЫЙ ДЕНЬ: Заполярье! Все остальные части света для нас перестали существовать. Только бы отпуска хватило! Одна из моих подруг, побывав в Заполярье, сказала: «Знаешь, я теперь уверена, что жизнь прожита не зря - я побывала в тундре!». Пугало нас только одно слово, без которого тундра - не тундра, тайга - не тайга. Это страшное слово - ГНУС. Мы где-то читали, что эти маленькие твари могут запросто загрызть до смерти человека, потерявшегося в тайге, а забираясь в дыхательные пути домашних животных они перекрывают бронхи и бедная скотина умирает от удушья в страшных мучениях. Чтобы этого не случилось с нами, мы запаслись накомарниками, закупили два вида репеллентов, и - в путь. Движок ревел нам ГИМН СВОБОДЫ. Но, «недолго музыка играла». На скорости 70 километров в час, в 6 километрах от гаража мотор «ИЖа» прихватило. Неужели клин? После долгого и нудного остывания мотора, на наше счастье движок завелся, однако когда я уселась за руль и проехала еще километров десять, мотор снова опасно застрекотал. Я едва успела выжать сцепление и тем избежать новой прихватки поршня к цилиндру. Тем не менее, моя судьба была решена - Жора меня уволил. Время от времени и у него случалось нечто подобное, он успевал выжать сцепление и перейти на более низкий скоростной режим. Попутный ветер не способствовал обдуву двигателя - мотор грелся. Требовалось что-то предпринять - ведь этак и за границы Поволжья не выедешь! А как же ЗАПОЛЯРЬЕ?!

После хонингования цилиндра мы уже наездили три! тысячи километров, но видимо поршень попался из неведомого сплава. (Он притерся только на шестой тысяче километров, и позволил нам где-то под Мурманском перейти на скорость 80 км/час.) А пока мы нашли свой (не делайте так никогда!), не особо мудрый, но действенный способ передвижения со скоростью 70 км/час на нашем капризном агрегате: я набрала воды из канавы в пластиковую бутылку с дырками в пробке, и через каждые три километра по спидометру, командовала: «Давай!». Жора на ходу поднимал ножку, как собачка у забора, я повторяла его движение, чтобы не забрызгать водой ботинки, вытягивала руку с бутылкой вперед и вниз и прицельно брызгала на двигатель. Раздавалось злое шипение, мы окутывались облаком испаренной в одно мгновение воды. Так, чего доброго, или цилиндр или картер развалим... Но ехать надо! А солнце жарит, будь оно неладно, и ветер, как назло, - попутный! Так, издеваясь над агрегатом, мы въехали в Чувашию. Чувашия издавна ассоциирова-

лась в моем сознании, как республика хмеля: А отец Жоры, совершая в молодости велопробег «Свердловск-Москва», вспоминал чувашские дороги, как лучшие. Увы, всеобщий развал коснулся не только разрушенных ферм, незасеянных полей, пришедших в упадок деревенок, но и дорог (они обычного российского качества), а также плантаций хмеля (от них остались одни полуразрушенные опоры).

ПО СВЯТЫМ МЕСТАМ

Зато в окрестностях Н.Новгорода есть, чем погордиться русскому человеку, особенно на фоне всеобщего хаоса, охватившего нашу державу. Здесь много богатых поселков и деревенок с украшенными резьбой наличниками. На нижегородских трассах кипит работа: дороги улучшают, фрезеруют неровности, о ямах нет речи! Много участков дорог с улучшенным покрытием.

В Нижнем нас заправили таким бензином, что даже наш неприхотливый конь отказался работать. Пришлось покупать 95-й и разбавлять 50х50. Только тогда исчезли ступи, и скорость с 30-ти возросла до обычных 70-ти км/час.

На закате проходим Заволжскую дамбу (за Н.Новгородом). Ее длина 7 километров. О дамбу остервенело, колотит волна. Дамба поражает своей грандиозностью не меньше, чем гидротехнические сооружения древности - каналы со шпунтом из лиственницы, которые мы пересекали в пути. Построенные в 19 веке, они до наших дней судоходны.

Великий Новгород, Ярославль и Вологду проскочили по объездным трассам, проходящим слева от этих городов. Данилов и Палех, для экономии времени, лучше проезжать без объезда. Другое дело - Иваново. На трассе (ни в направлении Ярославля, ни в направлении Н. Новгорода) мы не заметили указателей, где бы упоминался Город Невест. Наверное, ивановские невесты хотят навеки сохранить свою девственность и, чтобы женихи им не надоедали своими пустыми хлопотами, они не только снимали все указатели на трассе, но и в самом городе девушки все запутали и, проехать город несведущему человеку, очень сложно. Негодницы также нарыли бесчисленное количество ям на проезжей части города, чтобы все мужчины на мото и авто даже и не попышляги заезжать в их «монастырь». Но мы, настырные, все-таки догадались по атласу, что после Алатыря и Сергача в Ротках надо выйти на Н.Новгород, и тут, уж Иваново не минуешь. В Иваново мы спросили у ребят на «пятерке» как проехать город. «Чужим у нас трудно сориентироваться, поезжайте за нами» - сказали парни и через 20 минут мы, от души покрутясь по ивановским улочкам, были на выезде из города. Но ивановские колдуны, в наказание за нашу дерзость, наслали на нас проливной дождь, который начался еще в городе и залил все ивановские ямы, чтобы нам труднее ехалось и вообще неповадно было... Хотим сказать спасибо девушкам за то, что они вовремя поняли, насколько мы с Жорой безопасны для их девичьей святости и не нанесли физического вреда ни нам, ни нашему мотоциклу. Ливень был такой силы, что в десятки метров - не видно ни зги. Ну, хорошо, хоть мотор не греется! Через два часа дождь перешел в противную морось, а утром только усилился. Вороны сидят на придорожных елках, насупившись и нахохлившись, несчастные, как и мы. Весь следующий день - это бесконечный, холодный и мокрый кошмар.

Дорога перед Вологдой, среди роскошных елок, выше всяких похвал. Мир сияет после дождя. Мы тонем в сладковатых волнах аромата цветущей таволги. Ехал бы да ехал! Но в том то и уловка усовершенствованных российских дорог. Строители поднимают трассу над ландшафтом, а все примыкающие лесные дороги оказываются засыпанными, кюветы глубокие - не съедешь. А если по нечаянности съедешь - костей не соберешь. Хорошо катиться по такой современной дороге, красиво кругом,

а съехать в это великолепие для ночевки - невозможно.

В Вологде заехали в Кремль. Только успели запечатлеть себя на фоне древнего Софийского собора, как к нам (а также - всем другим российским авто-мото путешественникам) подошел неприметный человек в штатском и вежливым голосом, не допускающим возражений, попросил отъехать от святого места. Навстречу уже несли кортеж дорогих авто с затемненными стеклами, в сопровождении многочисленных машин ГАИ с мигалками.

При выезде из Вологды надо выбирать направление на Молочное, чтобы попасть в Вытегру.

Если до сих пор не стоило отягощаться проблемой заправки, бензина на трассах - заелейся, то после Вологды и вплоть до Мурманска надо иметь запас бензина в канистре и моторное масло.

За Вологдой расположено озеро Кубенское (ударение на первом слоге). В окрестностях озера родились и провели беспечное детство авиаконструктор Сергей Владимирович Ильющин и талантливый композитор Валерий Гаврилин. Озеро огромно, вдоль него едешь целый час (с нашей черепашной скоростью). Как и везде в Карелии и прилегающих регионах, вода в озере чайного цвета (даже темнее - цвета свежезаваренного чифира) из-за торфа. Издалека озеро кажется розовым, манит к себе прохладной безбрежностью. Но подъехать к озеру, увы, сложно. Берега заболочены (километры грязи и камышей до чистой воды). Подъезда всего два: в начале озера, почти сразу после Вологды (там людно и соответственно замусорено) и в конце озера - возле поселка Пески (есть указатель на трассе). В поселке Пески расположена охотничья база, где весело отдыхают высокопоставленные люди. Для всех остальных имеется небольшой уютный песчаный пляжик. Доехать до пляжика очень просто: в поселке, там, где кончается асфальт, на повороте дороги висит единственный на весь поселок дорожный знак - «кирпич». Не робейте, ежайте смело под него и через пару километров хорошей грунтовки вы на берегу. Возле озера разбросаны якоря, там изредка причаливают рыбацкие шхуны. Есть небольшая рощица ивы и довольно чисто. На берегу стоит старая церковь, а в ней на лето поселилась христианская община: батюшка с матушкой в возрасте 25-30 лет, их дети и паства всех возрастов. Они восстанавливают церковь, и возможно, убирают пляжик - иначе, отчего здесь так чисто. В воскресенье и по христианским праздникам - служба. На колокольню можно забраться только с благословения батюшки - здание ветхое, мало ли что. Если Вы человек верующий, будете приятно удивлены качеством службы. А если атеист, как мы, то все равно - хорошо на кубенском берегу! Озеро шумит, как море. На озере можно купаться, и рыбачить (даже сеть - это не возбраняется, но нужна лодка и лицензия).

Далее по маршруту, до Вытегры, множество действующих монастырей и церквей, как восстановленных, так и построенных вновь, но нигде мы не встретили такой атмосферы дружелюбия и знаков истинной веры, как здесь на берегу кубенского озера в маленькой и самоотверженной христианской общине. Кирилов, Феропонтов, Данилов монастыри, конечно настоящие памятники веры, культуры и величия русского народа. Но, даже если монастырь действующий, он в вечных строительных лесах, кругом высятся груды строительного мусора, мрамора, гранита, везде валяются лестницы, инструмент, носилки и прочее, обо что ноги можно сломать. К туалетам страшно подойти, а уж зайти - вообще подвиг светской и церковной жизни. Это все притом, что интуристов везут и везут, как овец в переполненных автобусах, и деньги с них сердечных берут немалые... В одном из действующих храмов святые реликвии продает разбитной монашек, через слово употребляющий выражение «да простит меня Господь!». Видимо, есть, за что прощать родимого!

Съезды с трассы по святым местам, а также обилие черники в придорожных канавах,

которую мы поехали в несметных количествах, совсем замедлили темп нашего передвижения. Однажды мы поставили антирекорд -200 километров в день.

В КАРЕЛЬСКОЙ ТАЙГЕ

Перед Липиным Бором пошел асфальт обычного российского качества. Зато съезды есть. Лето выдалось дождливое в этих местах, травы вымахали такие, что идущему через поле мужичку они до плеча! А поставленная палатка скрывается в траве полностью.

К сведению: В Пудоже, Медвежьегорске (по-местному в Медвежке), заправки есть, но, то бензовоз еще не подошел, то света нет, то масло для добавки в бензин в четырехлитровой таре. Далее по трассе на Мурманск населенные пункты и заправки тоже находятся в отдалении от дороги (от 3-х до 18-ти км). В деревнях после Вологды купить колбасу и молоко не представляется возможным - только консервы и хлеб, а в редких придорожных кафе (их очень мало) цены европейские, а еда российского качества. Калорийность такова, что через час после сторулевого обеда, кушать уже очень хочется опять.

Выбранный нами маршрут - (через Пудож, справа от Онеги) на 400 километров короче, чем через Петрозаводск. Несмотря на небольшой участок грунтовки и все перечисленные проблемы, связанные с отсутствием бензина, мест для ночевки, астрономическими издержками, мы смогли любоваться красотой карельских пейзажей, нетронутой еще тайгой (дороги новые, вырубить, пока не получилось). Малая загруженность трассы - тоже приятная неожиданность, особенно вспоминая участок Н.Новгород - Иваново, где движение очень интенсивное.

Хотя до Вытегры съезды с трассы очень редки, но зато, если уж найдется преимущество дорожка, то попадаешь в дремучую тайгу. Кайф!! С одной стороны дороги может быть болото, а с другой сосновый лес с черникой и грибы, засохшие на корню. Вдоль дороги оборудованные стоянки (редко) с кострищем и запасом дров. Перед Вытегорой есть участок укатанной грунтовки - километров пять, а как только выезжаешь на асфальт, дорога идет мимо шлюзов. В Вытегре только одна заправка, она расположена на питерской трассе. На заправке мы узнали, что местные чернику пока не собирают (в отличие от нас - южан), она якобы еще зеленая, а морошку, растущую на «дальних болотах», нам все равно не найти. Указателей в городке нет, но направление на Пудож мы спросили у доброжелательных ребят на Иже. Дорога на Пудож пугает маленьким щебенистым участком, но дальше снова начинается асфальт. Новые участки дороги вокруг Онеги конечно превосходны, но и старая (советская) дорога - хороша. Везут и везут по ней запредельно груженные лесовозы лес к финнам, и ничего асфальту не делается: выбоинка, трещинка по местам стыков бетонки, и все. Вскоре проскакиваем поворот на Ольгово (один из подъездов к Онеге) и асфальт кончается. Участок грунта показался нам очень длинным, поскольку дело было вечером, скакать усталым по пескам и щебню - невыносимо. В действительности участок не превышает 30 километров. В Пудоже сразу при въезде в город висит знак заправки. Сворачиваешь налево, под знак и долго едешь, едешь, едешь.: А там нет света. Долго ждешь, ждешь, ждешь:

ГАИ здесь в помине нет, милиции тоже не видно. Как тут люди без них обходятся - мучаются видеть бедные. Вообще, нам дважды пришлось остановиться для проверки документов, и оба раза в Грязевце. Работники - хорошие и люди доброжелательные.

Как во всей России деревеньки Прионежья умирают естественной смертью, но порой встречаются села, которые благоденствуют. Таково Авдеево. Ни домов разрушенных, ни заборов упавших и даже стекла все в наличии. Узнать, чем вызваны такие чудеса у нас не было времени. Дорога огибает Онежское озеро, однако подъехать к

озеру не просто. Несколько раз мы пытались это сделать, но грунтовка обычно переходит в лесовозную дорогу, которая теряется в болоте и остается пешеходная тропа с валунами, которые не объедешь. Короче, подъезды надо знать! Одно из таких мест - Песчаное. После поселка на просвете одной из ближайших примыкающих дорог видно озеро. Крутой спуск, и мы оказались в странном месте. Вода здесь не чайного цвета, а совершенное стекло. Берег каменистый - остаток ледниковой морены с окатанными валунами. Вдали, среди озера, высятся заросший лесом островок. Вдоль озера выстроились в ряд сарайчики - это гаражи для лодок. Они построены из лиственницы и служат людям не один десяток лет. Подходит мужичок, с одной стороны заходит в сарайчик, а с другой уже вырывается на лодке с мотором.

Далее по трассе есть еще одно место для стоянки на Онеге. Не доезжая Повенца, надо повернуть налево и по бетонке, переходящей в грунтовку, ехать вдоль шлюза. Дорога кончается у мола. По будням это безлюдное место. Красивый вид на Онегу, песок, ледниковые камни...

Медвежьегорск (Медвежка) - небольшой, уютный городок, расположенный среди карельской тайги, на холмах, покрытых величественными еловыми лесами. Уникальность городка еще и в том, что вода в привозная, и по утрам каждая семья выставляет у ворот батареи фляг, ведер, тазов, детских ванночек и др. емкостей, в которые водовозы наливают драгоценную влагу. Водовоз, без насмешек, здесь почетная должность. На главной площади, опустив очи долу, стоит бронзовый Киров, рукой показывая куда-то вниз. Очевидно, намекает, что все там будем. В городе сохранилось обширное режимное предприятие. Забор предприятия завалился наружу, но, как у нас на даче, приперт от окончательного падения бревнышками. Конечно, если все кругом разваливается, то почему тюрьма должна стоять незыблемо! Еще в Медвежке множество лежачих полицейских, по семь штук подряд.

За Медвежкой, долго не могли диагностировать источник пьянящего смолистого аромата, разлившегося в воздухе, который пришел на смену запаху цветущей таволги. Когда мы остановились и вошли в лес, тои - по колена провалились в мягкую подстилку из черничника, голубики и багульника. Запах багульника, смешиваясь с душистыми испарениями сфагновых болот, создавал неповторимый букет таежного аромата, разлитого в чистом до головокругления воздухе. Смолк стрекот кузнечиков - они здесь не водятся. Лес стоит стеной. Если отойдешь метров десять от дороги и неверно сориентируешься, то без компаса и умения находить направление по солнцу и звездам - пропадешь. И съест тебя мошка! Кстати о гнусах: несмотря на наши опасения и страхи, гнус нас донимал не более, чем в средней полосе.

Под ногами в тайге сплошные завалы, торф. Разведение костров требует осторожности: малейшая оплошность и пойдет полыхать не только поверху, но и под землей, по завалам. Проехав 2000 километров, только здесь увидели диких уток в придорожных озерах и даже белых лебедей с серенькими лебедятами.

Везде - от Вологды до Медвежки растет красивейший сорняк из рода зонтичных. Это растение, типа борщевика, достигает четырехметровой высоты.

Основной знак мурманской трассы - «неровности». Остановившись в любом месте в пределах видимости, обязательно увидите сразу два этих симпатичных дорожных знака: один позади, а другой впереди маячит. Людей, которые рисуют эти знаки иначе, как художниками не назовешь. У каждого автора свой неповторимый вкус и представление о прекрасном. Бугорки, то предполагаются внизу треугольника знака, как им положено по правилам дорожного движения, а то вдруг - окажутся посередине знака. Вне зависимости от качества дорожного покрытия, «неровности» нарисованные на знаке, то пологие, еле заметные, то пышнотелые, а то вдруг увидишь такую крутизну, как на рекламе Макдональдса. Наверное, каждый художник, занятый изготовлением дорожных знаков, имеет индивидуальную модель перед своим творческим

взглядом. Наиболее продвинутые в натурализме рисуют,- над каждым бугорком еще и по жирной точке.

На заправке в Лоухах мы заправлялись 76-м у колонки, где черным по белому написано ДТ. Я понимаю: у меня на кухне в банке с надписью «манка» всегда лежит лавровый лист...

И еще, для Михаила Задорнова: объявление в магазине Пудожя: «С детскими колясками и собаками не входите!»

ЗАПОЛЯРЬЕ

Постепенно пейзаж начинает меняться. На смену мощной, непроходимой тайге приходит лесотундра. Каменные гряды ледникового периода, покрытые белым ягелем и цветущим фиолетовым вереском, перемежаются с болотистыми участками. В придорожных кустах, спугивали рябчиков и тетеревиные выводки, но редко. На болоте растут тщедушные сосенки, все изогнутые борьбой за выживание. Между сосенок багульник, мох и ягодники: по краям болот - черника, голубика и моря брусники. Но самое замечательное - это морошка. Она растет на торфяных кочках и имеет, ни на что не похожий, приятно приторный вкус. По форме напоминает малину или ежевику. Когда морошка неспелая, она ярко красного цвета, а поспевшие ягоды янтарножелтые, светлооранжевые. Сок ягод, если много съесть, пощипывает язык, наверное, обладает бактерицидным действием, а руки становятся клейкими. Эта ягода очень ценная, ее поставляют на экспорт и в пунктах сдачи ягод, (такие пункты есть в любом здешнем городе и деревне), за морошку дают до 160 рублей за килограмм, тогда как, за чернику не более 80. Еще на болотах растет можжевельник. Его древесина используется для разных душистых поделок - дерево долго сохраняет свой аромат.

В сезон сбора ягод народ с ведрами и совками выезжает в леса за черникой и морошкой. Мы, конечно, не могли удержаться, чтобы не пособирать чернику совком - это так легко и быстро! А из морошки варят варенье, делают желе, морозят и засахаривают. Мы, залили водкой, чтобы угостить друзей.

В месте пересечения полярного круга асфальт восстает из своего подobia, но великолепная дорога кончается через 10 километров. И снова «нервности». Из огородных культур здесь уже ничего не растет - ЗАПОЛЯРЬЕ, но садовую клубнику каким-то образом выращивают и продают на трассах.

После Кольской атомной электростанции, там, где сеть больших озер под названием «Водная система Имандра», очень красивые гористые места. К сожалению, впечатление портят не только неизбежные линии электропередач, но и отвратительный запах местного асфальта, перебивающий все ароматы природного происхождения. Оказывается, вплоть до Баренцева моря, где и проложен асфальт, он источает запах креозота, неистребимый и стойкий - такова уж здешняя технология, самая вонючая в России, а может даже во всем мире. Но, намотавшись по грунтовкам, мы издалека чуяли этот запах и стремились к нему как мухи а мед. Все-таки асфальт есть асфальт, а запах - это вторично.

Еще одно потрясение ждало нас, притаившись среди тайги в окрестностях Мончегорска. На языке саамов (древних обитателей этих мест), «монче» значит красивый, прекрасный. Тем более страшно было обзрывать многокилометровые россыпи черных пеньков, оставшихся от зеленевшей здесь совсем недавно лесотундры. Кажется, что экологическая катастрофа постигла весь мир, так долго тянется бесконечность таежной смерти. Вместо деревьев высятся увешенные проводами линии электропередач. Как дорого мы платим за удобства нашей цивилизации: за никель в наших монетах, за медь в проводах - именно эти химические элементы получают в Мончегорске. Даже выехав за пределы мертвой зоны, мы, долго насупившись, молчали. Каждый сомневался в неизбежности такой платы за комфорт, но проблема слишком специ-

фична, чтобы обсуждать ее неподготовленным людям, захваченным эмоциями.

СМЕНА ПРИОРИТЕТОВ

На этом участке пути мы окончательно определили свои дальнейшие планы. Первоначальный вариант путешествия включал: Хибины, Левозерские тундры, выход к Северному Ледовитому Океану в районе Баренцева моря (предположительно Дальние Зеленцы), посещение Полярного Ботанического сада расположенного вблизи Кировска. Программа максимум включала еще и заезд в Лапландию. Дефицит времени заставлял сделать выбор между Лапландией и всем остальным. Желание увидеть жизнь другой страны на широтах, которые мы пересекли у себя на Родине, оказалось сильнее. Решено: если мурманское консульство Финляндии откажет в визе, тогда будем осуществлять «все остальное».

Мурманск, вытянувшийся вдоль Кольского залива, поразил нас обилием светофоров и зарослями, цветущего как раз в это время, Иван-чая на улицах города. Оказываются, дикие травы в городе это оригинально и красиво! Поскольку, запастись солидными рекомендациями, у нас не было времени (собрались по «северам» скореепалительно), мы прихватили журнал «МОТО» и в последний день добрые люди в городском спорткомитете выдали нам рекомендацию в Финское консульство, где охарактеризовали нас как законопослушных и замечательных во всех отношениях граждан. Загвоздка была в том, что Мурманское консульство выдает визы только жителям Заполярья, а все остальные граждане, (то есть мы с Жорой) должны визу получать либо в Москве, либо в Питере. Заезжать за визой в столицы - не было времени. Решили рискнуть: получим визу - хорошо, откажут - ну что ж, зато, как сказала моя подруга, «жизнь прожита не зря, мы побывали в тундре». На консула, скажем прямо, большое впечатление произвел журнал «МОТО». Консулом оказался молодежавый мужчина средних лет, говоривший по-русски не хуже нашего, коммуникабельный и доброжелательный. Он вошел в наше положение и обещал оформить визу за пять дней вместо обычных семи. Радость наша не имела границ. Итак, у нас пять дней для знакомства с Мурманской областью. Консул рекомендовал половить речную форель в реках : направления «на Серебрянку». Мы последовали совету умного человека, тем более, что поняли - Мурманскую область этот человек знает не хуже мурманчан.

Но судьба решила, что нам пора бы и отдохнуть, дневному, наконец, организовать. Только мы доругили до реки Териберки (ударение на 2-м слове), как начался проливной дождь. Проехали по реке в поисках порогов, и на одном из них расположились с палаткой. Дождь хлестал более суток. Поедим, поспим, порыбачим (рыба размером с мизинец), снова поедем, опять подремлем. Еще я под дождем собирала грибы, чтобы пожарить их на примусе, под зонтиком. Отдохнули до тошноты. Когда дождь прекратился, плюнули на рыбу и, раз уж мы на дороге, ведущей в Дальние Зеленцы, значит, это и есть наш путь.

КРАЙНИЙ СЕВЕР

На заправке нам сказали: «Если Вы хотите к морю, оно есть в Туманном, для этого не надо пить в Зеленцы!». Не утруждая себя хлопотами о запасе бензина (до Туманного 90 км.), мы тронулись на самый что ни на есть крайний Север. Дело было вечером. Стоял полярный день. Первое время в Заполярье нас удивляло то, что ночи, темноты нет вообще. День и ночь светит солнце. Вот оно опустилось ниже к горизонту, в воздухе похолодало. Температура упала ниже точки росы. Начал сгущаться туман. Мы одели все имеющиеся в наличии одежды, но все равно было холодно, солнце не грело. Оно только пробивалось сквозь туман, создавая ирреальные пейзажи и меняя привычные глазу цвета. Из-за необычного для нас состояния природы, мы

словно выпали из привычных представлений о времени. Через 50 километров вонючий асфальт закончился, и началась довольно сложная при нашей загрузке грунтовка. У меня время от времени возникали мысли о том, как бы приспособить на себя еще и пуховый спальник, но дорожные трудности не оставили места для такого масштабного одевания - надо ехать.

Доехав до Туманного, мы поняли, что доверились на заправке несведущему человеку - никакого моря и даже его залива в Туманном не было со времен Великого Тетиса. Море - в Дальних Зеленцах. Но, во-первых, до Зеленцов 38 километров еще более сложного грунта и у нас не хватит бензина на обратный путь. Во вторых, к морю нас не пустят погранцы, поскольку о пропуске надо хлопотать в Мурманске. В третьих, бензина ни в Туманном, ни в Зеленцах нет, и никто его нам не продаст ни за какие деньги, поскольку возят его из Мурманска.

Время полночь. Стоим мы непутевые - горюем над своей глупостью. Едет «четверка». Я возьми и подними руку. Машина возьми и остановись...

Выходит мужик, он едет с рыбалки. Слово за слово, узнал, откуда мы и говорит: «Берите литров десять из бака». Как Жора ни старался, не идет его бензин в нашу канистру. Тут подходит другой местный житель и со словами: «Видно тебе бензин воровать не приходилось» быстренько нашу канистру наполнил. Только я отдала деньги (по мурманским расценкам), рыбак выяснил, что у нас общая историческая родина (он с Украины) и пытался вернуть нам деньги: «Давайте я Вам бензин подарю. Не могу со своих деньги брать!»... Еле отбились. Отдать последний бензин первым встречным, только из чувства приязни к ним - это по-русски!

У рыбака (станочника широкого профиля по ремонту ГЭС), мы узнали, где можно ловить рыбу с разрешением, а где вообще нельзя. Кстати, весь этот водевиль разыгрался как раз возле домика инспектора по рыбе. Разрешение стоит смешные деньги - 12 рублей. Но сразу после полудни пункт выдачи разрешений еще не работает. На улицах Туманного много народа, несмотря на столь поздний час - они отсыплются, наверное, полярной ночью. Большинство хрущевок в поселке оставлены населением и смотрят окрест пустыми глазницами окон. Здесь (и повсеместно) люди поставлены в такие условия выживания, что всем, кто сохранил при этом человеческий облик, пора ставить памятник при жизни. Таковы люди Севера.

Вскоре и мы перешли на непонятный распорядок дня и ночи. Едем, не взирая на время. Спать захочется - значит пришла ночь, проснулись - наступил день. Здорово! Невозможно даже представить, что из-за отсутствия бензина мы не проехали бы эти несравненные 38 километров ям, камней, песка и ручьев на дороге. Не увидели бы мест, где присутствие человека ограничено лишь узкой лентой плохой дороги, а дальше бескрайние просторы тундры. 500 метров вправо, 500 метров влево и скроется из глаз за ближайшим холмом дорога - связь с людьми. Ничего не спасет тебя, заблудившегося, разве что удача. По обочинам в несметных количествах рассыпана по тундре морошка. Ближе к Баренцеву морю, то бишь - к Северному Ледовитому Океану, местность становилась все пересеченней, и множество речек перетекает из одного озера в другое, беснуясь на каменистых перекатах. Если бы мы не поехали по этой дороге, разве узнали бы, как клюет речная форель? Разве посчастливилось бы нам держать в руках «пеструшку», сверкающую алыми блестками на ладони? Разве семга срывала бы крючок вместе с плетеной леской на 12 килограммов!? Красота, сотканная из глубоких насыщенных оттенков бытия, окружала нас. Озера с водой чистой и яркого небесно-голубого цвета, в окружении суровых гор, поросших темно-зеленой травой такого оттенка, какого не увидишь больше нигде. А камни! Отдельные большие камни, пригретые солнцем, осели, провалились в вечную мерзлоту, образуя провалы в почве. Этот процесс шел многие тысячи лет после того, как ледник притащил и, обессиленный бросил их здесь. Понимание этих временных масштабов

придает особый вкус восприятию окружающей красоты.

Повсеместно растут подосиновки, хотя не только осин, но и других деревьев здесь нет в помине, разве что карликовая березка, высотой 20 см, с листочками меньше копейки. У одного из озер, где мы ночевали, всю ночь квохтали полярные куропатки. Они взлетали из-под ног и, перелетев несколько метров, скрывались в траве. Я рада, что мои представления о тундре оказались, избитошибочными, и этот край многим удивил нас. Поворот за поворотом и мы оказались на берегу Ятрышного залива Баренцева моря. Отлив. Дно залива обнажено. Мы ходим по дну моря, разглядывая водоросли, «морские желуди», мидий, зацепившихся за камни. Общий фон обнаженного дна - желто-оливковый, пахнет морем, но вода малосоленая. По мостику переехали бурно шумящий Ятрышный ручей и по берегу залива устремились к заставе. С воды залива то и дело поднимаются нырковые утки, а гаги с гагашатами, хлопая крыльями, отплывают от берега. По берегу бегают кулички - зуйки. Вдоль берега залива - все великолепие северных растений: обильно цветет золотарник гренландский, колокольчик лапландский, а арктическая толокнянка покрывает склоны сплошным ковром красных, но, увы, мало съедобных ягод. Повсеместно растет шкша, она же вероника, она же водяника - мелкий кустарничек с мягкими игольчатыми листочками, похожими на еловые, ее кустики усыпаны черными ягодками. Они хорошо утоляют жажду, но не более. Наверное, и у других многочисленных цветов и растений не менее экзотические названия, но мы их не знаем.

Молодые ребята на заставе позвонили командиру. Он был непреклонен - дальше нельзя. От берега Баренцева моря нас отделяло полтора километра хорошо укатанной грунтовки, но, увы... Ребята разрешили нам подняться на ближайшую к морю сопку, чтобы сфотографироваться на его фоне. Солдаты поведали нам, что поселок (десять лет назад в нем жило три тысячи жителей) населением полностью оставлен. Сейчас там только заставка и работают ботаники и биологи из Питера, Москвы и Казани, которые и просветили нас (в дальнейшем мы их повстречали) насчет видовых названий здешних растений. Через год заставу расформируют и тогда все, кто хочет, смогут проезжать здесь к морю без препятствий. Нам осталось попрощаться с солдатами и тронуться в обратный путь.

Вскоре нас нагнали жигули. В них - трое мужчин из Подмосковья. Им повезло больше: по пути на заставу они встретили подполковника, который позвонил на заставу, и их пропустили. Они показали нам свои сувениры - камни окатыши величиной с чайник. Меньших они не нашли, все побережье усыпано очень крупной галькой, иные «окатыши» величиной с дом. Ребята искупались в Баренцевом море, и держат путь на Белое. Мы решили вместе пообедать и прогуляться вверх по ручью. За это время наступил прилив, и весь залив заполнился морской водой, скрылись все водоросли и прибрежные камни, на которых мы недавно стояли. Для нас никогда не видавших прилива - это было, как чудо.

В устье Ятрышного ручья устроено место для стоянки: кострище с металлическими опорами для котелков. Чисто. После праздничного совместного обеда, плавно перешедшего в ужин, часть коллектива свалилась отдыхать, а мы с Жорой и один из москвичей пошли вверх по ручью. Ручей, правильной было бы назвать его речкой, то - неся среди камней, то прорывался сквозь скалы водопадами, то, выскакивая на ровные участки, образовывал озера, запруженные камнями. На обратном пути все вокруг затуманилось, прямо на нас выпала роса, солнце, просвечивая сквозь туман, окрасило все вокруг в розово-золотистые тона. Было два часа после полуночи. Я долго наблюдала с мостика, как Жора гулял по морскому дну - опять наступил отлив. Ребята заспешили в путь.

Приятно встретить в пути таких же бродяг, как и мы. Они не смотрят спесиво, с ними легко найти общий язык, улыбнуться на прощание и вспоминать с симпатией.

Сохранится ли мостик через ручей, когда уйдет застава, или его сожгут на кострах за два сезона? Тогда к Большим Зеленцам не проедешь ни на чем.

Утром (когда прósнулись - на часах два после полудня), собрались в обратный путь. Последующие два дня запомнились тем, что мотоцикл не хотел заводиться горячим, и, если остановишься, то или жди, пока остынет или полчаса дергай кик. Обычно Жора предпочитал второе, хотя по времени - без разницы. В Мурманск возвращаемся 1 августа. Выходные. Народ собирает морошку, купается (вода как в Черном море +17°C), отдыхает, жарит шашлыки. Что удивительно, машины оставляют без присмотра на трассе и уходят в тундру за ягодой. И никто машины не угоняет такого здесь нет!

Проблем с получением визы не было. Купили страховку (на двоих 250 рублей), заплатили за визы 70 евро. Консул при выдаче визы сказал: «Я видел Вас на Териберке. Только не говорите, что Вы там наловили форели. Сам в тех местах рыбачил - не клевало!». Бывают же совпадения во времени и пространстве! Да, если бы не поездка в Дальние Зеленцы, мы бы так и думали, что в северных реках рыбы нет.

Во дворе перед посольством, где мы ставили мотоцикл, подошел парень: «Вы из Ульяновска? Ну, ребята, на таком агрегате! Купили бы Хонду и забот никаких!» Мы без ложной скромности (признались, что забот у нас и так - никаких. А если бы позволял достаток, Хонду бы действительно купили!

БАРЕНЦЕВ РЕГИОН

Часть вторая

АВАНТЮРИСТЫ?

Вывернув все карманы, и оставив немного на обратный путь, мы набрали денег для поездки по Финляндии в количестве 8400 рублей. Обменяли на евро - получилось около 290. Зная, что бензин там по 1,2 евро, и все остальные цены прямопропорциональны этому коэффициенту, мы пригорюнились. Барышничать водкой и сигаретами - это несерьезно, но как потом выяснилось, именно так и делает большинство русских людей, и все очень удивлялись нашей нерасчетливости. Но мы не жалеем, ведь времени у нас и так было очень мало, растратить его еще и на поиски покупателей - было бы, того глупей. Обедать в ресторанах медвежатиной и олениной - не получится. Но не для гастрономических утех мы собрались в Лапландию! Нами движет более сильная страсть - любопытство!

Покупка риса и консервов не заняли много времени. Заправиться решили в Верхнетуломском и правильно - бензин у границы стоил уже 20 рублей за литр. При въезде в Колу остановились возле фотوماгазина и все! Двигок не заводится, даже не схватывает! Продув, а затем и промывка карбюратора мало что изменили. Повторная промывка карбюратора, проверка всех проводов эффекта не дали. После долгих диагностических мучений выяснилось, что дело в свече. Заменяли и поехали, как ни в чем, ни бывало! В Коле очень много бомжей, ну просто ужас! Больше, чем в Мурманске - портовым городе. Мы чувствовали себя неудобно, когда они целыми стаями проходили мимо нас.

Вдоль всего Кольского залива выстроились санатории и дома отдыха мурманчан.

За сто километров от границы прошли пограничный контроль. Дальше пограничная зона, пускают только с визой. После того, как в 1940 году финны оставили эти территории, они так и не были заселены. Свообразие холмистой местности придают елочки - почти голые, только на верхушке - хохолок хвои. Много споровшего леса. Видимо

в пограничную зону пропускают не только транзитников, как мы, но и кого-то еще, с выпивкой в багажнике и чувством вседозволенности в душе. Много показательных стоянок со столиками, с туалетами. Ну, правильно, кто здесь ездит, понастроили и ни обслуживать не надо, ни мусор убирать. Почти Европа - чисто, и без затрат!

Неожиданно асфальт закончился, его сменил крупный не укатанный щебень. Вдвоем ехать невозможно. Иду пешком около трех километров, а Жора трепыхается впереди, помогая себе ногами. Дальше пошла просто щебенка. Непросто попасть за границу! На границе долго ждали, пока разрешится какая-то пограничная ситуация - говорят, нарушителей ловят. Наконец нас пропустили, но на финской стороне ждало потрясение: нашего тощего кошелька. Российская страховка, автогражданка, то есть, не годится. Оказывается надо оплатить финский вариант «автогражданки» и заплатить за зеленую карту. Пришлось, скрепя сердце, отдать 85 евро. Финны не препятствовали фотографированию на фоне их президента Тарьи Халонена. Также разрешили сняться на КПП. 100 километровой пограничной зоны у них нет (вся страна - шириной 200 километров). Сразу после границы наше заднее колесо стало заносить. Ага, надо подкачать! Но насос закапризничал, и пришлось подъехать к небольшому финскому домику, который оказался пунктом по обслуживанию пограничных сооружений. Молодой парень занимался починкой «ATV YAMAHA», а офицер дал нам насос. Выразить свою просьбу Жора смог международным словом «помпа». Пока муж качал колесо, я пыталась беседовать с офицером, используя свой скудный запас английских слов.

ЛАППИ

Самая северная губерния Финляндии называется Лапландией или просто Лаппи. Если Вам нравятся мегаполисы, зной асфальтовых джунглей, то Лапландия не для Вас. Для Лаппи характерно причудливое чередование суши и вод. Лапландцы, живя в тундре и лесотундре, в лесу, где порой на многие километры нет никого, берегут свою хрупкую природу. Это трогательно, приятно и внушает уважение.

Дорога до Ивало превосходна, но грунтовые ответвления дороги ведут к шлагбаумам - там частная земля. В отличие от других стран Европы в Скандинавии можно переночевать на частной территории, только нельзя мусорить, жечь костры и вообще наносить вред. Дальше по направлению к Инари, трасса идет, огибая озеро Инариярви. Здесь множество хорошо оборудованных стоянок у озера, кемпинги и придорожные отели. Осмотрев главную площадь поселка, мы озадачились проблемой бензина. Заправки автоматические. Заправляются с помощью кредитных карт. Есть и лоток для денег. Внимательно рассмотрев на автомате картинку, где изображены банкноты и их положение при подаче в щель автомата, я попыталась скормить 10 евро прожорливой машине. Машина мои евро выплевывала. Я встала в тупик. Видя мои мучения, подошел парень, (он заправлял свой БМВ) и с улыбкой протянул свою руку к моим еврам. Я их ему с облегчением отдала, надоела противная бумажка. Парень разгладил торец купюры и снова предложил автомату, автомат выплюнул, недовольно гудя. Парень еще раз старательно разгладил банкноту и некоторое время аккуратно и настойчиво кормил автомат с руки моими еврами. Наконец, удовлетворенно пискнув, автомат проглотил бумажку. Помощник показал мне, на какие еще кнопки нужно нажать, перед тем как сунуть пистолет в бак. «КИТОС!»- спасибо, одно из трех волшебных финских слов, которые так выручали нас в Лапландии. Впредь я уже заправляла Жору самостоятельно.

Кроме любопытного обозрения окрестностей Инари, техники и окружающих людей, мы понаблюдали за полетами на гидросамолетах (100 евро за 3 мин. полета), сходили в супермаркет и прошли по сувенирным магазинам. В том числе зашли в магазин саамского быта. Там продаются замечательные вещи с национальными ор-

наментами, выполненные по старинным технологиям, но конечно все они очень дороги. В Инари - две церкви: старая, заброшенная в 6 км от поселка, и новая, построенная на деньги американцев, находящаяся в центре поселка. Мы зашли в последнюю. Протестантская церковь, выполнена из дерева, с натуральной черепицей, но современной архитектуры. Молодой парень, очевидно прихожанин этой церкви, согласился сфотографировать нас возле алтаря, где изображен «удивленный саам, впервые увидевший Христа». Рядом с церковью захоронения немецких солдат (догадались по свастике на памятнике), как все могилы на всех финских кладбищах, они усажены живыми цветами. На площади мы поприветствовали (помахали рукой) парочку мотоциклистов. Они спешили, сняли прямо на площади комбинезоны и, оказавшись в гражданской одежде, подошли к нам. Финны наших лет - муж и жена из центральной части Финляндии (из Сейняйоки) путешествуют: он на Мото Гуцци, она на Yamaha. Мы по карте показали, что мы из Ульяновска. Мужчина, глядя на мои промокшие ботинки, показал на свои ноги, которые поверх модных мотобот были укупорены полиэтиленовыми пакетами, притянутыми к ботам простой бельевой резинкой. Я восхищенно подняла вверх указательный палец - молодец!

Охватив взглядом цены в супермаркете, мы загордились своей мудростью: съесть банку тушенки за 6 евро было бы серьезным испытанием для нашей психики. А молоко по 1 евро за литр и хлеб на ту же сумму - это еще куда ни шло. Молоко в Финляндии превосходное, а хлеб - как вата. Кроме неизбежных сувениров, можно купить и кое-что из туристского снаряжения, особенно, если товар продается со скидкой. Я купила себе ботинки с «GoreTex» и прочими прибамбасами, за 85 евро. Это на 50 евро дешевле, чем у нас в фирменных магазинах. Плюс еще уверенность, что изготовлены ботиночки не в ближнем Подмосковье. Если озадачиться и не пожалеть времени на небольшие хлопоты, можно при выезде на таможне получить до 18% от суммы покупки обратно.

Дальше мы решили ехать в направлении Ровениеми через Киттиля, чтобы познакомиться с Лапландией как она есть, без рекламных штучек. Кстати на трассах и городских дорогах нет рекламы - только в магазинах. На дорогах - только реклама культуры и досуга, указатели музеев, кемпингов, отелей, мест для рыбалки и т.п. Дорога на Киттиля гораздо хуже магистральной трассы через Соданкюля, есть даже грунтовые участки, но они хорошо укатаны, нет крупных камней. Дорога такого качества встречалась нам на Урале в направлении Телюка, когда там не было асфальта. Качество дороги таково, что можно без ущерба для техники держать скорость 70 км/час.

Долго едем участком дороги, с обеих сторон которой установлена редкая капроновая сетка. В данном случае это обозначение границ национального парка Лемменйоки (3 тысячи квадратных километров). В других случаях так же обозначают участки частных владений. В местах, где приходилось проезжать по грунтовой дороге, мы заметили, что многие вырубki в таком же неухоженном состоянии, что и у нас: пенки, кучи неубранного хвороста. Но, в отличие от российских вырубок, здесь не сбривают подчистую весь участок, а оставляют для развода несколько мощных сосен, от семян которых через некоторое время поднимется новый лес. На трассе - оборудованные стоянки, на многих из них щиты с рекламой близлежащего места в парке, которое можно посетить, оставив технику на стоянке, пройдя по хорошо маркированной тропе от 3-х до 8-ми километров.

Самой интересной частью парка считается долина реки Лемменйоки. В начале двадцатого века здесь мыли золото, и каждый может попытать свое счастье и намыть несколько крупинок драгоценного металла, хотя промышленно месторождение давно не используется. На маршрутах можно ночевать в домиках бесплатно. На одной из стоянок вывешена информация о поселке - музее саамского быта. Туалет и мусор-

ные баки на стоянках присутствуют повсеместно. Очень чисто. К сожалению, поход по парку не входил в наши планы, строго ограниченные временем пребывания.

ДУХ ЛАПЛАНДИИ

Мы предпочли заехать в музей самого известного (ныне покойного) художника Лапландии - Рейдара Сярестениеми. Его картины примечательны насыщенными тонами, теми, что я заметила еще в окрестностях Дальних Зеленцов - ведь мы все еще в Баренцовом регионе! Художник жил в деревне Коуконен в 25-ти километрах от Киттиля. На трассе указатель. Сворачиваем и асфальт переходит в грунтовку. Дорога проходит по дремучему еловому лесу, среди больших красноватых валунов, обросших черными и сероватыми лишайниками. По обочинам - ковер спелой черники. Горделиво возвышают красные шапки неизбежных подосиновиков. Через 15 километров - мы на маленькой стоянке возле музея.

Посещение музея - галереи - бесплатно. Это тем более удивительно, что на обслуживание и уход за музеем, видимо идут немалые средства. Когда проходишь по красивому дому, где жил художник, понимаешь, что он не только создавал яркие, личностные полотна, но и построил дом своей мечты. Здесь царит культ дерева и камня, такой близкий и родной всем Лаппи. Горят камни. Они распространяют по жилищу восхитительный аромат смолистого дыма. Каждая мелочь говорит о безупречном вкусе, любви к своему дому, расположенному в лесу у реки и связанному с окружающей природой не только незримыми, но и вполне материальными узами: нештукатуренные стены из лиственничных бревен, где видна поверхность дерева, камин и крыльцо, сложенные из плитняка, широкая лестница, ведущая на крышу для любования рекой, балкон с видом на таежные просторы...

Но древнейшие способы устройства жилья соединены здесь с самыми современными достижениями науки и техники: сауна с огромным бассейном на втором этаже, телефон, рояль, библиотека, новейший, по тем временам, проигрыватель: Простота, граничащая с роскошью, великолепие непритязательности и утонченность современных удобств. Величие духа этого дома в том, что именно так стремится жить современная Лапландия: украшая своим присутствием природу, сливаясь с нею в одно целое, наслаждаясь красотой родной земли, охраняя ее, чтобы любоваться ею вечно.

Нам кажется, что именно здесь мы почувствовали дух Лапландии, суть ее. Многое осталось, конечно, за гранью эмоционального восприятия просто из-за элементарного незнания не только финского и шведского, но даже английского. Жаль!

В Кауконен мы чисто случайно попали в жилище одного из научных сотрудников музея. Камин, обширная библиотека, большая коллекция карманных часов, висящих на гвоздиках, множество хозяйственных вещей из бересты и дерева (чаши, стулья и кресло из цельного дерева с капом). Несмотря на то, что хозяин холостой мужчина, на подоконниках цветы, белоснежные занавески на окнах и уютный половичок возле кровати.

ВСТРЕЧИ С СООТЕЧЕСТВЕННИКАМИ

К кемпингу возле Киттиля мы подъехали под вечер. Выяснив с администратором (или хозяином) кемпинга, что нам нужен «tent», я показала ему в разговорнике выражение «сколько это стоит?». и он написал рядом «11 евро». Нас это устроило. На смеси всяких языков, кроме русского, финн объяснил мне, где находится кухня, душ, туалет, и главное, я все поняла! Продолжая помогать себе жестами, администратор сказал мне, что здесь живут три девушки из Питера. Наши девчонки на машине приезжают сюда каждый год для сбора морошки. Они сидели на крыльчке и сортировали собранную за день морошку, придавали ей товарный вид. По разговору чувствует-

ся, что девушки побывали не только в Лапландии, но и в Швеции и Норвегии. Нынче тоже, заработав деньги, они немного попутешествуют, и с оставшимися суммами поедут домой. Труд, разумеется, адский: лица, припухли от укусов мошки, солнце облупило нежные носики, но девушки довольны: здесь за килограмм морошки дают восемь евро, а в Мурманске только 160 рублей. Работать приходится с раннего утра, до поздней ночи (перебирать собранную ягоду). В кемпинге, за домик со всеми удобствами, им, за длительность проживания, сделали скидку: они платят 11 евро.

Мы не стали отвлекать девушек от ягод, им чуть свет снова на болото, да и нам пора принять, наконец, горячий душ. Еще раньше мы повстречали «своих» в магазине сувениров в Инари. Двое парней из того же Питера вознамерились проехать на жигулях на самый северный мыс Европы (Норд Кап). Мы узнали их по родному говору и поболтали о том, о сем минут 15, и расстались, пожелав удачи друг другу. Еще одна приятная встреча была возле Киттиля, когда мы увидели строящийся финский домик, и заинтересовались процессом постройки. Оказалось, что двое студентов питерского строительного института, под руководством хозяина будущего жилья, возводят дом. Финн-отец строит дом для своей взрослой дочери. Вот, подивились мы, не только русские помогают своим взрослым детям! Один из студентов в совершенстве знал финский и оба парня обладали необходимой квалификацией, чтобы за сезон заработать 3 тысячи евро. Это конечно менее «пыльно», чем собирать морошку.

На фабрике готовят набор для заказанного дома и ребята, как «Лего», собирают каркас, возводят перекрытия и крышу, утепляют и заливают пол, настилают на эту основу доски или паркет, возводят и утепляют стены, проводят все коммуникации. К осени дом готов. Рядом строят дом по заказу русских, которые будут жить здесь, не имея гражданства. Оказывается, так можно и без проблем. Дом здесь стоит около 100 тысяч евро. Последняя наша встреча с «русскими» будет в магазине «Интер спорт», в Рованиemi, где я покупала ботинки. Выбирать было нелегко, и вдруг к нам подошла девушка - студентка одного из местных вузов и заговорила по-русски. Она из Киргизии, учится и живет в Рованиemi и лично знает консультанта, который лучше всех в этом городе разбирается в спортивной обуви. Она предложила нам роль посредника-переводчика между нами и консультантом. Так, вчетвером мы и выбрали то лучшее, что позволял нам наш кошелек. Нам пришлось четырежды встречаться с соотечественниками, и все они с чувством симпатии говорили о хозяевах здешних мест. В этом мы успели убедиться сами за пять коротких дней. Где бы мы ни были, в Лапландии к нам относились как к добрым приятелям, к гостям, к единомышленникам. Спасибо всем! Kiitos!

При подъезде к Киттиля, скромным финским домикам с фермами, пришли на смену дачные участки горожан: дома пороскошней, поставлены с разумной удаленностью друг от друга, приспособлены для рыбалки и отдыха на природе.

СКАНДИНАВЫ

На лужайке рядом с нами, расположились: семья голландцев с пятью детьми, «шведская» семья из одного мужчины и двух дам, богатые цыгане с двумя детьми и парочка финнов. Большинство семейных путешествуют на «трейлерах», оснащенных всем необходимым для комфортабельной жизни на колесах.

Мы готовили на примусе, что здесь разрешается. На кухне только посуду помыли. Соседские девочки из Голландии мыли посуду рядом со мной. Они распевали при этом песни. А вот включать радио или магнитофон - ни, ни! Не принято. Пока я готовила на примусе, голландцы играли в бадминтон и качались на качелях. Самый маленький мальчик, несмотря на юный возраст, подавал очень ловко и я, показав Жоре рукой в его сторону, восхищенно отозвалась об игре малыша. Только одной реплики

на незнакомом наречии, сказанной вполголоса, было достаточно, чтобы голландская мама подошла к нам для разговора на вавилонском языке, для предложения стола и стульев для обеда. Я не удержалась от возможности осмотреть чудесный дом на колесах и выразила свое искреннее восхищение их транспортом и дружной семьей.

В кемпинге, кроме домиков типа того, где жили девушки из Питера, есть еще и совсем маленькие домики без душа, туалета и кухни. Эти удобства жители маленьких домиков разделяют с теми, кто живет в палатке. Все места общего пользования содержатся в чистоте, есть еще и прачечная со стиральной машиной-автоматом.

На трассе по ходу пересекаем санный путь, он обозначен дорожными знаками, на которых изображен человек на снегоходе. Утром мы уже были на пути в Рованиеми.

Рованиеми - главный город Лапландии. Уже в 15 веке здесь существовало поселение, в годы Второй мировой город был полностью разрушен. Восстановлен - после войны по проекту самого знаменитого финского архитектора Алвара Аалто. В восьми километрах от города расположена деревня Санта Клауса с кучей сувенирных магазинов. Там же проходит граница Северного Полярного Круга. В деревне Санта Клауса - стелла, с указанием расстояния от деревни до всех столиц Европы, включая Москву. В Лапландии все жилые дома одно-, от силы двух - этажные. Исключения составляют только административные здания - они могут быть многоэтажными, как в Рованиеми. Как в любой столице, найти бесплатное место для стоянки - проблематично. Из культурных мероприятий мы посетили музей искусства в центре Рованиеми. После музея Рейдара Сярестениеми, можем только сказать: «арт», он и в Лапландии «арт». Погуляли по центральному улочкам Рованиеми. Везде летние кафе, где продают пиво, к нему жареную картошку и рыбу, тоже жареную. Нам повстречался Лапландский Бомж. Он выглядит так: чистенький, но неряшливо одетый мужчина, небритый (естественно пьяненький, босой и с мобильником на шее...)

Чувствуется, что народ, отработав положенное ему время, озадачен только одним: как отдохнуть сообразно своим жизненным интересам. В воздухе витает предсказуемое будущее, уверенность в чудесном завтрашнем дне, доброе, благосклонное отношение к окружающим, улыбочивость, готовность помочь.

Даже в городах финны стремятся построить свой дом в отдалении от соседа, чтобы не помешать друг другу. Жить, как бы не в городе, а среди природы. Когда мы остановились на одной из придорожных стоянок, рядом с нами, метрах в 30 оказалась компания молодежи. Они выпивали, обедали на траве, загорали и купались (кто в купальниках, кто без него). Никакого шума, истинно нордическое поведение, отсутствие громкой музыки, музыку здесь слушают через наушники. К вечеру они уехали, убрал за собой все до соринки в мусорный контейнер, (который своевременно опорожняется и не бывает переполненным). Поздно вечером подъехала пожилая пара на очень дорогой «мицубиси»: он в смокинге, она в вечернем платье. Они переоделись в спортивную одежду, поставили палатку и ночевали недалеко от нас. На рассвете нас разбудили гортанными криками какие-то нахальные птицы, похожие на галок, но с оранжевыми спинкой и хвостом.

Утром оказалось, что у нас опять спустило колесо, насос опять не работает, а соседи на дорогом авто уже укатили. Тогда мы потихоньку докатились до близлежащего заведения похожего на ремонтные мастерские заготовителей леса. Финн средних лет, по нашим красноречивым жестам понял, что мы терпим бедствие - Жора показал ему прохудившийся ниппель. Финн демонстративным жестом, с улыбкой, выкинул наш ниппель в мусорный бак, поставил годный и компрессором накачал колесо нашего мотоцикла до величины давления, которое Жора начертал на песке. Денег не взял...

До сих пор я считала, что человек не может своим присутствием украсить природу, думала и была убеждена, что человек - враг окружающей среды. После поездки

по Лапландии моя уверенность пошатнулась. Среди леса стоит аккуратенький домик, и вокруг него нет ни выгребных ям, ни кульков с мусором, брошенных через дорогу. В основном финские домики выкрашены в коричнево-красный цвет. Бывают и светлых тонов, но редко, и на наш взгляд традиционная раскраска - симпатичней. Однако одинаковый цвет большинства домов, не создает впечатления однообразного инкубатора, поскольку планировки очень разнообразны.

Стрижет газон перед домом обычно парнишка лет 12-и. На газоне пластиковый стол и стулья - они не убираются на ночь. Перед домом всегда цветник. Около дома беседка с вазонами цветов, обтянутая сеткой от комаров. На газоне - мельничка для детей, качели, или что-то еще детское. Ближе к дороге белым заборчиком огороженный бак для мусора, сияющий чистотой, и почтовый ящик на столбике. На самом видном месте - символ дома: то нелепо изогнутое сухое дерево, то какой либо «арт» - нечто оригинальное. Даже если дом построен по новым технологиям, отопление обычно печное, везде проглядывается стремление украсить свою жизнь единением с природой. Здесь любят дерево и камень. В Лапландии верят, что каждый камень - это умерший предок и относятся к камням, а заодно и ко всей окружающей природе, соответственно.

Перед домом может быть положена плита амазонита метр на метр, из наростов березы выдолблены вазы или стулья - ко всему натуральному чувствуется стремление и почтение. Но главное чистота. Даже если хозяева - фермеры, то нет речи о кучах навоза, разбросанной технике и запчастях к ней. Характерно, что финские мужчины в основном люди мощного телосложения, часто слегка рыхловатые, а финки чаще худощавые, стройные, скорее жилистые. Несмотря на идеальный порядок во всем, финна за работой мы видели всего однажды: он косилкой косил траву на поле, а финку возле дома мы так и не увидели. Чем они там заняты в своих финских домиках? Наверное, трудятся, не разгибая спины по хозяйству, наводя чистоту в доме. Финны, как и русские, способны посмеяться над собой и у них существует такая притча: когда финн сватает девушку, он ей говорит: «Выходи, дорога за меня замуж! Я человек зажиточный и серьезный. У меня на ферме столько работы - спина будет трещать!» Шутка шуткой но, наверное, только такое трудолюбие способно превратить человеческое жилище в оазис чистоты и благоустроенности на фоне дикой природы.

Кстати о дикой природе: в отличие от России, где диких животных на дорогах мы лицезрели только на дорожных знаках «Осторожно дикие животные», в Лапландии дикие олени на трассах действительно представляют реальную опасность, о которой и предупреждают соответствующие дорожные знаки. Сначала мы снимали всех вышедших на дорогу рогатых символов Лапландии. Потом мы поняли, что всех не снимаешь, их действительно очень много, особенно утром и вечером. (В Лапландии пасутся сотни тысяч оленей). Рогатые красавцы, олениа и их мамаше все смотрели на нас большими влажными глазами и не очень поспешно убежали в сторону, смешно растопырив широкие копыта. В тундре, конечно, не разведешь огорода - холодно, но чуть поуже перед домом садят картошку или клубнику, немного, около сотки. За участками этих культур тщательно ухаживают, и они тоже являются украшением жилья, но обязательно обнесены изгородью: сеткой или характерной финской загородкой с наклонными жердями - от оленей. Собаки у финнов очень красивые - это лайки, но не карело-финские (рыжие), а западно-европейские (черно-белые). Они бегают в вольере, где им построен миниатюрный финский домик, раскрашенный в традиционно кирпично-красный цвет. А вот кошек не видели. Ближе к Ровеними, там, где болот уже не так много, коровы пасутся на огороженных полях, а севернее - только стойловое содержание. На фермах не более 20 коров. Редко около 50. Коров-

ники мы поначалу принимали за человеческое жилье, поскольку куч навоза возле них не наблюдается, да и покрашены коровники все в те же неизменные красно-коричневые тона, а окна блистают чистотой и незамутненностью.

Обязательно у каждого члена семьи по велосипеду. Сзади велосипедов приспособливают пластмассовые стульчики для тех, кто не может еще крутить педали. В Ивало мы видели, как молодой папаша, в полном велоприкиде, тащил на прицепе яйцеподобную пластиковую люльку на колесиках, с младенцем внутри. Над люлькой развевался флажок на длинном шесте. Пожилые велосипедисты не так модно одеты, могут ездить без шлемов и просто в шортах и футболке. А совсем старенькие бабульки и дедульки лихо гоняют до магазина на самокатах. Оттолкнутся одной ножкой, поставят ее на самокат и катят. Надо затормозить, на ручке самоката есть тормоза.

Кстати, давно ли Вы примеряли свой кошачник? В Лапландии многие пожилые женщины носят саамские национальные шапочки. Люди покупают вещи, сделанные по старинным технологиям, чтобы одеть их и почувствовать дух тех времен, как бы перенестись в прошлое своей страны.

Часто на трассе, среди необъятного леса встречается клумба цветов и красный почтовый ящик - значит недалеко в лесу - ферма. Фермеры занимаются не только сельским хозяйством, но и продают лес с принадлежащих им лесных участков. Несмотря на обилие техники возле домов, часты, тем не менее, автобусные остановки. Они закрыты от ветра только сверху и всегда украшены цветами, чаще всего буйно цветущей геранью.

Однажды видели наш комбайн! Скошенная трава зачастую упаковывается в аккуратные тючки из белого полиэтилена, такие же технологии мы встречали и у нас в Татарии.

Рыбалка, как говорится во всех путеводителях в Финляндии, превосходна, но все «рыбные места» находятся в частной собственности. На трассе часто висят значки, где изображена удочка с рыбкой, но мы из-за нехватки денег и времени не заезжали в подобные места. Однажды увидели, как финны рыбачили на бурной речке. Жора подошел и объяснил ребятам, что у него нет разрешения на ловлю рыбы, но он хотел бы снять, как финны ловят рыбу. Парни сказали, что здесь можно рыбачить без разрешения, поскольку рыбы в реке все равно нет. Озадаченный Жора попросил их все-таки побросать спиннинг еще, а он поснимает. Один из парней покорно забросил удочку и далее последовал рывок лески - попалась щучка килограмма на два. Парень принялся хохотать и сказал, что эта рыба - наша с Жорой, поскольку ихняя рыба давно вся выловлена. Так мы поймали финскую рыбу на уху.

В финском характере сочетаются деликатность и готовность помочь. Если Вы не проявляете к человеку интереса, он обойдет Вас и даже Вашу тень, чтобы не нарушить свое и Ваше пространство. Но если каким то образом финн поймет, что Вы интересуетесь им, его домом или у Вас проблемы, он идет на контакт легко и непринужденно. Русский, как нам сказали, хорошо знают полицейские, но нам «не посчастливилось» не то что вести с ними беседы, но даже видеть. Так что наше общение с аборигенами происходило на смеси финского, немецкого и английского, ни один из которых мы не знаем (то есть запас слов не более 20-ти). Помогал русско-финский разговорник. Мы просто показывали фразу в разговорнике, типа «сколько это стоит?» и просили написать ответ. Или показывали карту и называли место, куда нам нужно попасть, и нам показывали. Как ни удивительно все вопросы разрешались. Мы всегда попадали в желаемое место, будь то обувной магазин в Рованиemi или деревня в глубинке Лапландии.

Кемиярви - промышленный город и важнейший железнодорожный узел, но кроме дымящих труб ничем не отличается от других мест в Лапландии. Дети на спортивной

площадке играют в футбол: девчонки и парни вместе.

Направление на Саллу, это уже дорога домой. Прощались в душе с аккуратненькими финскими домиками, с большеглазыми оленями, бегающими по дороге, с деревом, камнем и людьми, вложившими в них душу. Полярный день катился к закату. На небе впервые за время путешествия засияла луна. Ночь застала нас вдали от стоянок и кемпингов. Мы остановились у реки, очевидно, это земля - собственность живущих на другой стороне трассы людей. Мы жарили подаренную нам финскими парнями щуку и собранные на обочине грибы. Нас не беспокоил никто и мы не оставили после себя ничего, кроме квадрата смятой палаткой травы.

Утром мы остановились для посещения последнего финского музея под открытым небом. Он посвящен войне. Здесь есть землянка, в которой жили шведские добровольцы, воевавшие на стороне финнов в войне 1939 года. Дощатый тротуар от дороги до землянки проложен среди черничника, усыпанного ягодами. Он тянется вглубь леса километра на полтора. Ни одна доска не качнется, установлены перила. Землянка просто расчищена, рублены нары, столик, стоит ржавая железная печка, времен войны. Заходишь, согнувшись, внутрь и понимаешь, что война - это смерть, бессмыслица бытия. Тут же недалеко памятник Второй Мировой Войне, а вокруг него четыре столба, и укрепленные на них каски, пробитые осколками и пулями - финская, русская, немецкая и шведская. А потом - граница, переход и мы дома. В России нам все знакомо, а что неясно - мы всегда можем спросить на родном языке. Погода нахмурилась, и пошел мелкий моросящий дождь. В погранзоне мы подъехали к советскому памятнику времен 1939 года. За ним ухаживает застава и дежурит солдат. Он снялся с нами возле памятника, горделиво расправив плечи, и крепко сжимал оружие в руках. Война, прощай! Надеемся, мы не встретимся с тобой лицом к лицу.

После выезда на питерскую трассу, при пересечении полярного круга (прощай Заполярье!) мы встретили троих итальянцев на мотоциклах. Наше общение было построено чисто на русско-итальянском темпераменте. Жестикуюлиры, мы пытались сломать языковой барьер. Ребята оказались из Турина. Они проехали в Мурманск через Польшу и Финляндию, а сейчас направляются в Питер и Москву. Удачи!

Остановились ночевать возле большого поселка Лоухи, на озере. Мама родимая, какая свалка! Приезжающие отдыхать просто сваливают здесь весь свой мусор! Горы мусора. Жуткая картина, невозможная в Финляндии!

В Пудожье нас заправили бензином розового цвета, но, несмотря на наши подозрения - качество его оказалось превосходным. Кроме того, мы повстречали группу ребят и девчонок на мото из Вологды. Они стремились на Онегу, к мысу Бесов Нос. Там древние начертали на скалах петрографы. Ребята приглашали нас с собой. Подъезд к мысу не простой, но на мото вполне доступный. К сожалению, время поджимало. Но совету, относительно проезда по грунту мы последовали: оказывается не обязательно обращать внимание на дорожные знаки, усиленно направляющие путников в объезд, на грунтовку. Достаточно было проехать по грунту от Саминского погоста до Адомского, а там уже проложен асфальт, но по нему официально еще не ездят, однако строители не препятствуют нарушителям. Мы сделали несколько извинительных жестов строителям и по их молчаливому согласию въехали на новенький асфальт. Здорово! Сократили километров 20 грунтовок! И что приятно: обочины дороги засажены клевером, а карьеры разровняли! А лес, оставшийся после постройки дороги, сложен аккуратными поленицами, и строительные материалы не валяются, пейзаж не портят. Есть надежда - и у нас будет красиво и чисто.

После Белого Ключа на трассе в направлении Вологды съездов практически нет и, когда мы доехали до реки Кема, то сразу за мостом свернули направо, проехали по грунтовке метров 500, повернули к реке на первом же повороте.

Не поверите, здесь мы обнаружили стоянку с кострищем, столиком и главное абсолютным отсутствием мусора. Вполне может быть, что мы доживем до тех времен, когда не придется до полуночи жечь бутылки, чтобы поставить палатку, как было с нами возле поселка Лоухи...

Последние болота с морошкой, начинающие желтеть березы. Давно ли мы ехали в другом направлении, купаясь в запахах цветущего лета. Дождь, наконец, прекратился, но вдруг погнало тучи с севера, и температура упала до +8 градусов. Одели все, что было, но все равно отчаянно мерзли.

Торопясь домой, Жора рискнул было ехать ночью, но фара просевшего мотоцикла светила куда то вверх и вбок, а ехать по нашим дорогам без света - самоубийство. Свернули с трассы в месте, где возвышались столетние сосны: и въехали на промышленную свалку. На свалке ночевали первый раз в жизни - экзотика! Жора полночи лежал в обнимку с топором, прислушивался - ждал бомжей. К родным местам приехали голодные: в сельских магазинах нет ни хлеба, ни колбасы, ни молока, а без этих трех продуктов нам обед - ни обед. Перед Алатырем на обочинах растут яблони, усыпанные довольно крупными плодами. Ими мы и перекусили. Зато в Сурском (почти дома) славно пообедали в придорожном кафе и поздним вечером, (это был 21-й день путешествия) подъезжали к дому. На спидометре добавилось еще 7 тысяч километров пробега.

Мы проехали по Мурманской области и Лапландии, которая хотя и испытывает большее влияние теплого Гольфстрима, но находится в том же климатическом поясе. Вопрос общности и различий вначале вставал перед нами часто и остро задевал самолюбие. У нас новую трассу окружают страшные карьеры и груды строительного мусора. У них дорожные карьеры аккуратно разровняли и посадили на их месте сосенки. У нас ездай себе во всех направлениях, всюду тебе и стол и кров и MW под любым кустиком, а у них все эти дела - в строго определенных местах. У нас - кюветы под три метра, а у них - кюветы пологие и засажены постриженной травкой. Однако у них съезжать с трассы принято на оборудованных стоянках. Там столики из дерева, которые никто не ломает, мусорные контейнеры с крышкой на пружине, туалеты в виде симпатичных избушек, с не переводящейся туалетной бумагой, абсолютной чистотой и запахом цветов внутри. Зато у нас, несмотря на то, что не созданы условия цивилизованной парковки, встречаются места, где приезжающие не только увозят, сжигают и закапывают свой мусор, но и убирают чужой. Причем так поступают не только члены христианской общины на озере Кубенском.

В национальных парках Финляндии, можно совершать походы по размеченному, маркированному маршруту и без него. Но, уходя без маршрута, ты должен понимать, что ответственность за свою безопасность - на тебе. Если потеряешься, где тебя искать? Впрочем, размеры национальных парков (в масштабах нашей страны) таковы, что ориентирование на местности, выживание - это у них не актуально, по крайней мере летом. Нам, же хочется побывать в местах, где не ступала нога человеческая. Предсказуемость, предопределенность, отсутствие риска - и нам уже скучно. Ночевать мы - романтики жизни, любим с топором в изголовье. А у них: едет девушка на велосипеде одна по своей Финляндии (две сумки впереди, две сзади) и в мыслях не держит никакую личную безопасность. Понятие свободы передвижения и свободы вообще, у нас и у них сильно разнятся. У нас свобода в смысле «все вокруг колхозное, все вокруг мое», но жуткая несвобода от всех и вся: от начальника заставы, от директора заповедника и т.п. и т.д. У них все наоборот: не личность накладывает ограничения на поведение и передвижение, но правила, которые все соблюдают, потому, что

хотят зависеть только от этих правил, но не от личностей, как у нас.

Уровень жизни в Финляндии конечно высокий, но живут тоже по разному: у большинства современная дорогая техника, но видели и старые, насквозь прогнившие машины, на которых ездят, пока они еще способны к движению.

С распадом СССР, многие заказы, выполняемые для Союза, оказались невостребованными. В их стране тогда тоже разразился кризис. Из самой дорогой страны Скандинавии, с самым высоким уровнем жизни Финляндия стала самой дешевой скандинавской страной. Но, они преодолели кризис, и сегодня это чувствуется во всем.

У них даже фермы терпящие упадок, не расхищаются. Они умирают, тихо зарастая травой и грустно глядя немывыми стеклами окон. Дома, которые построены на наших северах еще в прошлом веке, без ухода приходят в ветхость, разграбляются и разваливаются. Присмотрели мы один из старинных домов в Саминском Погосте, (по виду домина был в хорошем состоянии, явно жилой). Решили спросить у хозяев разрешения ознакомиться с его внутренним устройством. Хозяевами оказались пенсионеры - жители Ярославля. Скучная российская пенсия не позволяет по человечески жить в городе, они оставили городскую квартиру и переселились «на дачу в Самоино». Держат лошадей, корову, козочек, курочек и двух собак для охраны, иначе все разграбят остальные жители поселка, которые уже много лет нигде не работают и не отягощают себя хозяйством. Пенсионерка разводит огород, солит огурцы и помидоры. Хозяйка угостила нас молоком и провела по дому, построенному в стародавние времена и до сих пор исправно служащему людям.

Наконец в голове прояснилось: нельзя сравнивать несоизмеримое! По ту и другую сторону границы мы встречали добрых людей, которые помогали нам не только советом. Замечательно, что сходство наших стран именно в этом, в человеческом факторе. Но еще лучше, что мы разные во многом другом. Ведь только дополняя друг друга, можно составить нечто полноценное в масштабах человечества. Да, не грех, съездив в гости, подивившись на чужую жизнь и нравы, кое-что из понравившегося приспособить к своей судьбе. Но именно приспособить, а не просто перенять. Индивидуальность в нашем глобализованном мире - величайшая ценность. Все, что мы видели в России и Финляндии следует воспринимать как данность. Нас - хороших людей - должно быть много - и все мы такие разные, что ездить в гости друг к другу нам всегда будет интересно. При условии, что мы будем толерантны, терпимы к странностям и мелким недостаткам друг друга, будем уважать себя, свою культуру и историю и столь же трепетно относиться к культуре, истории и образу жизни соседей.

Вечер. Холодно. Заходящее солнце окрашивает окружающее в нежно-розовые тона. Все вокруг кажется необычным: и озера, и темнеющие леса, на вершины которых падают последние, яркие лучи солнца. Зажигаются огоньки в ближайших селах, туман ползет по оврагам и руслам рек. Мы едем домой! Все вокруг родное и любимое. Стоит уехать далеко-далеко, увидеть большой мир, другой, возможно даже лучший, чтобы понять, как дорого для нас все, что окружает нас в обыденной жизни.

**«Слава богу, на свете есть много всего,
Что на наше и ихнее не разделить!»**

(ИВАСИ)

Фотоавтографы от W.W...

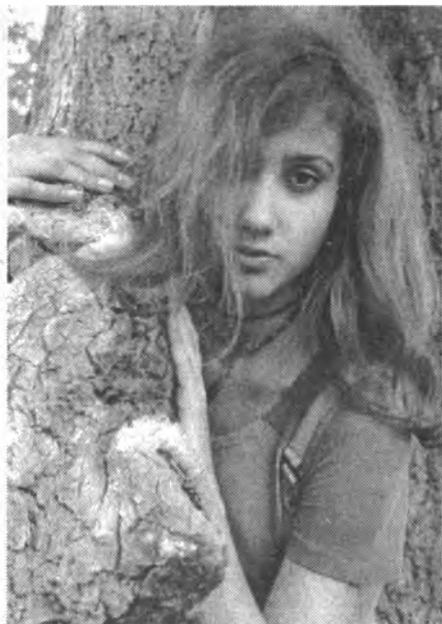
Summer

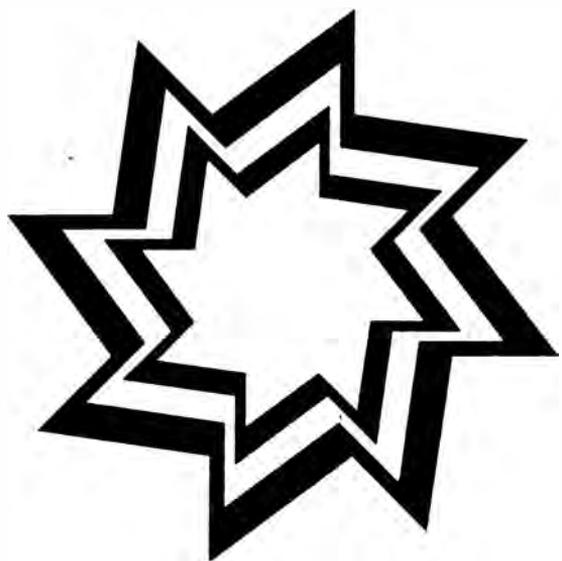

Summer

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ЧЕРЕМШАН» ЗА 2004 ГОД:

ПОЭЗИЯ

Артемова Людмила - стихи	NN 2-3, 5.
Высотин Николай - стихи	N 5.
Зиновьев Владимир - стихи	NN 1, 2-3, 4, 5.
Кононенко Юрий - стихи	N 4.
Куликова Виктория - стихи	N 2-3.
Лачугин В - стихи	N 2-3.
Лещенко Лидия - стихи	N 2-3.
Манухин Валентин - стихи	N 4.
Осипов Александр - стихи	N 1.
Парфенова Елизавета - стихи	N 4, 5.
Плаксин Николай - стихи	N 5.
Слюняев Павел - стихи	N 1.
Сорри Екатерина - стихи	N 4, 5.
Степанова Лидия - стихи	N 2-3.
Сысуев Виктор - поэма	N 2-3.

ПРОЗА

Жуков Анатолий - рассказ	N 2-3.
Инга - рассказы	N 1.
Никонов Александр - сказ, повесть	NN 2-3, 5.
Рутько Арсений - повесть	N 2-3, 4.
Смольников Дмитрий - повесть	N 1.
Стрючков Василий - рассказы	NN 1, 5.
Трудников Денис - рассказ	N 2-3.

ПУБЛИЦИСТИКА, КРАЕВЕДЕНИЕ

Гордеев Валерий - очерки	NN 1,2-3,4,5.
Дмитрук Михаил - интервью	N 2-3.
Долодаренко Римма. - Путевые заметки	N 5.
Домбровский В. - заметки	NN 2-3,4,5.
Смольников Дмитрий - исследование	N 5.
Стрючков Василий - очерк	N 2-3.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ХРОНИКИ

В.Гордеев	N 5.
Даты, записки	NN 1,2-3, 4, 5.
Домбровский В. - рецензии	NN 2-3, 4, 5.
Надыктов Александр - эссе	N 4.
Сысуев Виктор - комментарии	N 5.
Постолов А. - заметки	NN 2-3, 5.
Устинов В.- обзоры	NN 4, 5.

Содержание

В. Стрючков. К годовщине начала Российско-Чеченской войны. Рассказ	3
А. Никонов. Последний выстрел Солтмурада. Повесть	14
Л. Артемова. «Дайте сна до утра...» Поэтическая подборка	62
В. Гордеев. Дамы почти из «Хеллоуина»... Сатирический рассказ.....	66
Н. Плаксин. Из лирического цикла «Шконка».....	71
Д. Смольников. Методика выявления геопатогенных зон. Практическое пособие.....	77
В культурной столице ВСЕ должно быть прекрасно! Зарисовки.....	89
В. Зиновьев. «Кому еще будем молиться?» Сатиризмы.....	102
Литературная хроника	108
Р. Долодаренко. Баренцев регион. Путевые заметки.....	118
W.W. Фотоавтографы	138
Содержание журнала «Черемшан» за 2004 год	142

